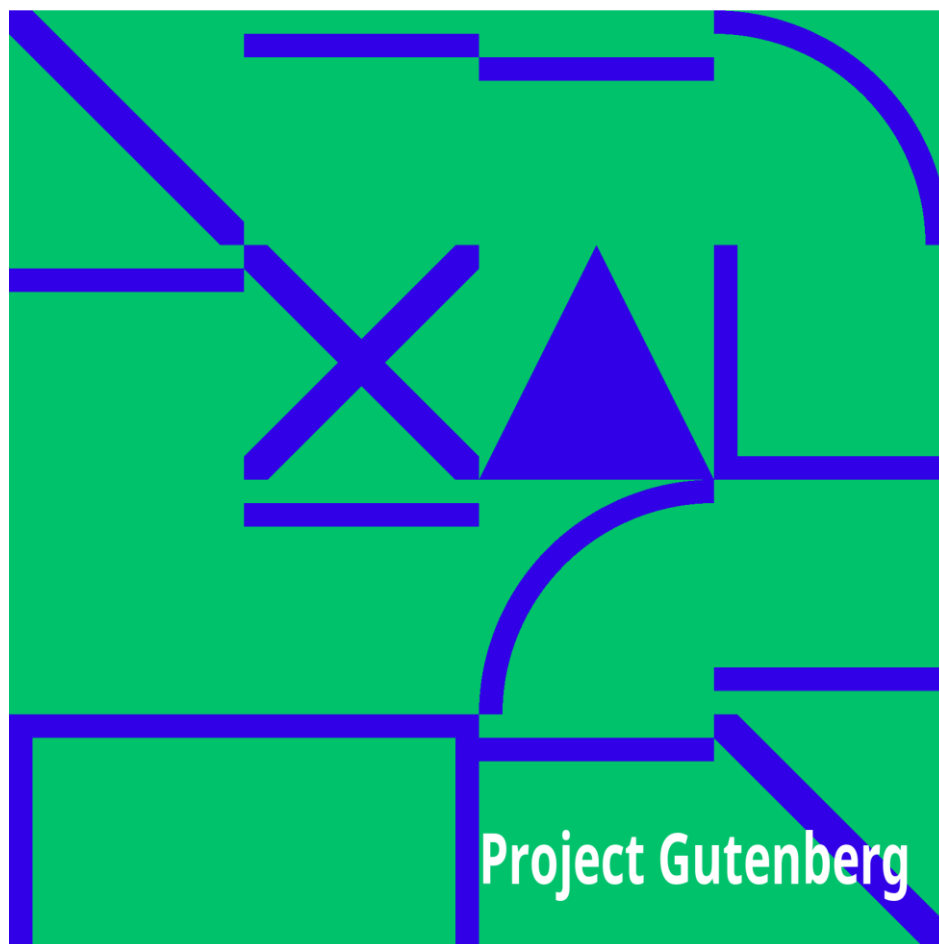

Средневековая Европа

Х. В. Карлесс Дэвис

Medieval Europe

H. W. Carless Davis

The Project Gutenberg eBook of Medieval Europe.

Эта электронная книга предназначена для бесплатного и почти без ограничений использования любым человеком в Соединенных Штатах и большинстве других частей света. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее в соответствии с условиями Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Средневековая Европа

Автор: H. W. Carless Davis

Дата выхода: 1 августа 2004 [eBook #6369]

Последнее обновление: 29 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено В. М. Остерманом, Джульет Сазерленд, Чарльзом Фрэнкс и группой онлайн-распределенной корректуры

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK MEDIEVAL EUROPE ***

Подготовили В. М. Остерман, Джульет Сазерленд, Чарльз Фрэнкс

и группой онлайн-распределенной корректуры.

ДОМАШНЯЯ УНИВЕРСИТЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННЫХ ЗНАНИЙ

№ 13

Редакторы:

ГЕРБЕРТ ФИШЕР, М.А., F.B.A. ПРОФ. ГИЛЬБЕРТ МУРРЕЙ, Litt.D., LL.D.,
ПРОФЕССОР ДЖ. АРТУР ТОМСОН, М.А. ПРОФЕССОР УИЛЬЯМ Т. БРЮСТЕР, М.А.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА

Х. У. К. ДЭВИС, М.А.

СТИПЕНДИАТ И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ БАЛЛИОЛЬСКОГО КОЛЛЕДЖА В ОКСФОРДЕ АВТОР КНИГ "КАРЛ ВЕЛИКИЙ", "АНГЛИЯ ПРИ НОРМАННАХ И АНЖУЙЦАХ" И Т. Д.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

I ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

II ВАРВАРСКИЕ КОРОЛЕВСТВА

III ИМПЕРИЯ И НОВЫЕ МОНАРХИИ (800-1000 ГГ. Н.Э.)

IV ФЕУДАЛИЗМ

V ПАПСТВО ДО ГРИГОРИЯ VII

VI ЦЕРКОВЬ ГИЛЬДЕБРАНДИНА

VII СРЕДНЕВЕКОВОЕ ГОСУДАРСТВО

VIII ЭКСПАНСИЯ В ЕВРОПУ - КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

IX ВОЛЬНЫЕ ГОРОДА

ПРИМЕЧАНИЕ О КНИГАХ

КАРТА ВАРВАРСКИХ КОРОЛЕВСТВ И ФРАНКСКОЙ ИМПЕРИИ

КАРТА ФРАНЦИИ

КАРТА СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

КАРТА КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

КАРТА АЛЬП И СЕВЕРНОЙ ИТАЛИИ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА

ВВЕДЕНИЕ

Все деления истории на периоды искусственны в той мере, в какой они точны. В истории, строго говоря, нет ни конца, ни начала. Каждое событие является продуктом бесконечного ряда причин, отправной точкой бесконечного ряда следствий. Язык и мышление, правительство и нравы трансформируются незаметно, в результате чего каждая эпоха - это переходный период, который не может быть полностью понят, если не рассматривать его как дитя прошлого и родителя будущего. Так и виды животного и растительного царств переходят один в другой, пока, если мы наблюдаем только за крайними случаями, мы не начинаем сомневаться в том, что вид - это не более чем плод воображения. И все же биолог готов отстаивать идею вида; точно так же и историк считает, что различие между одним этапом культуры и другим достаточно реально, чтобы оправдать и, более того, потребовать использования отличительных названий. В развитии отдельных сообществ и групп сообществ время от времени наступает момент равновесия, когда институты стабильны и приспособлены к потребностям тех, кто живет в них; когда умы людей наполняются идеями, которые они находят полностью удовлетворительными; когда государственный деятель, художник и поэт чувствуют, что они лучше всего выполняют свои миссии, если выражают в делах, работе и языке чаяния, общие для всего общества. Тогда на какое-то время человек кажется хозяином своей судьбы; и тогда преобладает разумный оптимизм, благородная экзальтация, довольство, соединенное с надеждой. Зритель чувствует, что находится лицом к лицу со зрелостью социальной системы и вероисповедания. Такие моменты действительно

редки, но именно для того, чтобы понять их, мы и читаем историю. Все остальное в человеческих судьбах носит характер вступления или эпилога. Теперь под периодом истории мы понимаем отрезок времени, в течение которого этот баланс гармоничной деятельности, это примирение реального с идеальным, находится в процессе подготовки, реально существует и исчезает.

Таким периодом были Средние века - века, отделяющие древний мир от современного. Это было нечто большее, чем переходные века, хотя гений Гиббона представил их как долгую ночь невежества и силы, лишь искупленную от полного убожества некоторыми затяжными лучами античной культуры. Верно, что они начались с невольного отделения от власти, которая в пятом веке олицетворяла мудрость Греции и величие Рима; и что они закончились ликующим возвращением на землю обетованную античного искусства и литературы. Но этот перерыв не был простым пребыванием в Египте. Ученые эпохи Возрождения разрушили столько же, сколько и создали. Они свергли одну цивилизацию, чтобы расчистить место для другой. Необходимо было пересмотреть старые каноны мышления и поведения. В истории всех полуправд наступает время, когда они становятся большими препятствиями на пути к истине. Но это не должно помешать нам признать ценность полуправды как руководства для тех, кто впервые ее обнаружил; не следует также впадать в ошибку, свойственную всем реформаторам, полагая, что они понимают целое, когда утверждают важность пренебрегаемой половины. На стороне Эразма был разум, но и на стороне Аквинского тоже. Лютер был в своем грубом смысле пророком; но и у святого Бернарда было послание для человечества.

Средневековая культура была несовершенна, ограничивалась узким кругом высших умов, не давала удовлетворения некоторым из высших способностей и инстинктов. Однако если оценить ее по воспоминаниям и достижениям, которые она оставила современному миру, то можно сделать вывод, что она не стоит в одном ряду с более ранними и более поздними Золотыми веками. Он процветал среди грубого окружения, яростных страстей и материальных амбиций. Вулканический огонь первобытной человеческой природы тлел у поверхности средневековой жизни; события, о которых повествует средневековая история, слишком часто являются событиями гнусных и беспощадных распрей, религиозных гонений, преступлений и завоеваний, нелепо оправдываемых жеманством моральной цели. Правда в том, что у каждой цивилизации есть изнаночная сторона, которую легко разоблачить и обличить. Однако мы не должны судить об эпохе по ее преступлениям и скандалам. Мы не думаем об афинянах исключительно или главным образом как о людях, которые ополчились против Перикла, пытались поработить Сицилию, казнили Сократа. Мы оцениваем их скорее по их самым героическим подвигам и самым продолжительным делам. Мы должны применить тот же критерий к средневековым народам; мы должны судить о них по их философии и праву, по их поэзии и архитектуре, по примерам, которые они дают для государственного управления и святости. В этих областях мы не увидим, что имеем дело со спазматическим и нерелексивным героизмом, озаряющим варварскую эпоху. Высшие достижения Средневековья - плод глубоких размышлений, настойчивых и сосредоточенных усилий, самозабвения в служении человечеству и Богу. Иными словами, они возникли на почве и созрели в атмосфере цивилизованного общества.

I

ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Средневековая история начинается с распада Западной империи, с оставления латинского мира германским завоевателям. Из провинций, пострадавших от катастрофы, самой

молодой была Британия; и даже Британия к тому времени уже более трехсот лет была римской землей. Для Италии, Испании и Галлии смена хозяев означала атрофию институтов, которые поначалу принимались неохотно, но со временем стали восприниматься как часть естественного порядка вещей. Большая часть Европы лежала за пределами эвакуированных провинций; ведь римляне так и не вошли в Ирландию, Скандинавию или Россию, не смогли подчинить Шотландию и большую часть современной Германии. Но романизированные провинции долгое время оставались доминирующей силой в европейской истории; на руинах империи разгорелся очаг средневековой культуры. Насколько победоносные тевтоны заимствовали у завоеванных провинций - вопрос до сих пор спорный; степень и характер влияния Рима на новых правителей в каждой провинции, да и в разных частях одной и той же провинции, были разными. Факт долга остается фактом, заставляя сомневаться, действительно ли в этом случае выживал сильнейший. Недостатки общественного устройства, рухнувшего под воздействием неблагоприятной судьбы, болезненно очевидны. Естественно говорить об окончательном свержении как о суде небес или приговоре событий. Но еще предстоит доказать, что война является неизменным критерием ценности; мы изгнали судебный поединок из наших судов, и было бы опрометчиво полагать, что процесс, очевидно абсурдный в применении к спорам отдельных людей, должен определять суждения истории о национальностях или империях.

Непосредственные и очевидные причины, погубившие Западную империю, были военными и политическими - недостатки профессиональной армии и профессиональных администраторов. Если задаться вопросом, были ли эти недостатки симптомами зла, более широко распространенного в других сословиях и классах общества, мы должны углубиться в анализ фактов. Никакой *априорный* ответ не может быть удовлетворительным.

Началом и концом катастрофы стали успешные набеги на Италию. Аларих и его вестготы (401-410 гг. н. э.) пошатнули престиж и уничтожили эффективность правительства, правившего от имени слабоумного Гонория. Остроготы под командованием Теодориха уничтожили последний симулякр имперской власти, укоренившейся в Италии (489-493 гг. н. э.). После победы Теодориха над Одоакром стало ясно, что западные провинции больше не признают императора, провозглашенного в Равенне; хотя оставался шанс, что они могут быть вновь завоеваны и реорганизованы из Константинополя. Этот шанс исчез, когда лангобарды перешли Альпы (568 г. н. э.) и спустились в долину реки По. От первого до последнего Италия была ключом к Западу. И все эти последовательные потрясения императорской власти в Италии были вызваны одной причиной. Все три вторгшиеся орды пришли с Дуная. Римский берег великой реки был недостаточно укреплен гарнизонами, а ошибочная политика привела к колонизации дунайских провинций тевтонскими народами, не менее опасными, чем номинальные союзники (*foederati*) империи. Вестготские набеги, которые на самом деле были решающими, удались потому, что военная оборона Западной империи была уже напряжена до предела, а римские армии не только превосходили по численности, но и были парализованы ревностью соперничающих государственных деятелей и разделены мятежами генералов, претендующих на пурпур. Первые катастрофы были непоправимы, потому что вся машина римского чиновничества остановилась, когда руководящая рука Равенны потерпела неудачу. До сих пор зависимые от Италии, другие провинции теперь напоминали конечности, отрезанные от туловища. То тут, то там местные вожди поднимали штандарт сопротивления варварам. Но большая часть провинциалов заключила мир на лучших условиях, которые они могли получить. Таковы основные факты.

Очевидно, что изначальная ошибка римлян заключалась в чрезмерном расширении их власти. Это признал не менее известный государственный деятель, чем Август, основатель

империи; но даже в его время было уже поздно отступать; он мог лишь выразить протест против дальнейших аннексий. Охватывая все побережье Средиземного моря и значительную часть территорий на юге, востоке и севере, империя была обременена тремя сухопутными границами огромной протяженности. Две из них, европейская и азиатская, были постоянными источниками беспокойства и требовали отдельных военных учреждений. Чтобы не пренебрегать ни одной из них в интересах другой, было разумно передать императорскую власть в управление двум коллегам. Первым этот план принял Диоклетиан (284-305 гг. н. э.); с его времени проекты разделов витали в воздухе и осуществлялись бы более регулярно, если бы опыт не показал, что разделы закономерно ведут к гражданским войнам между соперничающими императорами. В 395 году, после смерти великого Феодосия, опасный план был подвергнут последнему испытанию. Его малолетним сыновьям, Аркадию и Гонорию, было позволено разделить империю; но линия раздела была проведена скорее из расовой ревности, чем из военных соображений. Она проходила от среднего Дуная (около Белграда) до точки около Дураццо на Адриатическом побережье, а затем до залива Сидра. К востоку от этой линии лежала сфера греческой цивилизации, провинции, которые смотрели на Александрию, Антиохию и Константинополь как на свои естественные столицы. К западу от нее преобладающим языком была латынь, а высшие слои общества строились по образцу итальянской аристократии.

Основанный на принципе, который вызывает у нас современное уважение к национальности, этот раздел лишь придал юридическую форму расколу, который давно готовился. Но в одном отношении он был катастрофическим. Оборона дунайской границы была разделена между двумя правительствами; восточное правительство, считая обедневший Балканский полуостров второстепенным и рассматривая проблему с чисто эгоистической точки зрения, оставило без охраны великие магистрали, ведущие от Дуная в Италию. Стилихон, великий полководец, управлявший Западом от имени Гонория, рискнул встретить эту опасность, вмешавшись в дела полуострова и даже в политические интриги Константинополя. Ему удалось добиться лишь непрочного союза с вестготами и постоянной неприязни Восточной империи. Ему пришлось в одиночку разбираться с первыми захватчиками Италии, и после его безвременного падения отчуждение между двумя императорскими дворами сохранилось. Западная империя, преданная единственным возможным союзником, рухнула под тяжестью одновременных атак по всей линии европейской границы.

Утверждается, что в V веке римские армии не были ни столь крепкими, ни столь дисциплинированными, как в более раннюю эпоху. Однако, как бы то ни было, они все еще могли показать себя с лучшей стороны, когда на равных сражались с самыми воинственными варварами. Именно патриотизм и численность, а не профессиональная эффективность, подвели их, когда они подверглись высшему испытанию.

Армии теперь в значительной степени пополнялись варварами, которые составляли более половины боевой силы и считались цветком римского воинства. Многие из этих наемников проявляли открытое презрение к своим нанимателям и сочувствовали врагам, за борьбу с которыми им платили. Кроме того, каждая армия, независимо от ее состава, как правило, представляла собой наследственную касту с сильным корпоративным духом, не уважавшую никакой власти, кроме власти генерала. У солдат не было гражданских интересов, но у них были постоянные претензии к империи. Любой политический кризис наводил их на мысль о мятеже под предводительством генерала, то для получения недоимок и донатов, то для возведения на трон своего выдвиженца. Это зло было старым, восходящим к последним временам Республики, когда Марий в интересах эффективности сделал военную службу

профессией. Но оно усугубилось при преемниках Диоклетиана, когда варварский элемент в армиях увеличился, а римский - уменьшился. Худшие последствия проявились в 406-407 годах. За вторжением германцев в Италию и Галлию последовало провозглашение военных узурпаторов в Британии и на Рейне; римский Запад был разделен гражданской войной в тот самый момент, когда объединение имело первостепенное значение. Отсюда странное зрелище: вестготы, все еще нагруженные римскими трофеями, по приглашению империи вступают в Галлию, чтобы сражаться с имперскими войсками.

Проблема численности была признана ранее, но не была решена более адекватно. Диоклетиан, как говорят, увеличил армии в четыре раза, и в IV веке они были намного больше, чем при Юлиях и Августе; Константин пересмотрел схему обороны границ, чтобы обеспечить максимально возможную экономию людей. Тем не менее, при Гонории мы видим, что один жизненно важный пункт можно было защищать только за счет отвода войск из другого. Увеличение численности было сопряжено с двумя трудностями. Во-первых, армия была наемной, а налогообложение и так было напряженным до предела. Во-вторых, трудно было набрать рекрутов среди провинциалов. Старый принцип всеобщей службы был отменен Валентинианом I (364-375 гг.); и хотя обязательные сборы с некоторых сословий все еще взимались, правительство сочло нужным запретить призыв тех, кто вносил наибольший вклад в налогообложение. Каждый гражданин был обязан по закону защищать местные крепости; но использование оружия было настолько непривычным, идея военной службы как национального долга была настолько забыта, что Стилихон, когда варвары уже были в Италии, предпочел отчаянную меру - вербовку рабов - очевидному средству всеобщего призыва к оружию. Мы сталкиваемся здесь с социальной болезнью, которая была больше, чем экономическая слабость. Империя, несомненно, была сложной и дорогостоящей формой правления, наложенной на общество, стоявшее на зачаточной стадии экономического развития. Варварские методы налогообложения и коррупция среди правящих классов усугубили бремя до такой степени, что муниципалитеты провинций обанкротились, а капиталисты среднего класса были выведены из-под налогообложения. По этой и другим причинам население старых провинций оставалось неподвижным или сокращалось. Но в империи по-прежнему было много богатства, и крупные землевладельцы в провинциях могли создавать значительные армии среди своих зависимых людей, когда считали нужным. Настоящим злом было моральное зло, упадок гражданской добродетели.

Мы не имеем в виду, что этика частной жизни ухудшилась по сравнению с нормами прошлого. Это невероятно, если вспомнить, что христианство теперь было практически универсальной религией Империи; ведь христианство, в самом худшем и слабом своем проявлении, делало больший акцент на этических обязанностях в узком смысле, чем любая из более древних религий. Провинциал был более нравственным существом, чем гот или вандал. Это простое суеверие, что каждая победоносная раса целомудренна и бережлива, справедлива и законопослушна; или что неудачи в борьбе за существование являются симптомом противоположных пороков. Во многих отношениях греки, покорившиеся Филиппу и Александру, были морально выше победителей Саламины и Платеи. Частная и политическая мораль могут прорасти из одного и того же корня; но одна из них часто процветала там, где другая была заторможена. Возможно, это вполне естественно. Человеческая природа редко развивается одинаково во всех направлениях. Люди, которые сильно озабочены правильным упорядочиванием своих отношений с соседями, друзьями и семьей, вполне могут забыть о более крупном сообществе, в котором находится их частный круг. Римский провинциал имел исключительные основания оставаться равнодушным к государству, которое требовало от него лояльности не во имя национальности или религии, а во имя разума и общего блага. Лояльность для него могла быть только интеллектуальным

убеждением. Но, если он не мог попасть в привилегированные ряды армии или на высшую гражданскую службу, у него не было возможности изучать, а тем более помогать решать вопросы политики и управления, с которыми его благосостояние было тесно, хотя и косвенно связано. Политические идеи доходили до рядового гражданина только под одеждой литературы. Самые восхищенные авторы учили его лишь сожалеть о республиканских государствах, давно отживших свой век. Античные энтузиасты, которые он приобретал в процессе обучения, никак не корректировались опытом повседневной жизни. Если он был горожанином, то по закону ему было запрещено менять место жительства и даже путешествовать по империи из опасения, что он может уклониться от сборщика налогов. Если он был сельским землевладельцем, то жил в общине, которая была экономически самодостаточной, а значит, провинциальной до последней степени. Типы характера, формировавшиеся в таких условиях, не были лишены приятных или достойных восхищения черт. Зажиточный провинциал часто был ученым, знатоком искусства и литературы, искусным писателем и собеседником, проникательным наблюдателем своего маленького мира, образцовым мужем и отцом, вежливым с нижестоящими, сердечным с друзьями. Иногда он находил в религии или философии противоядие от мелочности повседневной жизни и восставал против материализма равных, жадности и несправедливости правителей. Но он отчаялся преодолеть пропасть между Империей, как он ее видел, и идеальным содружеством - Городом Бога или Республикой Вселенной, - которое его учителя представляли ему как цель человеческих устремлений. Скорее он был склонен, подобно справедливому человеку Платона, искать ближайшее убежище, покрывать голову и терпеливо ждать, пока буря насилия и несправедливости не утихнет.

Трудно осуждать такое поведение, когда мы вспоминаем ужасающий контраст между слабостью отдельного человека и силой общественного порядка, соизмеримого с самой цивилизацией. Но в этом духе разумной покорности положению вещей, которое казалось в корне неразумным, в этом убеждении, что плохое не может быть улучшено реформами по мелочам, было больше опасности для общества, чем в грубом безразличии эгоистов и недумающих. Когда естественные лидеры общества заявляют, что отчаялись в будущем, фатализм распространяется среди рядовых членов, как заразная болезнь, пока даже недовольство не затихает. На этом зло не заканчивается. Идеалисты расплачиваются за свое презрение к реальному не только своими состояниями и жизнями, но, что еще хуже, своим интеллектуальным достоянием. Как правительство разрушается, когда его перестают проверять постоянными ссылками на принципы справедливости, так и утопия, какой бы великолепной она ни была, исчезает из сознания верующего, когда он перестает пересматривать ее в сравнении с фактами, когда она перестает быть ответом на проблемы, подсказанные житейским опытом. Жизнь и теория оказываются разделены, и теоретик становится продавцом банальностей, а простой человек укрепляется в убеждении, что должен принимать жизнь такой, какой он ее находит.

Этот анализ помогает нам понять, почему Западная империя накануне распада уже приняла вид полуварварского государства. В тех районах, которые в последнее время были заселены тевтонскими колонистами, это явление можно объяснить как результат чрезмерных попыток цивилизовать неподатливый народ. Но даже в сердце самых старых провинций условия были не лучше. Закон и обычай сговорились вытравить идеи и принципы, которые мы считаем исконно римскими. Гражданская власть теперь подчинялась военной. Авторитет государства был ущемлен ростом частных юрисдикций и оспаривался квазифеодальными дружинами великих. Гражданское равенство было заменено иррациональной системой сословных привилегий и сословных обвинений. Право переставало быть упорядоченным развитием общих принципов и превращалось в скопление непродуманных,

непоследовательных эдиктов. Разложение зашло так далеко благодаря небрежности тех, кто был наиболее заинтересован в этом, что, если Европе суждено вновь усвоить высшие уроки, которые должен был преподать Рим, первым шагом должно было стать уничтожение гибридного правительства, которое все еще претендовало на верность имени Рима. Провинциалы пятого века обладали писаниями, в которых были записаны эти уроки, но обладали ими лишь как символами непонятого прошлого. Долгое обучение в новых школах мысли, при новых формах правления, было необходимо, прежде чем европейский ум смог вновь соприкоснуться со старым римским духом.

Великая услуга, которую оказали варвары, заключалась в разрушении. Тем самым они подготовили почву для возвращения к прошлому. Их первые усилия по восстановлению были также ценны, поскольку сложность работы и неуклюжесть продукта возродили в людях уважение к превосходному мастерству Рима. В конце концов варвары преуспели в той области конструктивного государственного управления, где Рим потерпел самую значительную неудачу. Новые государства, которые они основали, были меньше и слабее Западной империи, но предоставили новые возможности для развития индивидуальности и позволили наделить гражданство активными функциями и моральной ответственностью. То, что эти государства страдали от множества недостатков, было очевидно для тех, кто их создавал и жил при них. Идеал всемирной империи, поддерживающей всеобщий мир и братство людей, продолжал преследовать воображение средневековья как утраченная возможность. Но в данном случае, как и во многих других, то, что стало воспоминанием, на самом деле было стремлением; и Европа продвигалась к более высокой форме единства, чем та, которая была разрушена.

II

ВАРВАРСКИЕ КОРОЛЕВСТВА

Варварские государства, возникшие на руинах Западной империи, были основаны, при самых разных обстоятельствах времени и места, племенами и федерациями племен из всех частей Германии. Мы ожидаем найти и находим бесконечное множество деталей в их законах, социальных различиях, методах управления. Но с более широкой точки зрения их можно разделить на два класса, не по расовому сходству, а по их отношениям к общественному строю, в который они вторглись.

[Иллюстрация: Варварские королевства и Франкская империя]

Одна группа королевств была основана под прикрытием юридической фикции: вестготы, остготы и бургунды претендовали на роль союзников империи. В то или иное время они добились признания Константинополя для своих поселений. Их короли принимали или узурпировали титулы императорских администраторов, штамповали свои монеты с изображениями правящего императора, датировали свои прокламации именами консулов на год и многими другими способами выставляли свое номинальное подчинение в качестве юридической основы своего фактического суверенитета. Эта фикция не мешала им управлять своими новыми владениями в истинно тевтонской манере - через королевских бейлифов, управлявших государственными демонами, и военных офицеров (герцогов, графов и т. д.), самодержавно властвовавших над административными округами. Самые мягкие из них не стеснялись обеспечивать свои армии за счет массовых конфискаций; обычным правилом было отбирать у крупного собственника треть или две трети его имущества в пользу тевтонского иммигранта. Кроме того, у нас есть множество свидетельств того, что провинциалы находили существование значительно более шатким при новом порядке. Богатые люди были подвержены злему умыслу лживых доносчиков и продажных

судей; земледельцы часто подвергались угнетению, а нередко от частичной свободы переходили к абсолютному рабству. Однако в некоторых отношениях захватчики этого типа были терпимы и приспособляемы. Они оставили провинциалам гражданское право Рима и даже кодифицировали его, чтобы оградить от несанкционированных нововведений; до наших дней сохранились *Lex Romana Burgundionum* и вестготский *Breviarium Alarici* как свидетельства этой политики. Они осознали необходимость заставить варваров и провинциалов уважать элементарные права личности и собственности; Теодорих Остроготский и Гундобад Бургундский были авторами новых уголовных кодексов, в одном случае в основном, а в другом - частично, заимствованных из римской юриспруденции. Такие правители не ограничивались беспристрастным отношением к обоим классам своих подданных; они часто возводили провинциалов из лучших классов на ответственные и ответственные посты. По странной случайности главные представители этой расы приняли арианскую ересь, которая была отвергнута и ненавидима их подданными. Однако их великие государственные деятели неизменно проявляли терпимость к соперничающему вероисповеданию и даже покровительствовали ортодоксальным епископам, которых втайне считали хуже самых низких язычников. Эта щедрость была не более чем обычным благоразумием. Численно завоеватели значительно уступали провинциалам, экономически им было выгодно терять все, что можно потерять от ненужного жестокого обращения с теми, кого они эксплуатировали. Но лучшие из них изучили устройство империи вблизи, иногда как капитаны на императорской службе, иногда как соседи процветающих провинций в годы, предшествовавшие великой катастрофе; и это знание редко не вызывало в них уважения или даже энтузиазма по отношению к *Respublica Romana*. "Когда я был молод, - рассказывал вестготский король Атаульф, - я хотел стереть с лица земли имя римлян и передать под власть готов все, что когда-то принадлежало римлянам. Но опыт научил меня лучше. Готы были развратными варварами, которые не подчинялись никаким законам, а лишиться содружества законов было бы преступлением. Поэтому я выбрал славу восстановления римского имени в его прежних владениях". Для таких людей идеалом будущего была федерация государств, номинально подчиняющихся официальному главе империи, но на деле хранящих верность всему лучшему, что было в римском праве и культуре.

Вторая группа включает в себя королевства, которые были основаны в отдаленных провинциях или сравнительно поздно. Захватчики Англии, франки в Северной Галлии, алеманны и баварцы на Верхнем Рейне и Дунае, лангобарды в Италии, вандалы в Африке так и не смогли полностью подчиниться чарам прошлого. Вандалы могли бы это сделать, если бы не их фанатичная приверженность арианству; ведь провинция Африка, в которой они поселились, была одной из тех, которые римская государственная власть наиболее полно цивилизовала. Франки могли бы подражать вестготам и бургундам, если бы судьба заложила колыбель их могущества в долине Луары или Роны, а не в лесах и болотах Нидерландов. Лангобарды и саксы не выказывали врожденного отвращения к путям и делам Рима, но они пришли в провинции, уже обедневшие и обезлюдившие от бедствий войны. Такие расы быстро приступили к строительству нового социального и политического порядка, потому что прошлое было для них запечатанной книгой. Римское право исчезло из Англии настолько, что сомнительно, чтобы саксы когда-либо примирились с провинциалами; его терпели, но не поощряли франки; оно было в значительной степени отброшено лангобардами; похоже, оно было неизвестно алеманнам и баварцам. В дальнейшем мы увидим важность этих фактов. Будущее Европы зависело не от готов или бургундов, а от более невежественных или менее впечатлительных рас, которые, скорее по счастливой случайности, чем по собственному желанию, избежали пороков, пропустив уроки римской цивилизации. Франки и саксы, как их описывают Григорий Турский и преподобный Беда,

были далеко не похожи на благородных дикарей, которых представляли себе Тацит и другие идеалисты. Но они были подготовлены к будущей империи в суровой школе северного климата.

Все, что касается истории этих королевств, можно изложить вкратце.

(1) Тевтонская Англия едва ли войдет в европейскую историю до 800 года. В пятом и шестом веках три племени англов, саксов и ютов, переселившиеся из Ютландии и Шлезвиг-Гольштейна, основали на земле римской Британии множество небольших колоний. Несколько значительных королевств возникло из этого хаоса к тому времени, когда англичане получили из Рима своего первого христианского учителя, святого Августина: Кент, Сассекс и Уэссекс на юге; Мерсия и Восточная Англия в Средней полосе; Нортумбрия между Хамбером и Фортом. Усилия каждого правителя были направлены на установление его личного господства над всей группой. Такого господства добились Этельберт Кентский, первый король, принявший христианство; Эдвин Нортумбрийский и два его ближайших преемника в VII веке; Оффа Мерсийский (757-796); Эгберт Уэссекский (802-839), чья власть предвосхитила последующие триумфы дома Альфреда.

(2) В V веке Южная Галлия была разделена между вестготами и бургундами. Первые поступили на императорскую службу в 410 году, после смерти Алариха I, который привел их в Италию. Его преемники, Атаульф и Валлий, взялись умиротворить Галлию и вернуть Испанию правителям Равенны; второй из этих государей был вознагражден поселением для себя и своих сторонников между Луарой и Гаронной (419). В ужасной битве при Труа против Атилы Гунна (451 г.) они оказали хорошую услугу римскому делу; но как до, так и после этого события они были заняты главным образом расширением своих границ силой или обманом. К концу пятого века их власть в Галлии простиралась от Луары до Пиренеев, от Атлантики до долины Роны и вдоль Средиземноморского побережья дальше на восток до Альп. В Испании, которая с 409 года была добычей вандалов, аланов и суэвов, они нашли более законное поле для своих амбиций. Между 466 и 484 годами они аннексировали все части полуострова, кроме северо-западного угла, который оставался последним оплотом их побежденных конкурентов. Бургунды, начав с менее удачного начала, построили меньшее, но все же могущественное королевство. Переселенные победоносным римским полководцем в Савойю (443 г.) из земель между Неккером и Майном, они спустились в бассейн Роны по приглашению провинциалов, чтобы защищать эти плодородные земли как от тевтонских мародеров, так и от римских сборщиков налогов. К 500 году они правили от Дюранса на юге до верховьев Дубса и Саоны на севере, от Альп и Юры до истоков Луары.

(3) Италии повезло меньше, чем Галлии; в V веке ее разоряли более упорно, поскольку Рим и Равенна были самыми заманчивыми призами, которые Запад мог предложить завоевателям, ищущим урегулирования, или простым мародерам; и еще два века ее земли были предметом спора между Восточной империей и тевтонами. Стратегическое значение полуострова, магия имени Рима, более поздняя традиция, согласно которой Равенна была естественной штаб-квартирой имперской бюрократии на Западе, - вот три веские причины, по которым государственные деятели Константинополя должны были настаивать на том, что Италия должна быть возвращена, какие бы окраинные провинции Запада ни были оставлены. В течение шестидесяти лет после низложения Ромула Августа (476 г.) Италия полностью находилась под властью варваров; затем более двухсот лет существовала императорская Италия или папская Италия, постоянно враждовавшая с остготской или лангобардской Италией. Для итальянцев было бы лучше, если бы остготы или лангобарды одержали решительную и раннюю победу.

Остроготы вошли в Италию с северо-востока в 489 году под предводительством Теодориха, первого и последнего государственного деятеля их рода. Они пришли со Среднего Дуная, где обосновались с разрешения империи после смерти Атиллы и расформирования его армии. Теперь они искали более благоприятного места жительства и везли с собой на повозках жен, детей и домашние вещи. Путь им преградил Одоакер, генерал-патриций италийской армии и король Италии по совместительству. Им потребовалось четыре года упорных боев, чтобы свергнуть этого самозванного представителя империи. После этого им не приходилось опасаться явной оппозиции. Для итальянцев разница между Одоакром и Теодорихом была невелика. Смена правителей не затронула их материальных интересов, поскольку Теодорих просто присвоил себе ту часть обрабатываемой земли (одну треть), на которую претендовал Одоакер для своих сторонников. Также подчинение не противоречило лояльности, которой требовала Восточная империя, поскольку на данный момент имперская политика позволяла принять вестготского короля в качестве преемника Одоацера. Теодорих правил Италией тридцать три года (493-526). Терпимый и просвещенный правитель, он не жалел усилий, чтобы придать своему правлению законный характер и защитить италийцев от притеснений. Два выдающихся римлянина, Либерий и Кассиодор, последовательно выступали в качестве его доверенных советников и разъясняли его политику своим соотечественникам. Не было предпринято никаких попыток объединить остготов с италийцами. Захватчики оставались армией, расквартированной на этой земле, и в большинстве случаев подчинялись собственному закону. Но закон италийцев также соблюдался; Теодорих беспристрастно применял римский закон о преступлениях к обеим расам; он строго запретил преследование частных войн и междоусобиц. К сожалению, его подчиненные были менее щепетильны, чем он сам. Остроготские солдаты сохранили национальный характер беззакония; королевские чиновники и судьи были коррумпированы; состоятельных людей преследовали шантажисты и лживые доносчики; бедные и беспомощные часто попадали в рабство силой или обманом. Итальянцы не могли простить арианские догматы своих новых правителей, хотя ортодоксы были терпимы и защищены. Естественно, духовенство и остатки римской аристократии жаждали имперской реставрации. И Теодорих, справедливо или нет, стал подозревать их всех в измене. В последние годы жизни он совершил страшное и варварское правосудие над предполагаемыми авторами заговора - в частности, над сенатором Боэцием, который был забит до смерти дубинками после долгого периода сурового заключения. Боэций оправдал свое честное имя и навсегда очернил имя Теодориха своим бессмертным трактатом *"Философское утешение"*, написанным в ежечасном ожидании смерти. Будучи, казалось бы, христианином, но, несомненно, воспитанным на наставлениях Платона и стоиков, Боэций обратился в своем крайнем положении к этим учителям за поддержкой в сомнениях, которые всегда должны мучить справедливого человека, погрязшего в незаслуженном несчастье. Будучи философом только в своем возвышенном оптимизме и решимости относиться к неизбежному как к несущественному, Боэций привлекает внимание своей абсолютной честностью. Его книга, почитавшаяся в Средние века не иначе как вдохновенной, будет читаться с интересом и сочувствием до тех пор, пока честные люди будут терзаться человеческим гнетом и капризами кажущейся капризной судьбы. Но следы остготов стерты с почвы Италии; имя Теодориха скудно увековечено несколькими мозаиками и разграбленным мавзолеем в Равенне. Здесь, по крайней мере, время в конце концов восстановило справедливость; из всей той эпохи жестоких деяний и полуискренних идеалов в духовное наследие человечества не перешло ничего, кроме общения одного неустрашимого страдальца со своей душой и Богом.

Теодорих умер в 526 году, завещав свою корону сыну своей единственной дочери. Через восемь лет после этого мальчик-король, изможденный преждевременными излишествами,

был положен в могилу; его мать была убита, чтобы расчистить путь честолюбивому родственнику; и, пока престолонаследие еще оставалось под вопросом, император Юстиниан двинул на Италию все еще непобедимые армии империи под предводительством Белисария, величайшего полководца того времени и уже прославившегося как освободитель Африки от вандалов (536). Интриги его придворных соперников, а не ресурсы раздробленных остготов лишили Белисария решающей победы и затянули борьбу на годы после того, как его сместили. Но в 553 году последние углы сопротивления были утолены в крови. Италия, опустошенная и обезлюдившая, была реорганизована в имперскую провинцию с продуманной иерархией гражданских и военных чиновников. Перемены были желанными для ортодоксального духовенства, тем более что Юстиниан предоставил епископам большие полномочия в местном управлении. Внешней пышности было достаточно, чтобы позолотить коррупцию и неэффективность обманчивым великолепием; но на самом деле восстановленная империя в истинном смысле этого слова была немногим более цивилизованной, чем варварские государства прошлого и будущего. Император подарил итальянцам свой знаменитый *Corpus Juris*, сборник юридической мудрости, который является лучшим титулом Рима для мировой благодарности. Для будущего было очень важно, что Италия уже в столь ранний период научилась считать *Corpus Juris* совершенством юридической мудрости. Через итальянские школы более позднего времени (Равенна, Болонья и др.) *Корпус* оказал влияние на право каждого европейского государства и продиктовал принципы научной юриспруденции. Но в шестом веке хорошие законы ничего не давали, если не было хорошего правительства.

В 568 году, всего через пятнадцать лет после реставрации, лангобарды пришли в Италию со Среднего Дуная, следуя по пути Теодориха и вдохновленные славой его успехов. Через несколько лет они стали хозяевами североитальянской равнины, до сих пор известной как Ломбардия. За три четверти века они продемонстрировали всю ничтожность византийской власти. Власть их королей, столицей которых была Павия, распространялась с одной стороны на Лигурию и Тоскану, с другой - на Эмилию и Фриули; далеко на юге, за линией крепостей, связывавших Рим с Равенной, полунезависимые герцоги Сполето и Беневенто были хозяевами земель по обе стороны Апеннин, за исключением Неаполя и вершины Бруттийского полуострова. Кроме этих областей, в имперском подданстве оставались только рыбаки венецианских лагун и земли, которые впоследствии стали называться Папскими государствами. То, чего добились византийцы, сохранив этот шаткий плацдарм, было не что иное, как политическая дезинтеграция Италии. Южные лангобардские герцогства были отделены от материнского государства, в результате чего их руины спустя долгое время стали основой южноитальянской монархии, которая была непримиримо враждебна политическим наследникам лангобардских королей. Во многих отношениях лангобарды продемонстрировали способность управлять подвластным населением. Они приняли латинский язык, отказались от арианства в пользу католицизма, приспособились к городской жизни, были либеральными покровителями итальянского искусства и промышленности. Хотя они ввели сугубо тевтонскую форму управления, их правление не уступало временным методам византийского государственного управления. В императорской Италии мы видим странное зрелище военного деспотизма, сдерживаемого узурпированными привилегиями и юрисдикциями крупных собственников или неопределенными временными притязаниями епископов. В лангобардской Италии дела обстояли ничуть не хуже. Лангобарды были пришельцами, но и греки тоже. Греки относились к итальянцам как к низшим. Но лангобарды свободно вступали в браки со своими подданными, а лангобардские законодатели (Ротари, Луитпранд) не признавали никаких недопустимых привилегий по расовому признаку.

(4) Остается рассмотреть Северную Галлию. Именно здесь развилась франкская монархия; мы рассматриваем франков в последнюю очередь, потому что именно им было суждено собрать главные плоды варварского завоевания и колонизации. К концу VIII века Африка, Испания и Британия были единственными западными провинциями империи, в которых им не удалось утвердиться в качестве единственной или доминирующей державы; более того, к тому времени они проникли в Центральную Европу дальше, чем любой римский государственный деятель, начиная с Тиберия, распространял свои завоевательные планы. Экспансия франков была медленным процессом, прерываемым периодами застоя или рецидива; мы можем проследить ее лишь в самых общих чертах.

Известные римлянам с ранних времен как бродячие мародеры, франки подвергались жестоким наказаниям со стороны большинства солдатских императоров от Проба до Юлиана. Некоторые из них были насильно поселены в качестве крепостных колонистов на левом берегу Рейна; другие (*салийские* франки) присвоили себе большую часть Батавии, болотистой страны в устьях Шельды и Рейна; третья группа (*рипуарцы*) заняла земли между Рейном и Мёзом, в окрестностях Кольна и Бонна. Салийцы и рипуарии считались союзниками (*foederati*) империи, по крайней мере, со времен Аэция; под его началом, как и вестготы, они сражались с гуннами при Труа (451 г.). На западе их агрессию сдерживали римские правители страны, лежащей между Соммой и Луарой, а их власть ослабла из-за разделения салийского народа на множество мелких королей. Но в 481 году, с приходом Хлодвиг на трон Турнея, начался период консолидации и продвижения вперед. В 486 году Хлодвиг сверг римского наместника Сиагрия и узурпировал его власть. В 496 году он присоединил к себе чисто тевтонское княжество, которое алеманны недавно основали в стране, ныне известной как Суабия. Эта победа послужила поводом для его обращения в христианство. Легенда гласит, что в момент финальной битвы Хлодвиг обратился к богу своей благочестивой жены: "Я призывал своих богов, и они оставили меня. К Тебе я обращаюсь, в Тебя я буду верить, если Ты избавишь меня". Он сдержал свое слово и был крещен святым Реми, епископом Реймским, став, таким образом, членом ортодоксального причастия и надеждой всего галльского духовенства, которое до сих пор с дурной милостью подчинялось еретическим правителям вестготов и бургундцев. Хитрый и амбициозный дикарь, король Турени быстро осознал выгоду союза с родной Церковью. В 500 году он обратился к бургундцам в надежде сделать их своими данниками. Цель его не удалась, так как бургундский король вовремя притворился, что обратился в православие, а в остальном примирил галло-римское население. А вот над Аларихом II вестготским, который был настолько дерзок, что преследовал ортодоксальных епископов, франки одержали легкую и драматическую победу. "Меня раздражает, - сказал Хлодвиг своему войску, - что эти ариане правят в Галлии". Аквитанцы приняли его как крестоносца; Аларих, потерпев одно поражение, укрылся в своих испанских владениях, где и остался править в мире. Одним махом власть франков продвинулась от Луары до Пиренеев (507 г.). Последние дни Хлодвиг были заняты истреблением соперничающих франкских династий и наиболее опасных из его собственного рода. Он умер после тридцатилетнего правления в благоухании святости: "Бог увеличивал его королевство с каждым днем, потому что он ходил с праведным сердцем и делал то, что было приятно в глазах Бога". Он был похоронен в галло-римской части своих владений, в Париже, который он избрал своей столицей. Провинция Сиагрия, позже известная как Нейстрия или Западная Франкия, была естественным центром франкского государства, и Хлодвиг не был равнодушен к традициям и роскоши более древней цивилизации. В Аквитании он выдавал себя за представителя империи, а по улицам Тура разъезжал в пурпурной мантии консула, которую получил от императора Анастасия. В Константинополе надеялись, что он будет относиться к Теодориху Остроготу так же, как уже относился к Алариху; это был первый из многих случаев, когда сеть имперской дипломатии

была сплетена вокруг франкского короля. Церковь и империя сговорились, чтобы разжечь амбиции и расширить планы меровингских и каролингских завоевателей.

Но франки, вернее, чем кто-либо из их соперников, придерживались варварского обычая делить королевство, на манер семейного поместья, поровну между сыновьями умершего государя. Логическое следование этому обычаю наследования привело бы к полному распаду, что и продемонстрировала Германия в XIV веке. У франков за разделом, разумеется, следовали братоубийственные конфликты и последующее воссоединение королевства в руках последнего выжившего; но даже в этом случае энергия нации растрачивалась на гражданские войны. Потомки Хлодвигу мало что сделали для приумножения завещанного им королевства; это немного было сделано за пятьдесят лет после его смерти. Бургунды, баварцы и тюринги были покорены; Прованс был куплен у остготов ценой вооруженной поддержки против Юстиниана; саксы были вынуждены обещать дань. С 561 по 688 год могущество и моральный дух франков неуклонно снижались. Дагоберт I (628-638), самый знаменитый из Меровингов после Хлодвигу, мог только карать мятежников и укреплять оборону восточной границы. Он освободил саксов от дани, но не смог помешать авантюристу из своего рода, купцу Само, организовать славян Богемии и соседних земель в мощную и агрессивную федерацию. Уже в его время восточные франки (австразийцы) отказались управляться из Нейстрии и настаивали на том, чтобы их королем стал сын Дагоберта. После Дагоберта три королевства - Нейстрия, Аустразия и Бургундия - отстаивали свое право на отдельное управление, даже подчиняясь одному королю.

В каждом из этих подразделений фактическим правителем был мэр дворца, наместник, который держал своего государя под вечной опекой. Поздние Меровинги были слабыми марионетками, которые представляли перед своими подданными в торжественных случаях, но в остальное время находились в почетном уединении в одном из своих поместий. История франков с 638 по 719 год - это история конфликтов между великими семьями Нейстрии и Аустразии за пост единоличного мэра. В конце концов единство было восстановлено благодаря триумфу австразийца Карла Мартела. Его отец получил ту же должность, но сыну оставалось смести последних оставшихся конкурентов.

Карл Мартель - истинный основатель дома Каролингов, хотя его предки уже давно играли заметную роль в австразийской и национальной политике. Он не был изобретателем феодализма, но первым увидел возможность опоры королевской власти на поддержку вассалов, обязавшихся поддерживать своего господина в любой ссоре жизнью, конечностями и земными благами. Чтобы обеспечить своих вассалов вотчинами, он лишил церкви многих богатых поместий. Но он искупил это святотатство на памятном поле Пуатье. В 711 году арабы, отвоевав у Византийской империи северную Африку, вошли в Испанию и свергли Родерика, последнего короля вестготов. С его смертью дело его народа рухнуло. Хотя вестготы уже давно приняли ортодоксальную веру и находились в тесном союзе с испанскими епископами, их ненавидели провинциалы, которых они довели до крепостной зависимости и жестоко угнетали. В течение десяти лет солдаты халифа стали хозяевами Испании и обратили свое внимание на южную Галлию.

Франкский герцог Аквитании не мог ни защитить свое герцогство, ни заключить прочный договор. В последней крайности он обратился к мэру дворца, которого до сих пор считал своим врагом. Призыв был услышан, и Карл с большим франкским войском выступил против арабов под стенами Пуатье. В течение семи дней ни одна из сторон не делала первого шага, а на восьмой неверные атаковали. Франкское войско состояло из пехоты, защищенной почтовыми рубашками и щитами; против их сомкнутых рядов, напоминавших железные стены, арабы бросались безрезультатно. Когда атака была беспорядочно отбита, франки двинулись

вперед, подавляя сопротивление огромным весом и силой. Эмир Абдеррахман пал на поле боя, а затем ночь положила конец конфликту. Обе армии разбили лагерь на поле боя, а на следующее утро арабы полностью скрылись в Пиренеях (октябрь 732 г.). Поток ислама получил первый отпор; хотя Испания так и не была возвращена франками, считается, что они спасли Северную Европу. Современная критика отмечает, что внутренние раздоры в мусульманской Испании сослужили делу христианства лучшую службу, чем эта победа; что арабы продолжали удерживать Септиманию и совершали набеги на Прованс. Но для современников не было сомнений в том, что франки обосновали свои притязания на особую признательность церкви, а Карл - на свое аномальное положение некоронованного короля. Мэр дворца в полной мере осознавал ценность церковной поддержки. Он поддержал работу английских миссионеров Виллиброрда и Бонифация среди необращенных немецких племен (фризов, гессенцев, тюрингов), над которыми он претендовал на главенство. Он позволил Бонифацию записать себя в слуги Святого престола. Правда, он не стал заключать политический союз с Римской церковью против лангобардов. Северные войны поглотили его; войны с фризами, саксами, мятежными баварцами, алеманнами и аквитанцами. Но переход от союза с Церковью к союзу с Римом был естественным шагом для его преемников. Незадолго до смерти (741 г.) он разделил власть между своими сыновьями Карлманом и Пипином, отдав одному Австрию, другому - Нейстрию. Но Карлман отрекся от престола, чтобы стать монахом (747), и Пипин-младший остался один продолжать дело своего отца. Оба брата привлекли Бонифация к реорганизации и реформированию духовенства своих владений; Пипин позволил святому взять со всех франкских епископов клятву о подчинении Святому престолу и принял его в качестве архиепископа Майнца и предстоятеля немецкой церкви. Три года спустя майордом получил разрешение папы Захария свергнуть последнего из марионеточных королей Меровингов и принять королевскую власть; папа справедливо рекомендовал ему носить тот титул, которому принадлежала власть (751). Так закончилась линия Хлодвига, а вместе с ней и варварский период франкской истории. В течение следующих шестидесяти лет история Европы состояла из каролингских завоеваний и попыток политической реконструкции.

А теперь растущая связь с папством приобрела новый характер. С начала восьмого века Восточная империя потеряла последние притязания на итальянскую верность, приняв иконоборческую ересь - запоздалый и преждевременный протест против растущего материализма и многобожия католического христианства. Папа и лангобарды объединили усилия для защиты изображений в имперской Италии. Григорий III отлучил иконоборцев от церкви (731); лангобардский король Айстульф захватил Равенну, последний важный оплот византийцев на полуострове (751). Папство слишком поздно осознало, что ортодоксальный лангобард представляет собой большую угрозу, чем греческий еретик. Айстульф рассматривал Рим, наряду с другими территориями империи, как свою законную добычу. Впервые был поднят вопрос между светским государственным деятелем, замышляющим объединение Италии, и римским епископом, претендующим на суверенную власть как историческое и неотъемлемое дополнение к своей должности. Папа Стефан II посетил франкский двор, чтобы не без оснований заявить о притязаниях религии и благодарности. Двумя набегами через Альпы Пипин заставил лангобардов отказаться от притязаний на Рим и, кроме того, вернуть отвоеванное у империи. Эти территории, лежащие в Романье и Марке, франкский король передал папе римскому, как законному представителю императорской власти (756). Донорство Пипина, сделанное вопреки протестам Византии, значительно расширило временную власть, которую предшественники Стефана уже давно осуществляли в Риме и его окрестностях. Продуманная мера, направленная на уничтожение самого грозного соперника франков, должна была стать скалой, на которой должны были утвердиться немыслимые в то время идеалы. Ведь именно временная власть,

спровоцировавшая последнюю и смертельную борьбу Священной Римской империи с папством, стала самым упорным препятствием для лидеров *Рисорджименто*.

Как и его отец, Пипин упорно пытался соединить воедино завоевания первых Меровингов, но без прежнего успеха. Он изгнал арабов из Нарбонны, вернул герцогство Аквитанию и пресек герцогскую династию после восьми тяжелых кампаний. Но ни от саксов, ни от баварцев он не смог добиться реального признания своего сюзеренитета. То, чего он добился в Аквитании, оказалось под серьезной угрозой, когда на смертном одре он, следуя традиции, разделил свое королевство между сыновьями Карломаном и Карлом (768). К счастью, Карл, хотя и преследуемый интригами своего некомпетентного старшего, выдержал бурю нового аквитанского восстания; он увидел, как Карломан без сожаления опустил в могилу (771), и легко добился признания себя единственным королем. Тогда он действительно оказался в положении, необычайно благоприятном для проведения политики, которая должна была охватить и превзойти амбиции его предков. Наследник державы, простиравшейся в одну сторону от Атлантики до богемской границы, в другую - от Северного моря и Ла-Манша до Альп и Пиренеев; наследственный покровитель Римской церкви; правитель иерархии, определенно принявшей идеал христианской республики и желавшей, чтобы христианское единство обеспечивалось мечом светской власти; Повелитель военной касты вассалов, преисполненных гордости и жажды завоеваний; в его распоряжении были средства и сторонники, достаточные для того, чтобы сделать его тем, кем Теодорих втайне мечтал стать, - верховным владыкой тевтонских народов, лейтенантом империи во всех западных провинциях. Это был не обычный человек, которому выпала такая возможность. Не получивший образования даже для своего возраста, но обладавший смекалкой и беспредельным любопытством; полководец, чья железная воля и сверхчеловеческая энергия редко подводили его солдат через трудности и поражения к окончательной победе; мечтатель, чье воображение разгоралось всякий раз, когда он соприкасался с великими идеями, христианскими или языческими, более древнего мира; практичный государственный деятель, чья врожденная любовь к порядку и уважение к справедливости сочетались с организаторским даром и умением добиваться от подчиненных максимальной отдачи, - не из-за недостатка природных качеств можно оспаривать его притязания на место в ряду великих мировых героев. Недостатки его деятельности - это всего лишь недостатки расы и эпохи, к которой он принадлежал. Высочайшая государственная мудрость возможна только тогда, когда в распоряжении государственного деятеля есть накопленный опыт и специализированный потенциал старой и одновременно энергичной цивилизации.

Политика Карла в период его единоличного правления (771-814) имеет янусоидный характер; она смотрит вперед и оглядывается назад. Истинный австралиец, он верен старому франкскому идеалу военного завоевания, но придает ему новый смысл и, кроме того, реализует проекты своих предшественников, выходя за горизонты их самых амбициозных предприятий. В своей дружбе к папе, в своей заботе о церковной реформе он - сын своего отца; но отношения сына с церковью имеют новую цель и предполагают не один разрыв с прошлым. Его управление во многом определяется традиционными нормами королевского долга; он - знатный управляющий своими владениями; он - помощник бедных, прибежище беззащитных, поборник справедливости. Но он также дальновидный реформатор, приспособливающий старые административные методы к требованиям новой политической структуры. Фактически, если объединить все эти антитезы в одно целое, он - наследник старой варварской монархии и одновременно основатель новой империи.

История его завоеваний похожа на эпитому утраченного романа - так разнообразны происшествия, так скудны подробности, сообщаемые современными источниками.

(1) В 773 году он перешел Альпы по просьбе папы Адриана, потому что лангобардский король Дидье захватил несколько городов, включенных в донацию Пипина, и даже угрожал Риму. Павия была сдана голодом, Дидье низложен в монастырь; Карл аннексировал всю территорию лангобардов, кроме Сполето (который подчинился папе) и Беневенто. Он принял титул короля лангобардов, но, кроме гарнизонов нескольких городов и назначения нескольких франкских графов, не сделал ни одной попытки сместить лангобардских чиновников или изменить лангобардские методы управления. Он посетил Адриана в Риме, возобновил дарственную Пипина и заключил договор о вечной дружбе с папством.

(2) Затем последовал период саксонских войн - крестового похода против германского язычества и подтверждения старых и сомнительных претензий на сюзеренитет. Первая кампания против саксов состоялась в 772 году, а окончательное подчинение они получили лишь в 785 году. Саксы все еще находились на той стадии политического развития, которую Тацит описывает в своей *"Германской истории"*: ими правили мелкие вожди, которые ставили вождя, когда требовались общие действия, а в остальном их объединяли только расовые чувства и культ племенного божества. Но они были воинственной расой и нашли в этом кризисе гениального вождя, знаменитого Видукинда. В конце концов он подал своим последователям пример принятия христианства. Карл выступил спонсором при его крещении, и Видукинд стал верным подданным своего духовного отца. Через несколько лет вся Саксония была усеяна миссионерскими церквями; еще через несколько поколений саксонцы отличались верностью вере, а саксонские епископы входили в число самых богатых и влиятельных церковных князей. Именно через саксонских правителей, потомков Видукинда, в X веке возродилась имперская политика Карла и имперская диадема перешла к германской нации. Однако саксы твердо придерживались своих национальных законов и языка; их упрямый отказ подчиняться другим расам был камнем преткновения для самых искусных государей, которых породила средневековая Германия.

(3) В 786-787 годах над Карлом нависла угроза заговора против его власти в Италии. Тассило, вассальный герцог Баварии, стремился к независимости и был склонен своей женой, дочерью короля Дидье, к общему делу со своим народом; Арегис, лангобардский правитель Беневенто, подчеркивал свою независимость тем, что взял на себя стиль и корону короля. Оба принца выступили за общее дело, но были обнаружены еще до того, как их планы созрели, и последовательно запуганы появлением на их границах превосходящих по численности армий.

Ломбардское герцогство не стало постоянным приобретением франков, но Бавария была подавлена в результате второго заговора (788). Присоединение этой большой и богатой провинции сделало восточную половину Франкского королевства практически сопредельной со средневековой Германией и почти равной по значению романизированным провинциям Галлии.

(4) В качестве естественной меры предосторожности для защиты Баварии Карл выступил против аваров, расы, родственной гуннам, которые обосновались на среднем Дунае после ухода лангобардов в Италию. Авары вторглись в Баварию и Фриули в качестве союзников Тассило (788); они были наказаны тремя кампаниями по уничтожению (791-796), которые сломили их власть и пощадили лишь жалкие остатки их народа. Их земли были присоединены, но не заселены; Германия предлагала франкским первопроходцам более заманчивое поле для деятельности. Некоторые из уцелевших аваров были поселены в Остмарке (Австрия), который Карл основал как форпост Баварии, чтобы следить за славянами.

(5) На Испанию император впервые обратил внимание в 777 году, когда недовольные эмиры на севере Эбро предложили ему освободить их от халифа Кордовы. В следующем году состоялся его неудачный поход через перевал Ронсесвальес к стенам Сарагоссы - экспедиция, увековеченная в *"Шансоне о Роланде"*, самом раннем и самом известном эпосе цикла о Карле Великом, но сказочная от первого до последнего, за исключением записи о том, что был некий Роланд (начальник бретонской марки), павший во время отступления франков. Более существенная работа была проделана в Испании в последние годы правления. Наварра объявила себя сторонницей франков и христианства; старший сын Карла захватил Тортосу в устье Эбро (811) и основал Испанскую марку.

В этом длинном перечне представлены только самые важные войны, в которых участвовали Карл и его лейтенанты. Для полноты картины мы должны представить себе фон мелких конфликтов внутри и вне империи - против славян, датчан, греков, бретонцев, арабов, лангобардов из Беневенто. В эти многолюдные годы войны Франкская империя утвердилась как единственная великая держава к западу от Эльбы и Адриатики. В ее состав не входили скандинавские земли и Британские острова; франки никогда не были хозяевами северных морей. Не удалось изгнать арабов и византийцев из западного Средиземноморья; Испания, Сицилия, даже часть Италии остались непокоренными. О возвращении Северной Африки не могло быть и речи. И все же по масштабам франкское королевство было достойным преемником Западной империи. На Рождество 800 года Карл был коронован императором римлян папой Львом III в базилике Святого Петра в Риме, и его подданные напрасно воображали, что благодаря этой драматической церемонии часы истории были переведены на четыреста лет назад. Хотя эпоха варваров была завершена величайшим из них, эпоха, которую он открыл, была эпохой не возрождения, а нового развития.

III

ИМПЕРИЯ И НОВЫЕ МОНАРХИИ (800-1000 ГГ. Н.Э.)

Имперская политика Карла Великого представляет собой предисловие к истории позднего Средневековья. Он удерживает равновесие между зарождающимися силами, которым предстоит отвлечь будущее своими конфликтами. Он беспристрастно отдает дань уважения идеям, которые впоследствии государственные деятели, менее властные или более критичные, сочтут непримиримыми. Он в одно и то же время самодержец, глава правящей аристократии и народный правитель, который просит о сотрудничестве первичных собраний. Его подданные от высших до низших должны признать свою безусловную и немедленную преданность его персоне; при этом он терпит существование племенных герцогств, возрождает королевство Ломбардов и создает Аквитанию в качестве уделов для своих младших сыновей. Он способствует росту территориального феодализма и дает санкцию королевской власти на притязания сеньора к своему вассалу; но одновременно он придумывает методы контроля над феодализмом и подавления его естественного развития. Он возвеличивает Церковь и порабощает ее. Он призван исполнять волю Божью, излагаемую духовенством; но он распоряжается визами и аббатствами, как пустующими вотчинами, он диктует Папе, он вмешивается в литургию, он претендует на право голоса в определении догм и формулировке вероучения. И наконец, что самое поразительное, существует антитеза между двумя аспектами его власти - монархическим и имперским.

Франки оставили Европе наследие двух политических концепций. Они усовершенствовали систему варварской королевской власти; они наметили идеал власти, которая должна выйти за пределы королевской власти и объединить в одно содружество все католические королевства Запада. С одной стороны, они послужили образцом для подражания Эгберту,

Генриху Фаулеру, Хью Капету. С другой стороны, они вдохновляли на более широкие цели Оттонов и Гогенштауфенов. Поэтому нам стоит понять, кем был каролингский король и кем надеялся стать каролингский император.

Власть короля опиралась на три опоры: общую преданность подданных, более личные обязательства вассалов, находившихся в его *мунде*, услуги и обычаи арендаторов королевских владений. Именно от последних он получает свои самые значительные доходы. Он является крупнейшим землевладельцем своего королевства, пока в девятом веке не растрачивает свое достояние, раздавая наследственные *бенефиции*. Земледелие в демонах - важная отрасль государственной службы; ими управляют бейлифы, которые работают по правилам, детально разработанным королем в виде эдиктов, и отчитываются перед государственным министром, сенешалем или управляющим хозяйством. Король также является источником правосудия, хранителем общественного порядка, защитником мирной промышленности и торговли. Соответственно, он получает большие доходы от штрафов, налагаемых судебными органами, конфискаций преступников, пошлин на дорогах и рынках, таможен, взимаемых в морских портах и пограничных городах. В осуществлении и использовании его прерогатив ему помогают функционеры, большинство из которых - домашние служащие: камергер, хранящий королевскую казну; констебль (*comes stabuli*), следящий за порядком; сенешаль, или верховный стюард, управляющий демонами; протонотарий, чьиими сотрудниками составляются королевские письма и все государственные документы; архикапеллан, к которому церковные прихожане приносят свои прошения и жалобы. Наконец, есть графы дворца, назначаемые из главных рас королевства, которые осуществляют апелляционную юрисдикцию короля в светских делах. Но по обычаю король обязан управлять страной с совета и согласия своих вельмож - германская традиция, которую не может уничтожить ни один рост уважения к римскому абсолютизму. Избранный совет влиятельных вельмож обсуждает с королем все вопросы государственной важности. Их решения выносятся на утверждение более общего собрания (Майфилд), которое проводится ежегодно весной или летом. На этом собрании обсуждается и утверждается военная экспедиция года; здесь же обнаруются королевские эдикты (*capitula*).

Простой свободный человек, на которого ложится основная тяжесть военной службы, не имеет права голоса в дебатах Майфилда; но постановления, затрагивающие старые обычные законы нескольких рас, составляющих королевство (салийцев, рипуариев, саксов и т. д.), вступают в силу только после того, как их примут народные собрания в провинциях, которых они касаются. А такие пересмотры происходят нечасто. Королевская прерогатива в законодательстве ограничена народными предрассудками, которые рассматривают обычное право как священное и незыблемое. Капитулярии - это в основном административные постановления; "закон земли", одинаковый везде и для всех людей, - идеал, который должен быть реализован только в Англии из средневековых государств. В других местах закон короля - это дополнение, постскрипtum; привилегия свободного человека - жить по закону своей провинции, фьефа своего лорда или своего свободного города.

В местном управлении король опирается, за пределами племенных герцогств, на графов, чьи округа являются подразделениями старых национальных провинций. Граф, часто наследственный чиновник, является королевским наместником для всех целей, как военных, так и гражданских. Он собирает королевские пошлины, ведет свободных людей к хозяину, поддерживает мир и вершит правосудие. Его трибунал - это старый германский сотенный суд, в котором судьями должны быть свободные женихи; но женихов для этой цели представляют несколько судей (*scabini*), выбранных за их респектабельность и знание

законов. Они неэффективно сдерживают графа, и постоянно приходится искать пути и средства, чтобы заставить этих местных наместников действовать честно. Для этого король ежегодно назначает разъездных инспекторов (*missi dominici*); по двое и по трое они отправляются в путь, чтобы ознакомить графа с королевскими инструкциями, обнародовать новое законодательство, а главное - принимать и разбирать жалобы всех, кого притесняют. Эти инспекционные поездки, ставшие сравнительно поздним средством и первой частью каролингской системы, которая исчезла, были единственной защитой от местных злоупотреблений и феодализации официальной власти. Когда они прекратились, каролингское графство слишком часто превращалось в наследственную вотчину, эксплуатируемую исключительно в интересах лорда.

Империя не была призвана заменить эту систему королевского правления; короли не меньше, чем императоры, считались обладателями определенного ранга и должности в христианском содружестве. Карлу Великому не были доступны никакие традиции имперской бюрократии, разве что в извращенной и восточной форме. В Галлии и Италии у него были подданные, жившие под властью испорченного и изуродованного римского права; но он не был знаком с научными принципами великих юристов, чьи труды стали высшим достижением римского гения. Для лучших умов VIII века Римская империя представлялась не шедевром человеческого государственного искусства, как для Атаульфа или Теодориха, а скорее божественным институтом, провиденциально созданным еще до рождения Христа, чтобы обучить народы для вселенского господства Его Церкви. Образцом каролингских императоров был не Август, а Константин Великий, самый христианский правитель, который сделал своим первым делом защиту Церкви от еретиков и язычников, наделение ее богатствами, обеспечение соблюдения ее законов. Как бы ни относиться к Папе, император занимал свой пост как первый слуга Церкви. Каковы же были его практические обязанности? По мнению некоторых, он должен был восстановить материальное единство христианства и покорить все языческие народы. Этот детский идеал своей должности ни один император не смог воплотить в жизнь. После коронации Карл Великий не вел важных войн; он не гнушался заключать мир с Восточной империей и даже обмениваться любезностями с Харуном аль-Рашидом, багдадским халифом. Он считал, и самые здравомыслящие из его советников с ним соглашались, что его первой обязанностью является защита, объединение и реформирование обществ, над которыми Церковь уже осуществляла номинальное господство. Покорения других христианских правителей от него ожидали не больше, чем отказа от собственной королевской прерогативы; хотя было желательно, чтобы они оказывали ему почтение как земному представителю духовного единства.

В своих собственных владениях императорская власть должна была изменить дух, а не формы правления. Империя возводила к высшей власти достоинство и обязанности, которые принадлежали ему как царю. Он считал себя обязанным более тщательно, чем когда-либо, заботиться о поддержании церковного и совершенствовании светского законодательства. Его подданные должны были осознать, что благодаря своей верности ему они Божьи подданные, обязанные соблюдать закон Божий как часть закона империи; он же, в меру своих сил, должен был быть моральным цензором, воспитателем, религиозным миссионером, защитником духовенства, защитником веры.

Когда мы переходим от этой благородной мечты к истории империи Каролингов, контраст между реальностью и идеалом становится почти гротескным. В течение одного поколения франкское королевство оказывается разделено на части по примеру Меровингов; все, что остается в качестве гарантии единства, - это императорский титул, закрепленный за одним из нескольких королевств, и теория, согласно которой короли связаны братским согласием

для защиты церкви и государства от всех врагов. Современники возлагали вину на слабость Людовика Благочестивого и честолюбие его сыновей. Эти причины, несомненно, ускорили процесс разрушения; но под поверхностью событий действовали и другие, более безличные и более постепенные по своему действию.

(1) Первой из них было зарождение национальности. К северу от Альп подданные империи делились на германскую группу, лежащую в основном к востоку от Рейна, и романскую группу, почти совпадающую с современной Францией; Италия была резко отделена от обеих групп географией, расовыми и языковыми различиями, а также политическими традициями. В Верденском договоре (843 г.), с которого начинается процесс политической дезинтеграции, эти естественные разделения соблюдаются лишь наполовину. Королевство восточных франков полностью германское, западные франки включают в себя галло-римские провинции, покоренные Хлодвигом, а между ними находится аномальное Среднее королевство, часть титулованного императора, в которую объединены Италия, Прованс, Бургундия, долина Мозеля и большая часть Нидерландов. При каждом перераспределении территорий между каролингскими князьями линии раздела все больше приближаются к границам современных государств. Только Бургундия и Прованс остаются после 888 года как память о Среднем королевстве. Италия становится независимым государством; северные провинции (Лотарингия) оспариваются между восточными и западными франками. И уже правители новых государств отождествляют себя с национальными чувствами и устремлениями; недаром более поздняя эпоха дала Людовику, первому королю восточных франков, титул "германца".

(2) Но в сознании простых людей национальные чувства были не более чем презрением к представителям чужой расы и речи. Национальности были достаточно готовы отделиться одна от другой; сделав это, они распадались на племенные или феодальные группы. Так, в Германии саксы, суабы, баварцы, тюринги, франконцы объединились вокруг провинциальных вождей. К западу от Рейна, где римское владычество уже давно ослабило племенные чувства, мы можем видеть широкое различие между севером и югом Галлии, но в каждой половине страны феодальный принцип является доминирующей силой; с середины IX века мы отмечаем образование тех произвольно разделенных вотчин, которые играют столь большую роль в истории Франции. Но о феодальном движении мы поговорим в другом месте.

(3) И последнее, но не менее важное обстоятельство - исчезновение того морального энтузиазма, который Карл Великий вызывал у своих подданных. Его концепция империи была слишком велика для узких умов. Они не видели в ней никакого смысла. Они остро ощущали жертвы, которых она требовала в настоящем, и скептически относились к преимуществам, которые она сулила в будущем. Полуцивилизованным народам не приходит в голову мысль работать на потомков; они живут от руки до рта и постоянно поглощены сиюминутными трудностями; они верят в верховенство случая, судьбы или провидения, а о человеческой предусмотрительности говорят как о самонадеянности или просто тщетности. Имперскую программу лелеяла и публично защищала небольшая клика клерикальных государственных деятелей; но им не удалось обратить в свою веру многих. Когда последний из императоров Каролингов был свергнут (887), церковники подняли плач. Но среди светских государственных деятелей не поднялась рука, чтобы остановить процесс распада. Этот император, Карл Толстый, благодаря простому долголетию сумел объединить все владения своей семьи под своей непосредственной властью; но за три коротких года он растерял все остатки уважения к идее, которую отстаивал. По словам летописца, "урожай многих королей

взошел над Европой". Все новые претенденты происходили из класса великих феодалов. Среди западных франков королевскую диадему захватил Эуд, граф Парижский; восточные франки избрали Арнульфа, герцога Каринтии; Италия стала яблоком раздора между маркграфами Сполето и Фриули; Бургундия была разделена между двумя родными семьями.

Однако в течение ста лет наступила реакция в пользу имперской идеи - реакция, апостолом которой была Германия, которую приняла Италия, которая сделала много новообращенных в Западной Франкии. Появились новые и достаточные причины для возвращения к отброшенной системе. Национальные иерархии, разрушившие Франкскую империю, чтобы расширить основы церковных привилегий и влияния, обнаружили, что поставили короля Аиста вместо короля Лога; поборы Августа были ничто по сравнению с незаконным грабежом нового феодализма; а выборные государи, правящие по милости своих главных подданных, были бессильны как для пользы, так и для вреда. У низших слоев населения было не больше оснований довольствоваться новым порядком, при котором мелкого землевладельца угнетали, крестьянина поработщали, купца грабили и удерживали для выкупа. Свобода аристократии сулила несчастья всем остальным сословиям. Эти самозванные тираны проводили свою жизнь в разрушительных фракционных схватках. Хуже всего то, что из-за их разобщенности и поглощенности мелкими планами личного обогащения Европа оказалась во власти нецивилизованных захватчиков. В девятом и десятом веках средневековое общество пережило то же испытание, которому подверглась Римская империя в пятом. С севера и с востока новое поколение варваров, уловив явные признаки слабости, стало прорываться через границы в поисках грабежа и поселений.

Первыми пришли северяне из Норвегии и Дании. Как и саксы четвертого века, они были непревзойденными мореходами. Их флоты перевозили их из пункта в пункт быстрее, чем сухопутные войска могли преследовать их; великие реки служили им естественными магистралями; и если их побьют при спуске на сушу, они всегда могли укрыться на своих кораблях. Заключать договоры и предлагать шантаж было более чем бесполезной политикой; викинги приходили группами, которые действовали по отдельности или объединялись в этом году, чтобы в следующем разбежаться и образовать новые комбинации. Один вождь не мог связать другого; откупиться от одного флота означало лишь пригласить к себе второй. Эти пираты начали приставать к Британским островам и Фризии еще до смерти Карла Великого, но после первого раздела его империи они обрушились на все побережье от Эльбы до Пиренеев. Первоначально их привлекала надежда на грабеж, но вскоре они нацелились на завоевание; когда в конце IX века поток вооруженной эмиграции с севера внезапно приостановился, Данелау в Англии и Нормандия на противоположном берегу Ла-Манша остались чужеземными колониями, которые местные правители были вынуждены признать.

Именно в Галлии опустошения норманнов ощущались сильнее всего, хотя в течение нескольких лет они были бичом Фризии и прилегающих провинций. Германии и Италии приходилось опасаться других врагов. В 862 году на границах Баварии появилась новая опасность в виде венгров. Это был азиатский народ с северных склонов Уральских гор, который с начала века продвигался на запад. Современники отождествляли их с гуннами Аттилы, и сходство было более чем поверхностным. Венгры принадлежали к татарской расе - кочевникам, живущим охотой и войной, искусным в верховой езде и стрельбе из лука, совершенно варварским и известным своей жестокостью. Стремительность их передвижений и расстояния, на которые простирались их набеги, почти невероятны. В 899 году они пронеслись через Остмарк и достигли Ломбардской равнины; в 915 году они разграбили Бремен; в 919 году они опустошили всю Саксонию и проникли в старое Среднее

королевство; в 926 году они вошли в Тоскану и появились в окрестностях Рима; в 937 году они даже достигли стен Капуи. Фактически, до великой победы Оттона I на Лехе (955 г.) они были ужасом для двух третей христианской Европы. Италии, самому разобщенному из новых королевств, еще больше досаждали сарацинские пираты, бродившие по Западному Средиземноморью. Единственной морской державой, способной справиться с ними, была Византийская империя. Греческий флот защищал юго-восток Италии, но был бессилен спасти Сицилию, которую по частям завоевывал Полумесяц (827-965). Дальше на север морские порты Амальфи, Гаэта, Неаполь и Салерно платили дань или принимали сарацинские гарнизоны; в 846 году были разграблены Остия и леонинский квартал Рима (включая базилику Святого Петра). Разбойничьи колонии обосновались на реке Гарильяно и в Гарде-Френе, точке пересечения Италии и Прованса.

Эффект, который эти бедствия произвели на умы страдальцев, нигде не виден так отчетливо, как в Англии. Здесь дом Альфреда смог в течение столетия после раздела в Уэдморе между западносаксонским королевством и датчанами (878 г.) основать королевство с имперскими претензиями, слабо связанное, но более прочное и высокоорганизованное, чем любая держава, возникшая в Британии со времен Римской империи. В Германии саксонская линия, начиная с Генриха Фаулера (919-936), получила возможность сделать королевский титул наследственным и утвердить эффективный сюзеренитет над другими племенными герцогами. Во Франции Парижский дом, правивший в течение многих лет от имени выродившейся каролингской линии, был приглашен в лице Хью Капета принять королевское достоинство (987). Перед нами европейское движение в пользу монархии; за ним следует другое - за восстановление империи. Новые королевские династии делали хорошее дело; даже самая слабая из них, французская, служила символом единства, объединяла духовенство и всех других друзей мира; но как с практической точки зрения, так и с точки зрения чувств они оставляли желать лучшего. Национальная монархия означала национальные войны и право национальных церквей управлять собой в соответствии со своими наклонностями. С каждым годом прореха в бесшовном одеянии христианства становилась все шире; политическое единство исчезало, и религиозное единство вскоре должно было пойти по тому же пути. Царский титул мало привлекал воображение и совесть; с какими бы церемониями ни короновали короля, реальным источником его власти было положение, которое он занимал, независимо от должности, как вождь племени или феодальной группы; людей, которые, как с горечью заметил святой Одо, будучи угнетенными, брали себе господина, чтобы с его помощью стать угнетателями. Суверенная власть утратила всякую поэзию и достоинство; ее извращали для достижения мелких целей. Император был необходим, чтобы восстановить высшее чувство справедливости, возвысить духовное над материальной стороной жизни.

Так рассуждали идеалисты, и в Германии их аргументы нашли желающих. Это может показаться странным, ведь Германия возглавила отказ от империи Каролингов, а Генрих Фаулер, основавший новую германскую монархию, был идеалистом наоборот. Но правда заключалась в том, что особенности конституции Германского королевства и специфические проблемы, порожденные экспансией Германии на Восток, были таковы, что идеальная политика была наиболее безопасной. Хотя Генрих Фаулер старательно ограничивал свое внимание германскими проблемами, его сын, работая в том же направлении, по естественной последовательности событий перешел Альпы, захватил Италию и вырвал императорскую корону из рук папы.

Генрих Фаулер, избранный после девятнадцати лет номинального королевства и разнузданной анархии, определил свое положение серией договоров с великими герцогами. Суабия, Бавария и Лотарингия стали зависимыми княжествами, правители которых посещали национальные диеты, изредка появлялись при дворе и еще более изредка несли военную службу. Под их властью новый феодализм, который они поощряли как средство создания армий как для обороны, так и для проведения независимой внешней политики, укоренился и процветал как правовой институт. В пределах герцогств Генрих не обладал особой властью, кроме как в качестве покровителя церкви. Он претендовал на право назначать епископов - хотя в Баварии это право было реализовано лишь в следующее царствование, - а религиозные фонды получали свои привилегии по его милости. Церковные соборы, принимавшие законы с его санкции, были более важны, чем диеты, состоявшие из мирян и прелатов. Его общая политика давала больше поводов для удовлетворения духовенству, чем остальным подданным. Утверждение верховенства над Лотарингией (925) и Богемией (929) и поражение венгров при Унструте (933) были национальными достижениями; но в течение девяти лет до битвы при Унструте король позволял венграм творить свою волю в Баварии и Суабии, обеспечив неприкосновенность своего герцогства отдельным перемирием. Эти годы он посвятил главным образом строительству сильных городов для обороны Саксонии и расширению саксонского могущества за счет завоевания Бранденбурга, Лужицы, Штрелица и Шлезвига. Все это можно назвать национальными заслугами только при условии, что корона останется наследственным владением его дома; но германское королевство было выборным. Для церкви, однако, не было ничего более желанного, чем завоевания, полученные за счет язычников-славян и датчан. В ее глазах этот саксонский государственный деятель был провозвестником христианской веры в темных уголках Европы. По всем этим причинам власть Генриха и его преемников оставалась властью, опиравшейся на церковную поддержку. Укрепление союза церкви и государства должно быть первой целью саксонского правителя.

В течение нескольких лет после восшествия на престол (936 г.) Оттону I досаждали претенденты из его собственной семьи, которые вступали в союз с одним или несколькими великими герцогами. Баварцы угрожали отделиться и образовать независимое государство; франконцы восстали, когда их право на ведение частных войн было поставлено под сомнение; лотарингцы интриговали, пытаясь создать независимое Срединное королевство. Всем этим недовольным было легко заполучить брата или сына короля в качестве своего номинального лидера. Даже когда Оттон передал все герцогства в руки своих родственников или связей, его власть все еще оставалась шаткой. Он требовал новых прав, которые, хотя и были необходимы для поддержания королевской власти, наносили ущерб феодальным и провинциальным чувствам; в то время как герцоги, которых он назначал, обычно подхватывали претензии своих предшественников и отождествляли себя с интересами своих подданных. Как никогда важно было, чтобы король опирался на помощь духовенства в формировании общественного мнения. Но в самый критический период правления (939-955 гг.) немецкий примас, архиепископ Фредерик Майнцский, придал делу мятежников вес своего влияния и высокую личную репутацию. В другом направлении Оттон также нашел духовенство в качестве главных противников заветной затеи. Организованные миссии были одним из средств, на которые он рассчитывал, чтобы цивилизовать и расширить завоевания своего отца на славянских территориях. С этой целью он планировал, с одобрения Рима, сделать Магдебург архиепископством и главой славянской провинции. Майнцский и Хальберштадтский соборы оказали этому предложению упорное сопротивление, мотивируя это ограничением их юрисдикции (955). Таким образом, Оттону дважды резко напомнили, что его власть над немецкой церковью недостаточна для его целей.

Тем временем череда событий втянула его в итальянскую политику. В 926 году королевство Италия было захвачено Хью Прованским, авантюристом каролингского происхождения. В 937 году, после смерти Рудольфа II Бургундского, Хью задумал захватить это бесхозное наследство. Ему помешал Оттон, взявший на себя опеку над законным наследником Бургундии, юным Конрадом; объединенное королевство Италии и Бургундии было бы слишком опасным соседом для Германского королевства. Хью, однако, добился для своего сына Лотаря руки сестры Конрада Аделаиды, сохранив тем самым притязания своей семьи на будущее. Несколько позже Оттон в отместку предоставил защиту итальянскому врагу Хью, маркграфу Беренгару Фриульскому, который прибыл к саксонскому двору и стал сеньором немецкого короля. В 950 году эти отношения неожиданно приобрели политическое значение из-за неожиданной смерти Хью и Лотаря и престолонаследия Беренгара в Италии. Вспомнив о своей клятве Оттону, новый король отказался от своих обязательств вассала и еще больше спровоцировал его, жестоко обращаясь с овдовевшей Аделаидой. Таким образом, у Оттона появился двойной повод для войны. А к войне его вынудили амбиции его брата Генриха, герцога Баварского, и его сына Лиутольфа, герцога Суабского. Оба бросали вожаемые взгляды на Италию, которая была безнадежно разделена и являлась легкой добычей для первого встречного. В 949 году герцог Баварии захватил Аквилею; в 951 году герцог Суабии перешел Альпы якобы для того, чтобы выступить за Аделаиду. Оттон не мог бездействовать, пока двое его подданных и родственников спорили за итальянские трофеи. Он собрал армию и двинулся по следам Лиутольфа. Беренгар бежал, герцоги заключили мир со своим сюзереном, и Оттон получил свободу распоряжаться итальянским королевством (951).

Возможно, если бы представилась возможность, он сразу же отправился бы в Рим для императорской коронации. Но папа, который только и мог сделать императора, был выдвинутым римской фракции во главе с честолюбивым Альбериком Сенатором, стремившимся создать светское владычество на основе папского патримония. Оттона не пригласили посетить Рим. После некоторых колебаний он решил, вместо того чтобы самому взять на себя невыгодные обязанности итальянского короля, восстановить Беренгара на условиях возобновления дани. Возможно, это соглашение было рассчитано на время. Оттону все еще угрожали заговоры в Германии, а Беренгар мог служить защитой Италии от амбициозных герцогов, пока руки его повелителя не освободятся для итальянских приключений. Дальнейшие события оправдывают подобную гипотезу. В течение нескольких лет главные трудности Оттона были устранены. Великое герцогское восстание рухнуло; венгры были так решительно разбиты при Лехфельде (955), что перестали беспокоить Германию; смерть избавила Оттона от самых опасных соперников, архиепископа Фредерика Майнцского и его собственного сына, герцога Лиутольфа. Затем, в 960 году, пришел долгожданный вызов из Рима. Иоанн XII, рассеянный юноша двадцати двух лет, сын Альберика (умер в 954 году), но лишенный способностей своего отца, призвал на помощь Германию, чтобы защитить мирские владения от Беренгара. Оттону не потребовалось повторного вызова. Спустившись в Италию, он изгнал своего вассала, принял итальянскую корону в Павии (961), а затем отправился в Рим. Здесь в 962 году он был коронован папой как повелитель Священной Римской империи германской нации. К добру или ко злу прерогатива Карла Великого была неразрывно связана с германской монархией.

Из этой сложной череды событий можно сделать несколько интересных выводов. Империя, которой так часто злоупотребляли как источником бесчисленных бед для Германии, была возрождена в интересах чисто немецкой политики. В отличие от своего сына и внука, Оттон I никогда не подчинялся чарам Италии. Со времен Карла Великого считалось само собой разумеющимся, что империя может быть дарована только Папой Римским и принадлежать только итальянскому королю. Оттон не слишком дорожил своими итальянскими владениями,

хотя обстоятельства вынудили его прожить в Италии большую часть последних лет жизни. Некоторое время он подумывал о том, чтобы отвоевать Апулию и Калабрию у греков, Сицилию - у арабов. Но он отказался от претензий на Восточную империю ценой брачного союза, а Сицилию оставил нетронутой. Корона Италии была ценна для него главным образом как квалификация для императорской должности. К церковным обязанностям этой должности он не был равнодушен. Его епископы, хотя и работали в основном как светские администраторы, были выбраны с учетом их духовных обязанностей; он был другом движения клунийцев за реформу монашества. Но он явно не посещал Рим, вынашивая планы по очистке этого авгиева хлева папства. Пороки Иоанна XII были печально известны, но как папа, который мог законно передать империю, он был достаточно хорош для целей Оттона. Только когда Иоанн раскаялся в своей сделке и стал предателем, его сместили в пользу более авторитетного преемника (963). И преемник Иоанна был мирянином до момента его избрания. Главной заботой Оттона было заполучить надежного партизана; эта политика оставалась саксонской до времен его внука.

Оттон был неравнодушен к пышности и амбициозности своей должности. Он выставял напоказ перед всем миром благосклонный протекторат, который он осуществлял над молодыми правителями Бургундии и Франции; он настаивал на почтении польских и богемских герцогов. Он устраивал пышные диеты, чтобы отпраздновать свое новое положение, и прилагал огромные усилия, чтобы добиться признания византийского двора. Но по существу его амбиции были амбициями германского национального короля. Он остро чувствовал реальность, ценил конкретные результаты; от начала до конца его мысли были сосредоточены вокруг проблем родной земли. Расширение восточных границ, союз с церковью, управление герцогствами - таковы были его главные достижения, как и его главные амбиции. Но он построил лучше, чем предполагал, и перед его смертью империя приобрела более благородное значение, чем он, возможно, когда-либо предполагал.

Дело Оттона I было сделано умело, поскольку пережило безрассудства его сына и внука. В течение двадцати лет после его смерти (973 г.) титулярными правителями империи были мальчики и женщины-регенты. В Риме, в Германии, на западных и восточных границах все побитые группировки и униженные соперники набирались храбрости, чтобы сделать новую заявку на победу. Старая императрица Аделаида и ее невестка императрица Феофано делили или оспаривали контроль над управлением до 991 года; с этого времени до 998 года старшая женщина, освобожденная от вмешательства после смерти Феофано, пользовалась большим, хотя и уменьшающимся влиянием. Ни одна из императриц не была компетентна справиться с необычными трудностями ситуации. Аделаида, хотя и была верна немецким амбициям своего мужа, руководствовалась личными предрассудками при выборе своих министров. Феофано, женщина выдающихся способностей и достижений, презирала однообразные хитросплетения немецкой политики, побуждала и мужа, и сына рассматривать Италию как достойнейшее поле для деятельности императора, а в Италии ориентировалась скорее на Рим и Юг, чем на Ломбардию. Именно церковная партия, как в Германии, так и в Ломбардии, в эти годы сохраняла верность подданным империи. Немецкие герцоги были менее бескорыстны. Но прецеденты, созданные Оттоном I, оказались бесценными, когда его сыну потребовалось справиться с мятежом или назначить на вакантное герцогство.

Вину за химерические амбиции Оттона II и Оттона III обычно возлагают на Феофано, этого блестящего миссионера византийской культуры и византийских политических идей. Но влияние, извратившее суждения этих императоров, пока они не стали ругательством в Европе, было чем-то более неуловимым, чем сила воли властной женщины. Они родились в

туманных утренних сумерках средневекового ренессанса, в эпоху пробуждения интеллектуального любопытства, когда философия, науки и латинская литература изучались с живым, но некритичным энтузиазмом, когда ритор и софист были некоронованными королями интеллигентного общества. Философия была не более чем школьной логикой, полученной из вторых или третьих рук от Аристотеля, а науки - гротескной смесью эмпиризма и традиции. Латинская классика, помимо использования в качестве источника тропов и общих мест, лишь внушала суеверное и непонимающее благоговение перед Древним Римом. Оттон II и его сын были наивными учениками этой новой науки. Они не могли в достаточной мере восхищаться энциклопедистом Гербертом, самым модным и несравненно самым искусным преподавателем своего времени. Оттон II и его двор часами терпеливо слушали, как Герберт спорил с саксонским соперником о подразделениях родовой философии. Оттон III пригласил Герберта ко двору, чтобы излечить его от "саксонской деревенщины"; он осыпал любезного наставника латинскими стихами, советовался с ним в государственных делах и в конце концов возвел его в папы. На самом деле Герберт был тонким и амбициозным политиком, который занял кафедру Петра с немалыми заслугами. Но его более серьезные таланты никогда бы не нашли применения, если бы не его умение служить псевдоклассицизму деревенских саксов.

Каждый из этих императоров при первой же возможности отвернулся от Германии. Каждый из них встретил в Италии горькое разочарование и безвременную судьбу.

Оттон II, в идеализме которого прослеживались конкретные амбиции его отца, планировал завоевание Южной Италии и Сицилии. Замысел не был неосуществимым, как впоследствии доказали Гогенштауфены. А в 980 году его можно было оправдать как выгодный для всей христианской Европы. В Западном Средиземноморье надвигалась новая сарацинская опасность. Новая династия магометанских авантюристов, фатимитов, возникла на побережье Северной Африки и стала хозяином Египта (969 г.). За пять лет до этого события они уже захватили Сицилию; в 976 году они обратили свое внимание на Италию. Юг полуострова был поделен между Восточной империей и Пандульфом Железноголовым, владыкой Капуи, который установил эфемерную деспотию на руинах лангобардской и византийской власти. Даже он не смог противостоять арабам в открытом поле, и после его смерти (981) последовал раздел его земель и ожесточенные распри между его сыновьями. Если Оттон не вмешается, то не исключено, что Италия к югу от Гарильяно станет провинцией Каирского халифата. Однако Оттон не годился на роль полководца крестового похода. Его военный опыт был приобретен в мелких операциях против датчан и славян, а также во вторжении во Францию, которое было бесславно начато, но закончилось унижением (978). Полный уверенности в себе, он повел мощные силы в Апулию, намереваясь изгнать сначала греков, а затем арабов. Он без труда захватил Бари и Таранто, но не успел он войти в Калабрию, как позволил эмиру Сицилии заманить себя в ловушку. На поле Колонна (982 г.) он потерял всю свою армию и едва избежал плена, перелетев на проходящее торговое судно. В следующем году он умер в разгар лихорадочных приготовлений к уничтожению этого позора. Оттеснять арабов с материка пришлось презренным грекам; Сицилия оставалась магометанским владением до прихода норманнов (1062).

Легче сочувствовать политике Оттона II, чем самому человеку. Когда мы обращаемся к карьере его сына, ситуация меняется на противоположную. Оттон III, младенец после смерти отца, вырвался из-под женской опеки в 996 году и совершил свой первый итальянский поход в качестве шестнадцатилетнего самодержца. Он отправился освобождать папство от рабства римской группировки, партии печально известного Иоанна XII, вновь поднявшей голову под руководством нового лидера. Мальчик-правитель подавил мятежников с

неоправданной жестокостью. Но он был не лишен благородных амбиций и способности ценить более тонкие натуры, чем его собственная. Призванный назначить Папу, он выбрал своего кузена Бруно, юношу немногим старше себя, но государственного деятеля и идеалиста, который поставил перед собой задачу утвердить власть Святого престола над национальными церквями, отчасти, несомненно, в интересах империи, но больше в интересах морали и дисциплины. К несчастью, Бруно умер до того, как его влияние искоренило в характере императора слабости, порожденные коварными льстецами и неразумным воспитанием. Герберт, сменивший Бруно с титулом Сильвестра II, поощрял своего ученика в карьере пышных экстравагантных поступков. Пока новый папа расширял свою юрисдикцию и возвеличивал свой пост, молодой император планировал возродить в Риме древнюю славу цезарей. Оттон построил дворец на Авентине; он подражал великолепию и пародировал церемонии византийского двора; он придумывал помпезные легенды, которые должны были быть начертаны на его печати и на его короне. В 1000 году он совершил торжественное паломничество в Ахен и открыл гробницу Карла Великого; в другой раз - в Польшу, чтобы помолиться у раки своего друга-мученика, святого Адальберта, в Гнесене. Тем временем серьезными делами империи пренебрегали; славянские государства избавились от германской связи; восточная граница была без охраны. Даже римляне, которых он лелеял как свой особый народ, презрели его капризы и подняли восстание. Это было пробуждение. Осознав, наконец, разницу между своими мечтами и истинным положением, он покинул Вечный город, чтобы бесцельно скитаться по Италии, и умер с разбитым сердцем в возрасте двадцати одного года.

Было бы несправедливо судить о Священной Римской империи первого Оттона по трагикомическим отклонениям его ближайших преемников. Их карьера в экстремальной форме иллюстрирует искушения, которым подвержен император; но ни один из них не понимал сути этого института. Не слишком идеализируя Империю, они не сделали ее достаточно идеальной. Истинная концепция империи ускользнула от их понимания и была незатронута их неудачей. Политика Оттона Великого оправдана тем, что он, как и Карл Великий, придал национальной монархии характер религиозной должности и чувство священной миссии. Чтобы оценить его достижения, достаточно сравнить германскую монархию, какой она была в 1000 году, после того как поколение неправильного правления испортило замысел архитектора, с монархией Капетингов во Франции или дома Эгберта в Англии. Разница не только в размерах или внешнем великолепии. Священная Римская империя отстаивала более благородную теорию королевского и национального долга.

IV

ФЕУДАЛИЗМ

Прежде чем обсуждать истоки или последствия феодализма, следует составить определенное представление о системе, какой мы ее видим в XII и XIII веках, когда она является основой местного самоуправления, правосудия, законодательства, армии и всей исполнительной власти. В этот период юристы пришли к доктрине, согласно которой все земли принадлежат королю либо опосредованно, либо напрямую. Король сам является крупным землевладельцем с демеснами, разбросанными по всей длине и ширине королевства; доходы от этих владений обеспечивают ему большую часть постоянного дохода. Король окружен кругом главных арендаторов, часть из которых - епископы и аббаты, а также церковные сановники другого рода; остальные - герцоги, графы, бароны, рыцари. Все они, как миряне, так и церковники, обязаны выполнять более или менее определенные услуги в обмен на свои земли; самая важная из них - военная служба с определенной квотой рыцарей, которую они обычно несут за свой счет; но они также обязаны выплачивать

денежные пособия (*auxilia*) в определенных случаях, регулярно являться на совет короля и заседать в качестве заседателей в его суде. Фактически они владеют своими землями на основании договора; но точные обязательства, указанные в этом договоре, не исчерпывают их отношения к королю. В расплывчатом и эластичном смысле они обязаны оказывать ему честь (*obsequium*) и верность (*fidelitas*). Они должны делать все, что в их силах, для поддержания его интересов и возвышения его достоинства. Со своей стороны он обязан советоваться с ними коллективно во всех важных вопросах и поддерживать их индивидуально в правах и владениях, которые он им предоставил. От этих личных и неопределенных связей не следует отказываться ни одной из сторон без какой-либо серьезной причины - грубого предательства, грубого пренебрежения долгом, грубого злоупотребления властью или привилегиями.

Эти главные арендаторы имеют в своих владениях множество субарендаторов, которые связаны с ними аналогичными договорами и такими же личными отношениями. Почтение субарендатора к своему непосредственному господину должно сопровождаться оговоркой о верности, которой все подданные обязаны королю. Будет ли эта оговорка сделана или, когда она будет сделана, будет иметь какие-либо практические последствия, зависит от ресурсов и личности короля. Если она действует, то это означает, что он может требовать от субарендаторов выполнения определенных государственных обязанностей, может призывать их на военную службу, судить их в своем суде, облагать их налогами с согласия своего совета, то есть их лордов; с другой стороны, это означает, что эти субарендаторы не могут ссылаться на повеления своего лорда в качестве предлога для ведения войны против короля или нарушения общественного мира. Там, где общая обязанность верности канула в Лету, главный арендатор становится фактически независимым королем, а феодальное государство превращается в федерацию под властью наследственного президента, который время от времени выступает в качестве арбитра между членами федерации и время от времени ведет их на войну.

Остальные члены феодального государства объединяются или принудительно объединяются под властью разных лиц в феодальной иерархии. В открытой местности земля частично обрабатывается мелкими свободными землевладельцами, которые платят тому или иному сеньору ренту деньгами, добром или услугами. Как и феодальные субарендаторы, эти свободные землевладельцы в большинстве случаев подчиняются юрисдикции своего сеньора, хотя в хорошо организованном государстве королевские судьи защищают их от грубых форм насилия. Но большая часть земли поделена между подневольными деревенскими общинами, которые вынуждены отдавать значительную часть своих рабочих дней на обработку господских владений. Феодальное право стремится относиться к этим крестьянам как к рабам, отказывать им в помощи королевских судов, рассматривать их как держателей земли по воле сеньора. На практике лорд обнаруживает, что не может настаивать на полной мере своего законного права. Хотя он имеет право вернуть всех беглецов, их трудно выследить; хотя он может установить меру своих требований, опасно и невыгодно возбуждать дух мятежа. Будучи судьей, к которому крепостные не имеют права обращаться по вопросам, касающимся их владения, он находит политически целесообразным заключать и соблюдать определенные договоры, которые остаются неизменными из поколения в поколение. Таким образом, положение крепостных, хотя и тяжелое, но менее опасное, чем можно было бы предположить, если бы мы только изучили, что говорит о них феодальный юрист. Переходя от деревни к городам, мы видим, что все они подчиняются сеньору или королю; что некоторые из них являются лишь полуэмансипированными общинами крепостных; что в других бюргеры имеют статус мелких свободных землевладельцев; что в меньшинстве, но все большем меньшинстве случаев,

бюргеры установили право вести коллективные дела с сеньором, чтобы считаться *коммунами* или вольными городами. В этих случаях существует форма народного самоуправления под управлением выборных магистратов. Через магистратов город выплачивает фиксированную ренту бывшему сеньору; обычно он претендует на особое покровительство короля и занимает положение главного арендатора (*une seigneurie collective populaire*). Ни одно общество не может быть по духу и организации более антифеодальным, чем свободный город Средневековья; но он может обеспечить себе безопасное существование, только заняв определенное положение в феодальной иерархии. Фактически, духовенство - единственное значительное сословие, которому удается противостоять всеобщей тенденции феодализировать все земельные владения и найти для каждого человека своего сеньора. Даже они вынуждены идти на большие уступки духу эпохи. Только ценой долгих и разорительных конфликтов епископы и другие прелаты устанавливают некоторое различие между своим положением и положением рядового арендатора. Но даже в этом случае остается законом, что основные фонды каждого религиозного фонда являются вотчинами, находящимися под феодальным договором о службе. Более успешной, хотя и не менее трудной, была борьба с теорией, согласно которой приходской священник является вассалом своего патрона и может, признав свои обязательства как вассала, получить привилегию вассала передавать свой сан сыну.

Таков феодализм в конкретном виде. Это отрицание всего того, что мы считаем наиболее важным в понятиях государства и гражданства. Фактически, хотя и не совсем теоретически, он подчиняет обязательства гражданина тем, которые человек берет на себя, заключая добровольный договор. Этот договор может быть заключен с правителем государства, а может и не быть; в большинстве случаев он заключается с согражданином. Этот договор, хотя и почетный, согласно современным представлениям, всегда оставляет господину некоторые лазейки для осуществления произвольной и капризной власти; он ослабляет, если не уничтожает, верховенство закона. Опять же, следствием этой системы является возложение основного бремени национальной обороны и контроля над королевской властью на тесную наследственную касту землевладельцев. Стандарт общественного долга снижается; правительство становится либо абсолютизмом, либо олигархией, и в любом случае оно изучает главным образом интересы класса, который презирует промышленность и считает привилегии необходимой основой общества. При феодализме полномочия короны, исполнительные, судебные, административные, часто предоставляются в то же владение, что и вотчины, над которыми они осуществляются. Таким образом, создается наихудшая форма государственной службы, которую только можно себе представить: корпус наследственных чиновников, которых можно проверить или сместить только с большим трудом, которые не отчитываются за суммы, которые они собирают под названием штрафов или пошлин, которые редко бывают образованными, чтобы понять, что даже в их личных интересах честность - это лучшая политика. Если бы эта система развилась до своего логического конца, если бы принципы феодального правления не были смягчены восстанием снизу и заинтересованной тиранией сверху, единственным возможным концом было бы состояние партикуляризма и анархии, по сравнению с которым Германия пятнадцатого века или Италия восемнадцатого могли бы быть названы земным раем.

Однако сами недостатки феодальной системы являются лучшим доказательством того, что она была естественным и неизбежным продуктом социальной эволюции. Юридическая теория, столь сложная, столь противоречащая лучшим традициям как римского, так и варварского правления, не могла бы получить всеобщее признание как часть естественного порядка вещей, если бы не росла постепенно, если бы не была результатом более древних обычаев и институтов. Столь громоздкая и опасная форма социальной организации вряд ли

смогла бы просуществовать века, если бы не решала трудности необычайной остроты и масштаба. Давайте рассмотрим в историческом порядке предшественников феодализма и государственные причины, которыми он был оправдан.

Перед падением Римской империи обязанности местного управления ускользали из-под контроля имперской исполнительной власти. С официального согласия или без него крупные собственники, которые уже несли ответственность за налоги, военную службу и хорошее поведение своих иждивенцев, получали права на юрисдикцию. Когда Галлия была реорганизована Меровингами, эти частные суды продолжали существовать; они даже были юридически признаны (Клотарем II в 614 году) как общественно полезные учреждения. Некоторые крупные поместья были защищены специальными хартиями о привилегиях (*immunitas*), которые запрещали государственным чиновникам входить в них для проведения арестов, судов, сбора штрафов и конфискаций. Владельцы были обязаны выдать любого человека, обвиненного в тяжком преступлении, но в остальном вершили правосудие по своему усмотрению.

Эта система иммунитета была значительно расширена государями Каролингов, но с двумя важными изменениями. (1) Отныне эта привилегия редко предоставлялась мирянам, но в обязательном порядке распространялась на владения епископов и религиозных домов. (2) Владельцы таких церковных владений были вынуждены передать свои полицейские и судебные полномочия в руки мирян (*advocati*), избранных либо центральной властью, либо по какой-либо утвержденной форме выборов. Цель этих изменений заключалась в том, чтобы использовать частные суды для поддержания общественного порядка, извлечь жало из опасной привилегии и сделать ее удобным инструментом королевской политики. Но только одна половина схемы была постоянной. К середине IX века, когда *иммунитет* был предоставлен всем религиозным фондам, Каролинги позволили праву выбора *адвоката* вырваться из их слабой хватки. Привилегированные сословия остались, но королевский контроль над их внутренним управлением исчез. Они стали церковными сеньориями; все сдержки, налагаемые на власть их правителей, исходили от светских дворян, которые были их соседями, или от подвластного населения. Отчасти из уважения к обычаям и традициям, отчасти из корыстных побуждений крупные церковные землевладельцы поддерживали корону, даже в X веке, когда состояние королевской власти было на самом низком уровне. Но за эту поддержку пришлось заплатить определенную цену; старые привилегии были сохранены и даже увеличены за счет дарования власти жизни и смерти (*hautejustice, blutbann*). Так возник класс церковных князей, которые на протяжении всего Средневековья поддерживали государство и обладали властью, сравнимой с властью любого светского феодала.

Церковный *иммунитет* уже в IX веке был в глазах всех честолюбивых землевладельцев образцом привилегированного сословия. Но мирянин пришел к положению мелкого государя другим путем. Если говорить в общем, то в его продвижении есть два этапа. Во-первых, он становится королевским арендатором, владеющим своими землями в обмен на услуги и верность. Во-вторых, он приобретает, путем делегирования или узурпации, большую или меньшую часть королевской власти над своими зависимыми людьми.

(1) Идея личного договора между свободным воином и его господином, по которому первый отдает себя в распоряжение второго и обещает неограниченную службу, встречается во многих примитивных обществах и не свойственна ни одной ветви человеческой расы. Тацит отмечает в качестве одной из особенностей жизни германцев своего времени свободный военный отряд (*comitatus*), который жил в доме своего вождя, следовал за ним в бой и считал последней степенью бесчестия вернуться живым с поля, на котором он пал. Короли

Меровингов содержали подобную телохранительницу (*antrustions*). При Каролингах такие последователи появляются в войсках, в королевском доме, во всех сферах управления. Они являются самыми доверенными лицами короля и обладают значительным социальным влиянием. Они называются *vassu* (*vassi*) - это название раньше применялось к любому виду зависимых, но теперь относится только к свободным людям, оказывающим бесплатные услуги королю или другому сеньору и находящимся под его юрисдикцией. Эти последователи настолько ценны, что в VIII и IX веках власть великих людей в значительной степени измеряется количеством *васси*, которых они могут выставить в поле.

Различные соображения подсказывали франкским правителям и вельможам целесообразность наделения этих последователей землей и предоставления земли ни одному арендатору, если он не принесет вассальную присягу. Обычно земля была единственной формой оплаты, которую мог дать сеньор; она всегда служила материальной гарантией верной службы, поскольку могла быть возобновлена в случае невыполнения вассалом своих обязательств. В те времена, когда закон и мораль были малоэффективны в качестве санкций при заключении договоров, домовладелец, естественно, хотел привязать к себе арендатора личными обязательствами; и были очевидные преимущества в том, чтобы каждый арендатор был обязан помогать своему господину оружием. Поместья, пожалованные вассалам, назывались бенефициями (*beneficia*); они предвосхищали *lay-fief* более поздних времен. Однако здесь необходимо провести некоторые различия. Бенефиций не передавался по наследству *де-юре*; он переходил по наследству после смерти лорда или арендатора. Служба не измерялась с той же точностью, что и в более поздние времена. Военные обязанности вассала, получившего бенефиций, не отличались ни по виду, ни по степени от обязанностей обычных фрименов. Наконец, еще не возникла идея, что вассалы имеют более высокий статус, чем остальные члены общины. Значение вассала полностью зависело от его богатства и ранга в королевской службе. Только в эпоху Каролингской империи, когда класс свободных землевладельцев, не признающих господ, был почти вытеснен официальным гнетом и невыносимым бременем военной службы, бремя национальной обороны было полностью возложено на вассалов. Тогда, став единственным военным сословием в обществе, они приобрели то уважение, которое на ранних стадиях общественного развития является монополией тех, кто обучен владению оружием.

(2) Естественно, что узы вассалитета должны были быть наложены на каждого важного чиновника; также естественно было рассматривать его должность как благодеяние, которое можно было получить пожизненно или за хорошее поведение. Уже в ранние времена мы находим случаи, когда завоеванные принцы - герцог Аквитании, герцог Баварии, король Дании - приносили вассальную присягу и соглашались держать свои бывшие владения в качестве бенефиция. Таким образом, член королевского дома снова оказывает почтение и обещает службу в обмен на удел. Более распространенной и более важной для будущего является практика обращения с графами как с вассалами. По всей Франкской империи графство было обычной единицей местного управления. Граф возглавлял военные сборы, собирал королевские пошлыны, следил за соблюдением законов, поддерживал мир и был судьей, обладающим правом жизни и смерти. Каролинги контролировали своих графов с помощью разъездных инспекторов (*missi dominici*), но с распадом империи этот контроль был уничтожен, а власть графа сохранилась. К тому времени эта должность часто становилась наследственной, по аналогии с бенефицием, и граф присваивал себе доходы от своей должности. В таких случаях его графство становилось небольшим княжеством, классифицируемым юристами как фьеф, но часто управляемым без какой-либо связи с интересами королевского повелителя. Вотчины Анжу, Шампани и Фландрии начинались именно так, как наследственные графства. Иногда, опять же, мы видим, что великий вассал

получает, путем узурпации, прерогативы графа над своими собственными землями; примером тому служат принцы-епископы Трира (898 г. н.э.), Гамбурга (937 г.) и Меца (945 г.).

Первым следствием этого разительного изменения в характере земельной собственности и государственных должностей стала замена централизованного государства Каролингов расхлябанной федеративной системой, в которой каждая единица представляла собой группу людей, прикрепленных к лицу наследственного начальника. Этот зарождающийся феодализм был часто жесток, всегда краток и недальновиден в своих методах управления. Феодальная группа была вовлечена в вечную борьбу за существование с соседними группами. Феодальная политика была агрессивной, ведь у каждого лорда был свой военный отряд, который он мог удержать, только обеспечив его приключениями и богатой добычей; ни один лорд не мог считать себя в безопасности, пока сосед с равными ресурсами остается непокоренным. Кроме того, как будто распад общества не зашел так далеко, каждый крупный фьеф постоянно находился под угрозой гражданской войны и раздела. Как лорд относился к королю, так, в свою очередь, относились к нему его вассалы. Он наделял их землями, позволял им создавать семьи, давал им властные должности, а потом они бросали ему вызов. В одиннадцатом веке большой фьеф кипел замками, которые держали главные вассалы лорда; только в небольшом графстве Мэн мы слышим о тридцати пяти таких крепостях; в целом они были центрами мятежей и беспорядочного грабежа. Такой феодализм не был системой управления; он был симптомом анархии.

Однако феодализм не всегда был простой тиранией военного класса над безоружным населением. Как и Римская империя, империя франков потеряла уважение и популярность из-за неправильного управления, неэффективного правления, невыносимых требований к личной службе подданных. Землевладелец был менее требовательным хозяином, чем империя; часто он мог защитить своих арендаторов от имперских поборов. Во время нашествий северян и венгров его побуждали собственные интересы защищать свои владения в меру своих сил. Поэтому простые люди обращались к своему помещику или искали такого помещика, перед которым они могли бы превознести себя. Большое поместье было ковчегом убежища от всеобщего потопа социальных бедствий. В одиннадцатом веке ситуация изменилась. Венгерская волна вторжения была отброшена Генрихом Фаулером и Оттоном Великим; северяне записали себя в члены европейского содружества. Мелкий феодальный деспот был больше не нужен. Из защитника он превратился во вредителя общества. Великая политическая проблема эпохи заключалась в том, чтобы сделать его безобидным. Она была взята в руки и решена различными способами.

Во Франции церковь возглавила репрессивное движение, пытаясь смягчить ужасы частной войны определенными ограничениями для ее участников. В XI веке нередко епископ епархии заручался поддержкой представителей всех слоев общества, чтобы провозгласить местное Божье перемирие (*Treuga Dei*). Это перемирие, которое все люди должны были поклясться соблюдать, запрещало притеснять священнослужителей, крестьян и других невоюющих лиц; предусматривало, что возделываемые земли не должны подвергаться нападениям или угону скота; и называло определенные времена года, когда не следует вести войну. Типичное соглашение такого рода предписывает, что все частные военные действия должны быть приостановлены с вечера среды до утра понедельника на каждой неделе; с начала Адвента до недели после Богоявления; с начала Великого поста до недели после Пасхи; с Рогатых дней до недели после Пятидесятницы. Божье перемирие было одобрено короной как во Франции, так и в Германии; даже в XII веке оно по-прежнему рекомендовалось церковными соборами как полезное средство. Но оно редко оказывалось эффективным. Не существовало механизма для его обеспечения; а те, кто поклялся поддерживать его, были

настолько разделены противоречивыми классовыми интересами, что не могли сотрудничать с какой-либо сердечностью. Второй из этих недостатков, хотя и не первый, можно обнаружить и в немецкой системе ланд-мира. Периодически мы видим, как император принуждает ту или иную провинцию, а то и все Германское королевство принять свод правил, которые отчасти созданы по образцу *Treuga Dei*, а отчасти носят характер уголовного законодательства. Так, в 1103 году магнаты королевства должны были поклясться, что в течение следующих четырех лет они не будут приставать к церковникам, купцам, женщинам или евреям; что в течение этого же периода они не будут поджигать или врываться в частные дома; что они не будут убивать, ранить или удерживать для выкупа ни одного человека. В отношении последнего правила магнаты настаивали на некоторых изменениях; в итоге было установлено, что человек, встретивший частного врага на большой дороге, может напасть на него, но не может преследовать его, если тот укрылся в частном доме. Общие ланд-миры Фредерика Барбароссы (1152) и Фредерика II (1235) являются наиболее важными законодательными актами такого рода; но они значительно отклоняются от первоначального типа. Они постоянны; они направлены на полное подавление беззаконной самодеятельности; это кодексы уголовного права, которые, если бы их тщательно соблюдали, открыли бы новую эру в истории Германии. В нынешнем виде они являются лишь свидетельством нереализованного проекта реформ.

Не с помощью подобных конфедераций, спонтанных или принудительных, можно было обуздать феодализм. В XII и XIII веках, великом веке средневековой государственности, были применены другие и более эффективные средства. В свободных городах Франции, Италии, Нидерландов и Германии торговые классы усовершенствовали форму ассоциации, которая, как бы ни была несовершенна в других отношениях, успешно исключила феодализм из главных центров городской промышленности. В более крупных государствах, будь то королевства или нет, правители, поддерживаемые церковью и общинами, прилагали все усилия, чтобы расправиться с многоголовой гидрой. Феодализм не был уничтожен, но он был поставлен под закон. Во многих районах он не поддавался репрессиям. До конца Средневековья рыцари Суабии и Рейнской области сохраняли хищнические традиции Темных веков, и повсюду феодализм оставался силой, препятствующей национальному единству. Но великие феодалы, дожившие до эпохи Макиавелли и новых деспотий, как правило, имели некоторые претензии на уважение своих подданных. Герцогство Бретань, бургундское наследство, германские курфюршества вызвали возражения главным образом как препятствующие росту лучших сообществ - лучших, потому что более всеобъемлющих, более стабильных, более приспособленных для того, чтобы стать питомниками великих идей и гордых традиций.

Остается сказать о рыцарстве, этом своеобразном и зачастую фантастическом кодексе этикета и морали, который был привит к феодализму в XI и последующих веках. Практическое влияние рыцарства было преувеличено. Рыцарская этика в значительной степени была естественным продуктом милитаристской эпохи. Храбрость и патриотизм, верность и правдивость, либеральность, вежливость и великодушие - эти качества солдат даже в получивилизованном обществе обнаруживает в себе сам. Высшие требования рыцарской морали так же привычно игнорировались, как и фундаментальные заповеди христианской веры. Рыцарские государственные деятели Средневековья, от Годфрида Бульонского до Эдуарда III и Черного принца, под прожектором исторической критики выглядят не менее расчетливыми, чем деспоты эпохи Возрождения или ученики Фридриха Великого в Пруссии. Но в отношении рыцарского идеала было совершено нечто меньшее, чем справедливость. Этика, которую он воплощал, была произвольной и односторонней; но она представляет собой искреннюю попытку создать, хотя бы для одного класса, практичный

кодекс поведения в то время, когда религия слишком часто превозносилась, требуя невозможного. Рыцарство выродилось в экстравагантность и условную гиперболу; но в худшем случае оно имело достоинство наделять человеческие отношения и человеческие занятия идеальным значением. В частности, оно обеспечило женщинам более почетное положение, чем то, которое они занимали в любой социальной системе древности. Она заново открыла одну половину человеческой природы. Если бы не рыцарство, то Беатриче Данте, Лаура Петрарки, Миранда Шекспира и Маргарита Гете не могли бы быть созданы и тем более поняты.

Рыцарство в самой древней из обнаруженных форм было изобретением церкви. Религиозная служба, с помощью которой неофит посвящался в рыцари, была прослежена до времен Оттона III, когда она появилась в литургии римских церквей. Но за пределами Италии эта церемония не была широко распространена до эпохи крестовых походов. Именно Урбан II внушил рыцарству Северной Европы веру в то, что они - *Dei militia*, воины Церкви; и очень важно, что война с неверующими занимает важное место среди обязанностей, возлагаемых на новоиспеченного рыцаря, хотя и не стоит особняком. Защита истинной веры и Церкви также поощряется; заслуги могут быть приобретены в преследовании еретиков или в борьбе за Папу против несправедливого императора. Не забыты и требования вдов, сирот и беззащитных. Но идеальным рыцарем Церкви был тамплиер - солдат, живущий под властью религиозного ордена и посвящающий все свои силы делу Гроба Господня. Святой Бернард, зеркало ортодоксального консерватизма, взялся за законодательное оформление ордена Храма; ведь первобытная церковь едва ли терпела войны в целях самозащиты. С одной стороны, это было благотворным изменением в моральном облике лидеров общества, которые должны были признать войну и военное сословие неизбежной необходимостью, которые должны были взяться за морализацию и идеализацию самого обычного занятия. Но решимость была омрачена исполнением. Стремясь быть практичной, церковь поставила слишком низкую цель и воплотила христианство в заповедях, которые подходили только для одного короткого этапа средневековой цивилизации - этапа крестовых походов.

В конечном итоге поэт имел гораздо большее влияние на рыцарские сословия, чем священник. Примечательно, как единодушно папы и соборы выступали против кровопролития и экстравагантной бесполезности турниров; еще более примечательно, что даже угрозы отлучения от церкви не могли удержать самых ортодоксальных рыцарей от стремления отличиться и отвлечься в этих имитационных войнах. Не менее значимым является рост *службы дам*, которая, хотя и была наделена трубадурами и миннезингерами ореолом религиозной аллегии, не нравилась церкви не только из-за страха перед возможными злоупотреблениями, но и как идолопоклонство по своей сути. Культ Девы Марии, воздавая должное новому представлению о женственности, был также протестом против светского романтизма. То тут, то там Вольфрам фон Эшенбах совершает подвиг, примиря поэзию с религией в изображении идеального рыцаря. Но школа *куртуазности* возобладала; самые знаменитые трубадуры - мирские, чтобы не сказать профаны; Вальтер фон дер Фогельвейде с его яростными нападками на папство более типичен для своего класса, чем Вольфрам с его аллегорией о Парсифале и Санграале. Именно в Провансе, накануне Альбигойского крестового похода, в обществе, которое было наиболее равнодушно к официальному христианству и наиболее враждебно к духовенству, рыцарство проповедовалось наиболее усердно и развивалось в самых любопытных деталях. В руках трубадуров оно превратилось в евангелие пафоса и фанфаронства, искусственных чувств и искусственного героизма, прикрывавших материализм, чувственность и неумеренную показную роскошь театрального и легкомысленного общества, опьяненного гордыней жизни.

Учреждение не обязательно дискредитируется, если мы обнаруживаем, что оно выросло из малого, было применено в новых условиях для новых целей и в течение долгой истории защищалось с помощью аргументов, которые явно ложны. Ребенок, несомненно, является отцом человека; но человек чем-то отличается от своего младенческого "я", и вполне может быть чем-то лучше его. Мы не должны придавать чрезмерное значение изучению происхождения. С другой стороны, мы не можем позволить себе пренебречь ими. Какими бы незначительными ни были волокна, которыми настоящее укоренено в прошлом, наблюдать их - значит осознавать непрерывность человеческого развития - самый важный, самый очевидный и самый игнорируемый из уроков, которые может преподать история. Верно, что корни, какими бы сильными и глубокими они ни были, недостаточны для того, чтобы объяснить особенности растения, которое от них произрастает. Но верно и то, что ни растения, ни институты не могут полностью избавиться от шелухи своей незрелости. Они не вполне приспособлены к тем условиям, в которых достигают своего полного развития. Папство в зените своего могущества и славы является отчасти новым, а отчасти старым. Когда мы рассматриваем папскую теорию в том виде, в каком она проплывала перед мысленным взором Григория VII или Иннокентия III, она производит на нас то же впечатление симметрии, логической последовательности и завершенности, которое мы испытываем, впервые входя в одну из великих средневековых церквей. Но когда мы постигаем замысел архитектора, то обычно обнаруживаем, что в некоторых отношениях он следовал бессмысленным традициям, унаследованным от более раннего периода, и, кроме того, его работа включает в себя остатки более древней и простой структуры. Здесь колонны массивного обхвата совершенно непропорциональны тонким аркам, которые они несут; там старая башня была подперта, чтобы сделать ее способной поддерживать новый шпиль. При всей хитрости строителя мы все же можем отличить новое от реконструированного. Так было и с папской апологией в великие дни папской политики. Фраза из законов Древнего Рима соседствует с аксиомой, украденной у философов Порчи или Академии. Басни галльского или египетского происхождения приводятся в подтверждение канонов Никейского и Халкидонского синодов. Текст древнееврейского пророка интерпретируется фантазией африканского толкователя. Ткань, составленная из этих несочетаемых элементов, на самом деле имеет единство цели; но замысел настолько замаскирован и извращен непокорностью материалов, что мы непреодолимо вынуждены спросить, как и почему они были использованы.

Как никакой другой человеческий институт, папство страдало от мнимой необходимости оправдывать каждый свой шаг прецедентами и ссылками на авторитеты. Дважды за шестнадцать веков Святой Престол решался на поразительную смену фронта, и ему приходилось с большим трудом опровергать обвинения в непоследовательности. Одна из таких перемен произошла в конце семнадцатого века, когда Папы перестали уделять международным делам больше внимания, чем это было неизбежно. Это была большая перемена, но не столь значительная, как та, которую совершил во второй половине XI века Григорий VII. Ведь он произвел переворот во всей теории папской прерогативы. Не будучи ни глубоким юристом, ни глубоким теологом, он рассматривал прошлую историю своей должности с идеализмом поэта, а в будущее заглядывал с сангвиническим радикализмом Макиавелли или Гоббса. Григорий VII представлял себе христианство как неразделенное государство; государство - как политику, в которой главенствует государь; государь - как правитель, который должен быть либо абсолютным, либо бесполезным. И кто,

спрашивается, кроме наследника князя апостолов, может претендовать на столь огромную власть? Для нас дерзость его притязаний оправдана высокими целями, которым они должны были служить. Чтобы примирить современное мнение, необходимо было представить новые претензии как возрождение старых прав, как логические следствия неоспоримых истин. И этот курс подразумевал, как следствие, старательное, хотя и отчасти неосознанное, извращение прошлой истории. Ведь папы, которые были до него, претендовали на полномочия, которые, хотя и были обширными, но поддавались определению; которые, хотя и были поразительными, в основном могли быть защищены апелляцией к устоявшемуся обычаю. Новая политика привела к такой парадоксальной ситуации, когда на прецеденты старательно ссылались, чтобы доказать, что Папа превосходит все прецеденты.

С Григория VII примат западного христианства приобрел новый характер. Но примат, в той или иной форме, веками принадлежал Римскому престолу. Его отдаленные предшественники достигли многого, и их успех тем более примечателен, если вспомнить, как мало среди них было выдающихся государственных деятелей. Нет ничего удивительного в том, что за девять беспокойных веков некоторые епископы Борна оказались некомпетентными, а другие предали интересы, которые были им доверены. Однако удивительно, что Римский престол смог занять и удержать лидирующее положение среди западных епископов, не оказав при этом особых услуг по расширению или организации Церкви.

Из всех ранних пап, за исключением Льва I и Григория I, можно сказать, что мы можем быть достаточно компетентны в истории их времени, не зная о них многого. Ни один Папа не входит в число ведущих западных отцов. Единственный значительный богослов, занимавший Святой престол до 1000 года, - Григорий I; и высшая похвала, которую мы можем дать его трудам, заключается в том, что они вдохнули новую жизнь в некоторые идеи святого Августина. Именно как государственные деятели, а не как мыслители, ранние папы привлекают наше внимание. Однако их практические достижения едва ли объясняют то почтение, которое они вызывали. Единственной великой миссией, которую начал Рим, была миссия Августина в Англию. Другие евангелисты Темных веков находили свое вдохновение в других местах, в монастырях Ирландии, Галлии и Германии. Если мы рассмотрим прогресс богословской науки и церковной организации, то обнаружим, что великие споры разрешались, а великие законодательные собрания созывались в Восточной империи. Рим лишь изредка заявлял о своем праве говорить от имени даже Западной Церкви; история первых пап, достигших такого кратковременного превосходства, не такова, чтобы Запад мог вспоминать о ней с удовлетворением. На самом деле, Рим стал и остался религиозной метрополией Европы не благодаря заслугам отдельных пап, а по другим причинам.

Как же объяснить ее триумфальное продвижение? Гоббс предложил одно из объяснений, назвав папство "призраком Римской империи". И это правда, что последующие императоры сочли удобным предоставить особые привилегии епископам своей древней столицы. Но они начали проводить эту политику слишком поздно, когда благоговение перед Империей на Западе уже падало. В результате имперских пожалований папство не получило никаких существенных полномочий, а отдельные папы потеряли авторитет и независимость из-за своей особой связи с Новым Римом на Босфоре. Они были вынуждены играть позорную роль в распрях восточных церквей, их нагроулили обременительными светскими обязанностями; они стали олицетворением и агентами чужеземной тирании, которой не доверяли ни варвары-захватчики, ни номинальные подданные империи.

Другие критики объясняют престиж папства плодами успешных самозванств. В пользу этой гипотезы мало что можно сказать. Один или два папы, не самые великие, снизошли до

использования поддельных документов на титул. Но эффект от этих махинаций сильно преувеличен. Самыми известными из них являются "*Доношение Константина*" и "*Подложные декреты*". Первый, хотя, вероятно, и имеет римское происхождение, мало использовался в Риме и служил лишь для оправдания скромных начинаний временной власти. Вторые имеют большее значение и иногда рассматриваются как открывающие эру новых притязаний. На самом деле они представляют собой не более чем повторение и усиление очень древних претензий. Хотя их часто цитируют юристы-канонисты, они не являются обязательными звеньями в претензии на исторические доказательства и прецеденты. Они важны главным образом как свидетельство общего стремления церковников найти какие-то основания для энергичного осуществления папской прерогативы. Примат с реальными полномочиями был нужен не только духовенству национальных церквей как оплот против жестокого гнета государства, но и всем религиозным мыслителям как символ корпоративного единства и гарантия доктринального единообразия.

Ни одна теория не может считаться удовлетворительным объяснением папской власти, если она не объясняет эту общую веру в необходимость видимого главы Западной церкви. Отчасти эта необходимость была политической. Подвергаясь общей опасности светской тирании, национальные церкви искали безопасности в объединении; и они уведомили о своем союзе единственным понятным для необразованных мирян способом - объявив о своем подчинении единому духовному суверену. Но оставалась проблема оправдания этого акта независимости, равносильного восстанию. Оправдание было найдено в двух аргументах, один из которых был историческим, а другой - доктринальным; один основывался на римской легенде о святом Петре, а другой - на признании важности соблюдения правильной традиции. Каждый из этих аргументов требует рассмотрения.

Святой Петр, гласит легенда, был наделен первенством среди апостолов; таково прямое значение слова Спасителя "*Tu es Petrus*". Святой Петр основал Римскую церковь и учредил римский епископат. Лину, первому епископу, Петр завещал свое Божественное поручение и знание христианских истин. От Линуса эти дары перешли без уменьшения к одному за другим в непрерывной цепи его преемников. Поэтому Рим имеет право на такое же первенство среди церквей, какое Петр занимал среди своих братьев. Исследование исторической основы этой легенды было бы долгим и невыгодным занятием. О связи святого Петра с Вечным городом мы не знаем ничего определенного, кроме того, что он проповедовал и страдал там. Если епископы существовали в его время, есть основания полагать, что эта должность была коллегиальной и что комитет епископов играл тогда меньшую роль в духовной жизни общины, чем в более позднее время. Только во втором веке епископат стал монархическим, а его носитель - верховной властью в Церкви, которой он был избран. Изменения были завершены ко времени Иренея, писавшего около 180 года н. э.; ему мы обязаны самым ранним каталогом римских епископов, начиная с Лина и заканчивая Элевфером, двенадцатым от Петра и современником Иренея. Более поздние имена в списке, несомненно, принадлежат подлинным епископам; более ранние могут быть в некотором смысле историческими, именами известных пресвитеров или людей, которые оставили свой след в старой епископской комиссии. Второстепенный интерес представляет тот факт, что Иреней говорит о епископах, а не о папах; этот титул вошел в обиход через сто лет после его времени. Более важным является тот факт, что в третьем веке, когда наши документы становятся более обширными, Рим, как правило, признается первым по достоинству среди церквей (*ecclesia principalis*), но не имеет апелляционной юрисдикции и законодательных полномочий. Признается лишь, что, когда возникают споры по вопросам традиции, ее свидетельство имеет право на особую честь, как свидетельство церкви, хранящей память об

учении Петра. По мере того как доктринальные споры становятся все более острыми и фундаментальными, важность традиции подчеркивается, а авторитет тех, кто ее озвучивает, превозносится. В конечном итоге все притязания Святого Престола основываются на утверждении, что он обладает единственной неповрежденной традицией. Но только после третьего века последствия этого утверждения были осознаны даже самими претендентами.

Если бы нам предложили в наши дни предложить способ сохранения в неприкосновенности свода доктринальных определений и дисциплинарного права, мы, естественно, не выбрали бы устный способ передачи как наиболее безопасный. Тем не менее, этот способ был очень популярен в прошлом. Даже среди иудеев, с их чрезвычайным уважением к священным книгам, письменное слово не имело никакого значения благодаря традициям толкователей. Приверженцы греческих мистических культов сознательно избегали записывать свои важнейшие формулы. В пользу этой любопытной политики говорило несколько соображений. Не существовало научных канонов для толкования письменных текстов; аллегоризирующие комментаторы вписывали в самые простые предложения свои собственные дикие фантазии. Единственным способом справиться с ними было вернуться к традиционному толкованию. Мы используем тексты для проверки традиций; но критика на ранних стадиях своего развития придерживается противоположного курса и, как естественное следствие, ставит традицию выше Писания. Другими причинами, препятствовавшими использованию письменности, были, во-первых, опасения, что никакое литературное мастерство не сравнится с трудностями точного изложения; во-вторых, естественное нежелание религиозного ума позволить глубочайшим истинам подвергнуться вульгарным насмешкам и критике непосвященных; В-третьих, остатки первобытного суеверия, что формулы ритуала - это магические заклинания, которые потеряют свою силу, если будут опубликованы миру; и, наконец, естественный инстинкт сакрального сословия - хранить знание глубочайших тайн для избранного внутреннего круга. По всем этим причинам во всех раннехристианских церквях существовала ревностно охраняемая традиция, обычно обозначаемая как *arcana* или *secreta*. Приведем несколько примеров: Апостольский Символ веры, отличительный символ Римской Церкви, сохранялся в устной традиции только до четвертого века и не передавался катехумену до момента его крещения. Подробные правила покаянной дисциплины впервые были записаны Феодором Тарсским, архиепископом Кентерберийским, ближе к концу седьмого века; это нововведение подверглось резкой критике со стороны некоторых церковных синодов. Наиболее примечательным является нежелание церквей записывать основные, действующие части Мессы. Письменные копии впервые упоминаются в IV веке, и только гораздо позже разногласия местных традиций были исправлены изданием стандартного текста. Можно было бы предположить, что отсутствие официальных копий объясняется отсутствием какого-либо приспособления, например, типографии, с помощью которой их можно было бы дешево размножить. Но есть любопытный факт, который позволяет предположить, что публикация считалась нежелательной. Один из разделов канона мессы назывался тайной частью (*secretum*), и произносился он торжественно, вполголоса, чтобы не стать известным прихожанам. Точно так же ранние богословы отвергали всякое литературное изложение таких центральных доктрин, как Искупление или Троица, пропуская их мимо ушей с замечанием, что они известны посвященным.

Этот культ тайны породил трудности, которые крупно написаны на страницах истории. Возникали споры о формулировках вероучений, о каноне Писания, о количестве и характере смертных грехов, о покаянии, которое они должны были повлечь за собой. Периодически какой-нибудь любопытный исследователь поднимал бурю, утверждая, что он обнаружил изъян в традиционных формулах или ошибку в том смысле, который в них вкладывался.

Единственным способом разрешить подобные сомнения было сравнение традиций более древних церквей. Это мог сделать провинциальный синод или генеральный собор. Но первый из этих трибуналов был неудовлетворительным, поскольку его решения имели лишь местную силу и могли быть отменены голосом вселенской Церкви. Генеральный собор было трудно созвать, особенно после того, как между Восточной и Западной церквями начался раскол. Проще было выбрать в качестве окончательного арбитра епископа, чье знание традиции исходило от апостольского предшественника. На Востоке таких епископов было три (Антиохийский, Иерусалимский, Александрийский), но на Западе только Рим удовлетворял необходимым условиям. И епископы Рима могли с некоторым основанием утверждать, что их традиция происходит из более достойного источника и лучше защищена от заражения, чем традиция любой другой апостольской церкви. Разве не является общепризнанным фактом, что Рим сохранил непоколебимый фронт перед лицом еретика Ария, когда даже Антиохия, Иерусалим и Александрия дрогнули?

Обращение к Риму как к оракулу веры было настолько очевидной целесообразностью, учитывая преобладающее отношение к традиции, что мы можем только удивляться, насколько медленным и постепенным был триумф римских утверждений. Победе логики мешали как гордыня, так и здравый смысл других западных Церквей. С одной стороны, Карфагенский престол придерживался старого идеала христианства как конфедерации самоуправляющихся церквей, которые могли советоваться друг с другом по своему усмотрению, но не признавали никакого начальства, кроме генерального собора. Карфаген увлек за собой всю Африканскую церковь и послужил примером, которому с гордостью подражали менее известные общины. Завоевание Африки вандалскими еретиками было необходимо, прежде чем африканские христиане согласились бы смотреть на Рим как на свою духовную метрополию. С другой стороны, решения римских епископов справедливо подозревали в том, что они руководствуются соображениями целесообразности. Иногда они ослабляли покаянную дисциплину, боясь подтолкнуть более слабых братьев к отступничеству. Иногда, под давлением Константинополя, они предлагали двусмысленный компромисс с ересью. Но постепенно эти соображения были преодолены давлением обстоятельств. Распространение арианства и нашествие тевтонов (которые сами часто были арианами) в конце концов вынудили церкви принять очевидные меры для сохранения пошатнувшегося единообразия и единства.

Именно в актах Сардикского собора (343 г. н. э.) мы находим первое явное признание папы в качестве арбитра и (можно сказать) апелляционного судьи. Этот собор был всего лишь собранием западных епископов, и принятые им каноны так и не были приняты Африканской церковью. Их действительность была настолько сомнительной, что папы следующего поколения изворотливо утверждали, что они были приняты на более раннем и знаменитом Никейском соборе (325 г.). Однако даже в Сардике папа был наделен лишь одной определенной прерогативой. Отныне любой епископ, осужденный провинциальным синодом, мог обратиться к нему с апелляцией; затем он мог распорядиться о проведении повторного суда и послать своих легатов для участия в заседаниях; но он не мог рассматривать дело в своем собственном суде. Еще более поразительными, чем это постановление, являются слова письма, которое Собор направил папе Юлию: "Будет очень правильно и уместно, если священники Господни из каждой провинции будут обращаться к своему Главе, то есть к Престолу Петра". Этой рекомендации охотно послушались церкви Галлии и Испании. Вопросы их епископов посыпались на пап, которые стали излагать свои решения в форме открытых писем и претендовать на обязательную силу закона. Папа Либерий (352-366 гг. н. э.), по-видимому, положил начало этой практике, хотя самый ранний из сохранившихся "Декреталов" принадлежит перу папы Сириция (385 г.). Через 60 лет после

Сириция, когда Западная империя находилась в предсмертной агонии, эти притязания на законодательную власть были официально подтверждены императором Валентинианом III (445 г.). Но в течение некоторого времени после Сардикийского собора новая прерогатива использовалась с величайшей осторожностью. Папы того периода используют все меры предосторожности, чтобы сделать свои оракулярные ответы не оскорбительными. Они уверяют своих корреспондентов, что Рим не предписывает никаких новшеств, что он не берется решать вопросы, о которых молчит традиция, что он просто исполняет поручение, возложенное на него Всеобщими Соборами. Тех, кто проявляет уважение к ее утверждениям, осыпают комплиментами. Декреталий Иннокентия I (402-417) начинается так: "Очень дорогой брат.

"Очень дорогой брат, церковные правила жизни и поведения хорошо известны священнику твоего достоинства и сана. Но поскольку ты срочно обратился к нам с вопросом о правилах, которые предписывает Римская церковь, мы склоняемся к твоему желанию и настоящим посылаем тебе наши правила дисциплины, расположенные по порядку".

С другой стороны, не упускается возможность привлечь внимание к римскому примату. Папа Сириций (384-398) пишет в одном из своих писем: "Мы несем бремя всех угнетенных; это апостол Петр говорит от нашего лица". В более конфиденциальных и домашних высказываниях этих пап прослеживается жилка надменного самоутверждения. В гомилиях Льва I (440-461) текст *Tu es Petrus* звучит как трубная нота; здесь мы видим римского правителя, общающегося со своим римским народом, гордость империи принимает новую форму среди руин той светской империи, которую воздвигли языческие римляне прошлого.

В общем хаосе, порожденном миграциями варваров, влияние папства, по сравнению с другими западными владениями, значительно усилилось по разным причинам: из-за разорения Карфагена, самого ярого ее критика; из-за прогрессирующего упадка других церквей, который был наиболее заметен в тех провинциях, где варвары обращались наиболее охотно; из-за растущей волны невежества, которая захлестнула все соперничающие концепции христианства и вычеркнула прошлую историю Церкви. Это невежество было столь велико, что Иннокентий I мог утверждать, не боясь возражений, что "никто не основал ни одной церкви в Италии, Сицилии, Галлии, Испании или Африке, кроме тех, кого Петр и его преемники посвятили в священники". На итальянском полуострове было три церкви - Равенна, Милан, Аквилея, - которые упорно отказывались считать себя лишь ответвлениями от престола Петра. Но легенда пустила корни и разрослась, поскольку сменяющие друг друга папы связывали себя с миссиями к необращенным племенам и реформами в варварских церквях.

Среди более ранних событий, способствовавших тому, что римская вера стала стандартом для всего западного христианства, следует упомянуть лишь завоевания ортодоксальной франкской монархии, официальное обращение в арианство бургундцев (516) и вестготов в Испании (586); истребление вандалов и остготов полководцами Юстиниана; миссии Августина в Англию, Вилфрида, Виллиброрда и Бонифация к германцам; подчинение франкской церкви под влиянием Бонифация и Пипина Короткого (748). Естественно, моральное влияние Рима на северные земли усилилось с возрождением Западной империи, что означало сотрудничество папы и императора в деле расширения христианской республики. Кирилл и Мефодий, апостолы славян, сочли необходимым отказаться от подданства греческой церкви и отдать своих новообращенных под защиту Рима (866). Именно из Рима святой Адальберт отправился со своей неудачной, но славной миссией к

пруссам (997); и именно папа Сильвестр II заслужил славу объединителя венгерского народа с западным христианством (1000). Наконец, Канут Великий, датчанин и англичанин, прибыл в образе паломника (1027), чтобы возложить дань своих скандинавских подданных на алтарь святого Петра. Папы жали там, где не сеяли, но урожай был богатым и великолепным.

Не менее важен был и политический характер, который приобрела папская служба с возрождением империи. Уже при Григории Великом можно проследить зарождение временной власти. Естественно и неизбежно папа, уже будучи, как и другие епископы, функционером, на которого возлагались важные светские обязанности, взял на себя защиту и управление Римом и прилегающими герцогствами, когда правители Византии сбросили с себя эти невыгодные обязанности. Естественно и оправданно, что он претендовал на свои обширные итальянские владения, на полномочия юрисдикции, которые каждый землевладелец принимал в качестве меры самозащиты от угнетения или необузданной анархии. Во времена Пипина Короткого был сделан еще один шаг. Франк, не желая вмешиваться в дела Италии, но стремясь обезопасить Святой престол от лангобардов, признал папу Стефана II законным наследником бесхозных императорских владений. А Карл Великий, как король и как император, подтвердил дарственную своего отца. Сделать папу независимым государем - это была политика, которую он не хотел принимать. Его идеалом были восточные императоры: он сам - глава государства и церкви, папа - патриарх всех церквей империи, избранный с одобрения императора, управляющий духовенством с его совета, пользующийся на землях своей паствы самыми большими привилегиями, дарованными любому епископу, но все же во всех светских делах являющийся подданным империи. Но с другой стороны, в Риме возникла иная концепция прерогативы папы. Давным-давно папа Геласий сформулировал принцип, более полезный для его отдаленных преемников, чем для него самого: "Две власти, Церковь и государство, обе происходят от Бога и обе имеют право на абсолютную власть в своих соответствующих сферах". Согласно этому принципу, государство не должно вмешиваться в выборы епископов, в вопросы веры и дисциплины; оно не должно осуществлять юрисдикцию над священством, которое является служителем Церкви, или над церковными имениями, поскольку они находятся в доверительном управлении для Бога и бедных. Эту точку зрения провозгласил всему миру Лев III, по распоряжению которого в Латеране была установлена мозаика, аллегорически изображающая его отношения с Империей. Святой Петр восседает на престоле; Карл и Лев преклоняют колени справа и слева, принимая от апостола паллиум и гонфалон, символы их соответствующих должностей.

Ни один могущественный император никогда не принимал геласианский принцип целиком. Однако опровергнуть его было трудно, настолько хорошо он гармонировал с существующей концепцией государства. При поздних Каролингах он стал программой как реформаторов, так и просто церковных политиков. Новые монастыри, основанные или реорганизованные под влиянием Ключи, ставили себя под особое покровительство Папы, освобождаясь таким образом от светских тягот. Национальные иерархии приветствовали подделки Псевдо-Исидора как хартию церковной свободы. Папа Николай I встал во главе нового движения и придал ему замечательное развитие, утвердив свою юрисдикцию над прелюбодейным Лотарем II (863). Николай умер, так и не успев продемонстрировать свои притязания на верховную власть даже над королями в вопросах морали и веры. С его времен до времен Хильдебранда не было ни одного достаточно энергичного папы, который мог бы подать подобный пример. Опущенные своими временными владениями до уровня муниципальных сеньоров и партийных инструментов, папы с 867 по 962 год были, в лучшем случае, не более чем энергичными итальянскими князьями. На этот уровень они вернулись после периода саксонских Отто (962-1002). В эти сорок лет были проблески лучшего будущего; немецкий

папа Григорий V вступил в союз с Ключи (996-999); при Сильвестре II (999-1003) разносторонний Герберт из Ауриллака - одновременно математик, ритор, философ и государственный деятель - проникся романтическими мечтами своего друга и ученика Оттона III и от своего имени сформировал другие, в центре которых было папство, а не империя. В воображении Сильвестр видел Святой Престол во главе федерации христианских монархий. Но судьба была к нему не более благосклонна, чем к Оттону; он пережил своего мальчика-покровителя всего на год.

VI

ЦЕРКОВЬ ГИЛЬДЕБРАНДИНА

Современная жизнь ушла так далеко за пределы средневекового христианства, что мы лишь с усилием возвращаемся к интеллектуальной позиции святого Бернарда, святого Франциска или *Imitatio Christi*. Помимо трудностей, связанных с незнакомой терминологией, мы оторвались от идей, которые тогда были общепринятыми; убеждения, которые когда-то считались самоочевидными и кардинальными, теперь витают на внешней грани спекулятивной мысли, как голые возможности, как недоказанные и недоказуемые догадки об истине. Возможно, наши собственные вероучения покоятся не на более прочном дне логической демонстрации. Но они были составлены, чтобы ответить на сомнения и объяснить факты, которые средневековые теории игнорировали; и при их составлении мы были вынуждены частично пересмотреть, частично разрушить средневековые представления о Боге и Вселенной, о человеке и нравственном законе.

Здесь не место для критики средневековой религии. Но если мы не будем помнить о некоторых существенных особенностях католической системы мышления, мы упустим ключ к церковному государственному управлению, которое доминирует в XII и XIII веках. Программа великих пап, от Григория VII до Бонифация VIII, должна казаться тканью абсурдов, нелепых амбиций и неоправданных действий, если не изучать ее в связи с теологией, столь же далекой от первобытного христианства, как от культов и философий классической древности.

Первым пунктом этой теологии является существование личного Бога, который, хотя и является всепроникающим и всемогущим, не открывает Себя сразу людям, которых Он создал для Своего поклонения, и не упорядочивает мир так, чтобы события всегда выражали Его волю и цель. Он наделил человека греховной природой и допустил, чтобы в Его вселенную вторглись злые разумные существа сверхчеловеческой силы и злобы, которые искушают человека к гибели и стремятся разрушить Божественный порядок, частью которого они являются. Он в высшей степени благосклонен, но в полной мере проявляет это качество только тогда, когда к Его помощи обращаются в молитве; Его благосклонность часто выражается в чудесах, то есть в приостановлении или отмене общих законов, которые Он Сам установил для управления вселенной и человеческими судьбами. Он непостижим и непостижим, но заблуждаться относительно природы Его существа - величайший из грехов против Его величия. Цель религиозной жизни - личное общение с Ним, интуитивное постижение и спонтанное принятие Его воли, блаженное видение Его совершенства. Но это блаженное состояние не может быть достигнуто простой самодисциплиной; молитвы, размышления, добрые дела изолированного и неинструктированного человека могут служить лишь для того, чтобы потворствовать состоянию непоправимого невежества. Путь к познанию Его лежит через веру; а вера означает беспрекословное принятие двойного откровения о Нем, которое Он дал в Писании и в традиции Церкви. Эти два откровения фактически сводятся к одному благодаря утверждению, что только Церковь компетентна

давать авторитетное изложение священных писаний. От Церкви зависит благополучие человека и всего мира. Без участия в ее таинствах человек был бы навечно отрезан от Бога; без ее молитв прилив сил зла уже не сдерживался бы повторяющимися актами чудесного вмешательства, а непреодолимо поднимался бы и затоплял человеческий род.

Общество, на которое возложены эти грандиозные обязанности, единственный орган Божественной воли и единственная гарантия спасения, должно, очевидно, превосходить все мирские силы. Было бы чудовищно, если бы ее учение было изменено, если бы ее полномочия по самоуправлению были ограничены в угоду амбициям или так называемому здравому смыслу светского правителя. Церковь находится в отношении к государству как глава к членам, как душа к телу, как солнце к луне. Государство существует для того, чтобы обеспечивать материальные основы христианского общества, защищать Церковь, расширять ее сферу и сдерживать тех, кто восстает против ее закона. В каком-то смысле государство предписано Богом, но только в том смысле, что оно является необходимым условием для существования христианского содружества. По логике вещей, государство должно быть слугой Церкви, действуя с делегированными полномочиями под ее руководством.

Но теории, какими бы логичными они ни были, должны согласовываться с фактами или исчезать в неизвестности химер. Власть Гильдебрандинской церкви была подвержена серьезным ограничениям. По некоторым важным вопросам национальные иерархии были склонны вставать на сторону государства против папы; так, например, притязания курии на налогообложение духовенства и на отмену прав церковных покровителей были в то или иное время ограничены конкордатами или светским законодательством, таким как английские статуты *Provisors* и *Praemunire*. Там, где весь клерикальный орден представлял собой сплошной фронт, иногда удавалось добиться удовлетворения требований, против которых можно было многое возразить, руководствуясь здравым смыслом; как, например, выгоды духовенства - исключительная юрисдикция Церкви над преступными епископами, - которая осуществлялась даже против такого могущественного и проницательного государя, как Генрих II Английский. Но, в конечном счете, успех притязаний Церкви зависел от общественного мнения, которое было трудно сдвинуть с места. Не потому, что средний мирянин был настроен критически или антиклерикально, а потому, что он был нелогичен и лишен воображения, он оставался холоден к любой программе реформ, которая могла быть оправдана только длинными дедуктивными рассуждениями; его естественный импульс был против насильственных нововведений, и он скорее чувствовал, чем утверждал, что государство, как высшая гарантия социального порядка, должно быть сохранено даже ценой некоторой теологической последовательности. Пока его не убедили в том, что на карту поставлены высокие нравственные вопросы и его собственное спасение, было бесполезно или опасно отлучать своего короля от церкви и налагать интердикт на свою страну. Из-за отсутствия поддержки со стороны мирян Церковь не смогла реализовать такие важные требования, как иммунитет от национального налогообложения и юрисдикция в делах, связанных с коммерческими договорами. Еще более поразительно то, что ей не удалось учредить инквизицию в тех государствах, где этот трибунал не испытывал бы недостатка в работе.

И все же, несмотря на раскол среди духовенства и консерватизм мирян, "свобода Церкви" была идеалом, который вызывал всеобщее почтение; и самому упорному противнику церковных привилегий необходимо было дать понять, что его политика не подразумевает реального посягательства на эту свободу. В противном случае поражение было неминуемо. Трижды за двести лет клич о свободе поднимался против Священной Римской империи; и

три затяжных конфликта закончились поражением самых решительных и находчивых государственных деятелей, когда-либо занимавших этот пост, - Генриха IV (1056-1105), Генриха V (1106-1125), Фридриха Барбароссы (1152-1190) и Фридриха II (1212-1250). В первом из этих великих конфликтов речь шла о реформации национального духовенства и его освобождении от светской власти. Генрих IV поплатился за свое отстаивание прерогатив и обычаев как позорной, хотя и иллюзорной капитуляцией в Каноссе (1077), так и беспримерными унижениями своих последних дней, когда он был вынужден, будучи пленником собственного сына, не только отречься от престола, но и подписать признание в позорных преступлениях против религии и морали. Генрих V, возрождая планы отца, которого он предал и заманил в ловушку, был вынужден в силу крайней усталости заключить Червонный конкордат (1122) - отказ, который закончился для империи не полным поражением, поскольку имперские уступки были истолкованы скорее с учетом буквы, чем духа. Во второй борьбе непосредственным вопросом была свобода папских выборов и окончательный вопрос о том, кто должен определять политику церкви - папа или император; и Фридрих Барбаросса был вынужден после семнадцатилетнего раскола отказаться от претензий, относящихся ко времени Карла Великого, и заключить мир с Александром III, которого он поклялся никогда не признавать (Ананьинский договор, 1176). Генрих VI, сын Барбароссы, присоединив Сицилийское королевство к империи через брак с Констанцией, наследницей нормандского престола, посеял семена нового конфликта и завещал Фридриху II гибельный идеал Италии, объединенной под властью деспотии Гогенштауфенов. Церковная свобода теперь стала эвфемизмом для сохранения мирской власти и для проекта федеративной Италии, подчиняющейся папскому сюзерену. Фридрих II, который был ближе к успеху в более масштабной политике, чем любой из его предшественников, был измотан постоянным чередованием успехов с поражениями и оставил своих сыновей и внука пожирать горькую жатву неудач, которые он едва осознал.

Моральная проблема уменьшалась с каждым последующим этапом этой титанической дуэли между титулярными представителями государства и церкви, и от первого до последнего папство в значительной степени зависело от союзников, которые преследовали свои собственные цели от имени церкви. Немецкие князья, норманны Нижней Италии и Сицилии, ломбардские коммуны - все они в той или иной степени способствовали поражению Генрихов и Фредериков. Немецкие князья поставили Генриха IV на колени в два критических момента его правления; большинство из них упорно держалось в стороне от итальянских войн Барбароссы; а Фредерик II, пытавшийся купить их нейтралитет экстравагантными уступками, оказался лицом к лицу с немецкими мятежниками и претендентами к концу своей карьеры (1246-1250), когда ситуация в Италии, казалось бы, должна была измениться в его пользу. Норманны не раз вмешивались в Войну Инвеститур, чтобы укрыть беглого Папу или спасти Рим от немецких войск; лангобарды, как мы расскажем в другом месте, были главным барьером между Римом и Фридрихом Барбароссой, между Фридрихом II и Германией. Карл Анжуйский был последним и самым эффективным защитником папского дела; он вошел в историю как предтеча бессовестного и бесстыдного государственного деятеля эпохи Возрождения. И все же, если признать полезность этих союзов, остается вопрос, почему радикальные коммуны, мятежные феодалы и искатели приключений в поисках королевств сочли за благо поступить на службу Церкви и терпеть ограничения, которые неизбежно влекла за собой такая служба. Истинная сила Церкви заключалась в ее моральном влиянии. Лишь немногие, даже среди духовенства, посвятили себя душой и сердцем идеалу общества, который она установила. И все же ее идеал владел полем; он мог подвергаться негативной и скептической критике со стороны отдельного философа, еретической секты или ортодоксального мирянина, страдающего от высокомерия священника; но когда силы Церкви были мобилизованы, равнодушное большинство оставалось в стороне и пожимало

плечами. Путь Рима, возможно, не был путем Христа; но если апостол неверно истолковал уроки Писания и Предания, то у кого можно было научиться лучшему правилу жизни? Заблуждающаяся Церковь была лучше, чем отсутствие Церкви вообще. В XIII веке, когда папские поборы стали предметом жалоб во всех европейских государствах, Фридрих II выступил в качестве защитника общих интересов и обратился от папы к общественному мнению. Сегодня настал его черед, сказал он с совершенной правдой; черед королей и принцев наступит, когда император будет свергнут. Его красноречие произвело некоторое впечатление; но его собратья-государи не могли или не хотели помешать папе обложить налогом свое духовенство и завербовать своих подданных для Священной войны против светского вождя христианства, глава и фронт оскорблений которого состоял в том, что он противопоставлял интересы государства так называемым правам церкви.

Не случайно расцвет притязаний священнослужителей совпал с золотым веком религиозных орденов; политика Гильдебрандина сформировалась, когда движение клунийцев перехлестнуло границы Франции во все прилегающие страны; Александр III был младшим современником святого Бернарда, а смертельная схватка между империей и папством последовала за основанием братств мендикантов святыми Франциском и Домиником. Монахи и монахини были ополчением Церкви. Не то чтобы средневековые ордена посвятили себя политической пропаганде с таким рвением и системой, как иезуиты в XVI веке. Услуги, которые оказывали воинственному папству клунийцы и цистерцианцы, доминиканцы и францисканцы, были более бесплотными и косвенными. Время от времени, правда, на них возлагались важные миссии - сбор денег, проповедь крестового похода, влияние на монархов, обращение или преследование еретиков; святой Бернар, основатель Клерво и воплощение монашеского духа, в течение двадцати лет (1133-1153) был оракулом, к которому папа за папой прибегал за указаниями. Но даже во времена святого Бернара, даже когда правящий Папа был его выдвигенцем или учеником, существовало определенное расхождение между теориями, которые он отстаивал, и фактической политикой курии. Например, вопреки его здравому смыслу, он организовал Второй крестовый поход, не подчинившись прямому указанию папы Евгения III; с другой стороны, папство сохраняло по отношению к пионерам схоластики отношение, которое он считал излишне снисходительным. Рим был более широким, чем Клерво, более живым к реалиям, более сведущим в государственном управлении и дипломатии; в то время как Клерво развивал более благородную концепцию духовной жизни и был более последователен в удержании Церкви от светских пут. Качества, которые сделали монаха бесценным лидером общественного мнения, также сделали его неисчислимым и неразрешимым фактором в политических комбинациях. Он был наиболее полезен как миссионер и воплощение церковной идеи, которая, возможно, неосознанно, но от этого не менее решительно, атаковала основы светского государства. Основатели великих орденов, независимо от того, находили ли они свое вдохновение (как святой Бернард) в Правиле Бенедикта или стремились (как святой Франциск) буквально следовать поручению, возложенному Христом на двенадцать апостолов, возвращались к прошлому, в котором государство и кесарь были для христианина ничем иным, как "власть предержажими". Монашеский орден, задуманный как образец христианского общества, представлял собой добровольную ассоциацию, управляемую общей совестью, выраженной в воле представительных глав и избранного настоятеля. Абсолютное послушание монаха или монахини было самообязательным, следствием обета, который принимал только тот, кто чувствовал внутренний зов и проверял его в суровом испытании. В силу своего самоотречения он становился мертвым для мира, гражданином Царства Небесного на земле. От него нельзя было законно требовать никаких мирских обязанностей; он перешел из юрисдикции государства в юрисдикцию Бога. Религиозные ордена требовали права быть свободными от всякого подчинения, кроме

церковного, представленного папой. Хотя они отнюдь не считали государство излишним изобретением - они рассматривали его как Божественный инструмент для обуздания незаконных страстей мирян, - они требовали, чтобы все остальные служители Божьи, от архиепископа до самого скромного орденового клерика, пользовались таким же освобождением, как и они сами, при условии принятия того же тройного обязательства - бедности, послушания, целомудрия. Поэтому именно в религиозных орденах основные движения за реформирование средневекового духовенства находили своих самых горячих сторонников; та же школа давала теоретическую основу для каждого нового требования привилегий. Ордена были совестью Церкви, пока они сохраняли дух своих основателей. Но они также были ответственны за безумные логические притязания, характерные для политики Церкви в XIII и XIV веках; и не зря Уиклифф, величайший средневековый критик сакральной теории, нападал на ордена меникитов как на образец всего худшего в иерархии своего века.

Естественно, что монашеский дух часто рассматривался как абсолютная противоположность светскому государственному управлению, которому он так яростно противостоял. Но на самом деле они возникли из одного и того же корня недовольства, вполне обоснованного, анархическими условиями раннего Средневековья. Религиозный реформатор, ошеломленный и озадаченный злодеяниями людей и явной несправедливостью судьбы, утверждал, что столь непоправимо плохой мир должен рассматриваться как испытание для веры верующего. Человек страдает в этой жизни, чтобы осознать высшую ценность жизни грядущей. Его окружало зло, чтобы он научился его ненавидеть. Его поместили в общество, чтобы он научился контролировать аморальные и неморальные инстинкты, которые общество приводит в действие. Политические реформаторы, по крайней мере в своих более бескорыстных настроениях, были воодушевлены той же верой во всеблагое Провидение, но делали из нее разные выводы. Бог, создавший человека как социальное существо, не мог предположить, что общество останется вечно несправедливым. Он, должно быть, хотел, чтобы оно приближалось, пусть и несовершенно, к той идее справедливости, которую Он открыл. Государство - это божественный институт, и поэтому человек должен делать все возможное для его реформирования. Светский правитель, как представитель справедливости, является Божиим управителем и даже в некотором смысле Его священником. Фредерик II, которого современники осуждали как отступника и богохульника, лишь в особенно дерзкой форме выразил традиции средневековой королевской власти, когда назвал себя или позволил своим льстецам называть его краеугольным камнем Церкви, наместником Бога, новым Мессией.

Точно так же еретики и рационалисты, чья критика была еще опаснее для Церкви, чем открытое насилие со стороны государства, имели больше общего со своими противниками, чем можно предположить по продолжительности и характеру споров, которые они вызывали. На фоне средневековой истории, развиваясь *параллельно* с враждой папства и империи, шла война, аргументированная и гонимая, против свободной мысли, в которой религиозные ордена выступали как защитники ортодоксии. Беренгар Турский, оспаривший доктрину транссубстанции и тем самым поставивший под угрозу основу сакральной теории, жил в эпоху, когда возрожденное папство вооружалось для войны с секуляризмом; именно сам Гильдебранд вынес окончательный приговор первому из ересиархов. В эпоху Генриха V и Вормского конкордата в Лангедоке и Фландрии поднимается средневековое пуританство. Между Вормским конкордатом и расколом Фридриха Барбароссы лежит эпоха

Абеяра - метафизического вольнодумца, сделавшего философию предметом разговоров на улицах и рынках, - и Арнольда Брешианского, требовавшего свести Церковь к апостольской бедности. К юности Фридриха II относятся Альбигойский крестовый поход, тщетная кампания власти против Аверроэса и Аристотеля, охота за ересью добровольных инквизиторов в Италии и Германии. В то время как тот же император пытался сделать выводы с Иннокентием IV, папская инквизиция стала постоянной ветвью церковной исполнительной власти; а ордена мендикантов, поставлявшие инквизиторов, одновременно взяли на себя более трудную задачу - обратить университеты от культа Аристотеля к вере в христианскую схоластику, сформулированную Альбертом Магнусом и Аквиной. Оружие этого нескончаемого и многостороннего спора было столь же грубым, как и эпоха, которая его выковала: с одной стороны, грубая инвектива и непочтительный парадокс, с другой - скандальные обвинения, духовные порицания, меч, тюрьма и кол. Средневековое отношение к гетеродоксии было непоколебимым и бескомпромиссным. Оставаться скептиком, когда церковь определила это как грех колдовства или идолопоклонства. Существование бунтаря было оскорблением Всевышнего, угрозой спасению простых людей; он был больной конечностью политического тела, требующей резкой операции. И все же эти неконформисты не были неверующими. Вольнодумцы школ, за исключением нескольких неясных эксцентриков, желали лишь найти рациональную основу для общего вероучения или исключить из него некоторые статьи, которые, по моральным соображениям и на основании истории, они клеймили как просто интерполяции. Беренгара оскорбляло то, что он нападал на догму, которая оставалась открытым вопросом в течение последних двухсот лет; Абеяра - то, что он предлагал свои собственные теории по некоторым пунктам, в отношении которых ортодоксальная традиция была немой или непоследовательной. Что касается сектантов, то их проступок обычно заключался в преувеличении одной или другой из трех доктрин, которые Церковь признавала в более умеренной форме. Либо, подобно лионским беднякам, они желали, чтобы Церковь вернулась к первобытной простоте; либо, подобно альбигойцам, они упирали на паулинскую антитезу между духом и плотью, доводили до крайности монашеское презрение к земным узам и возвышали христианского дьявола до ранга злого божества, верховного в материальной вселенной. Или, наконец, вместе с Иоахимом из Кораццо и Фратичелли они развивали кардинальную идею более ортодоксальных мистиков, веру во внутренний свет, и учили, что буква убивает, а дух дает жизнь. Короче говоря, все они были виновны не в том, что отреклись от христианства, а в том, что истолковали христианское учение в запрещенном авторитетом смысле. Под всеми разногласиями скрывалось единство, за спорами - согласие. Нет более горькой вражды, нет более несправедливых обвинений, чем те, в которых люди смотрят на одну и ту же веру с разных сторон.

Справедливости ради следует напомнить, что официальная Церковь, независимо от того, приходилось ли ей иметь дело с королями или еретиками, в силу особого характера своей власти вынуждена была действовать через инструменты, которые она была бессильна держать в руках и на которые она возлагала свое доверие с искушением отчаяния. Невозможно найти большего контраста, чем контраст между программой Гильдебрандина и мерами, с помощью которых она была неполноценно реализована. Для принуждения духовенства к безбрачию толпам Милана и южногерманских городов было поручено избивать женатых священников. Чтобы покончить с симонией, немецких князей поощряли к политике провинциального сепаратизма, на лживых обвинениях ставили крест, а сына подговаривали предать своего отца. Чтобы остановить поток альбигойской ереси, Иннокентий III обрушил на блестящую цивилизацию Лангедока жестокий и жадный феодализм Севера. Иногда ошибка осознавалась уже после ее совершения. Но никакой опыт не мог излечить официальную церковь от заблуждения, что каждому добровольцу

следует доверять самые чистые побуждения, пока не будет доказано обратное. Такое же незнание человеческой природы характерно и для ее методов административной рутины. Даже если ради аргументации признать истинность принципов, которые якобы оправдывают папскую инквизицию, цензуру епископских судов или апелляционную юрисдикцию курии, факт остается фактом: эти учреждения были так организованы и так управлялись, что можно было ожидать самых вопиющих злоупотреблений. Система, которая, будь она укомплектована святыми, была бы едва терпимой, стала незаконной, когда ее передали в ведение мелких чиновников, плохо оплачиваемых, плохо контролируемых и плохо отобранных. В значительной степени преступления и безрассудства средневековой церкви были преступлениями и безрассудствами сложной бюрократии в получивилизованном государстве. Такая система терпит крах из-за своей амбициозности; у ее основателей нет ни технического опыта, необходимого для удовлетворительной организации деталей, ни подчиненных, которые могли бы исправить недостатки машины эффективностью и честностью, с которой они ее обслуживают; И все же, поскольку цель грандиозна, поскольку сторонники этой схемы заявляют о своей готовности и способности возродить государство и человеческую природу, их провозглашают пророками нового порядка; им разрешается доказывать превосходство своих мотивов в оправдание всех и всяческих средств; и в итоге они порождают новое зло, не уменьшая в значительной степени старое.

Но если Церковь как схема управления была сомнительным благословением для тех, кто отдавал ей свою верность, то Церковь как дом духовной жизни была наделена величием и очарованием, которые были и остаются очевидными даже для зрителей, стоящих на внешней границе ее владений. Мы можем сравнить религию Средневековья с альпийским хребтом, на нижних склонах которого исследователь запутывается в трясине и подлеске бездорожных зарослей, угнетаемый неподвижной и удушливой атмосферой, закрытый от любого вида на небо над головой или приятные равнины внизу. Поднимаясь по этой укрытой и безвестной пустыне, он приходит к свободным и продуваемым ветрами пастбищам, к белому одиночеству девственных снежных полей, к задумчивым полям и парящим вершинам, окутанным то светом, то тьмой тайны, которую он не в состоянии определить, равно как и противостоять ей. Далеко под ним, необозримо огромные и в то же время бесконечно малые, простираются перспективы нижних уровней, которые, прекрасные или убогие, слишком далеки, чтобы казаться частью нового мира, в котором он оказался, и поражают его чувства только как фольга и фон для более суровых оттенков, более величественных линий и контуров заснеженных горных хребтов. На таких высотах нравственной экзальтации средневековые мистики строили свои скинии и пели *бенедикты*, призывая всю природу засвидетельствовать вместе с ними, что Бог на небесах совсем рядом, и все хорошо во вселенной, которая существует только для того, чтобы исполнять Его слово. Это был благородный оптимизм; и те, кто принял его, - самые настоящие поэты Средневековья, не менее поэты, потому что они выражали свои высокие фантазии в жизни, а не в языке. Философами они не были и не стремились быть; темперамент, который наиболее остро ощущает тайну вещей, не тот, который докапывается до того, как и почему; но мир их грез, по крайней мере, превосходил наш тем, что был основан на постоянно присутствующем и всепоглощающем благоговении перед истиной, скрытой за завесой. Видение горных вершин, каким бы заоблачным оно ни было, стоило трудов восхождения; и не зря вульгарные люди с покорностью склонялись перед формами, церемониями и правилами внешнего поведения, предписанными видимой Церковью; ведь они верили, что так смогут найти путь, в этой или другой жизни, к тому высшему правилу служения, образцом которого служили лучшие герои их опыта и которое, как говорило Писание и свидетельствовали святые, было совершенной жизнью и свободой. Неудивительно, что они были склонны идти еще дальше; ставить свои земные судьбы и будущее общества на карту

по велению тех избранных, которые время от времени спускались к ним, подобно Моисею с горы, с преображенными лицами и вестью о новом откровении. И если результат иногда оказывался плачевным или жалким, это компенсировалось выгодой; фактическое процветание не так уж и предпочтительнее, чем вербовка в безнадежную надежду идеализма. Если бы средневековое общество было более последовательно светским и скептическим, оно могло бы быть более процветающим, более стабильным, стать питомником более уравновешенных натур и театром более упорядоченных карьер. Но и этические и политические концепции той эпохи были бы менее полезны. В средневековом взгляде на жизнь нас привлекает, во-первых, представление о человечестве как о братстве, преодолевающем расовые и политические разногласия, объединенном общим поиском истины, наполненным духом взаимной благотворительности и взаимопомощи и наделенном более высокой волей и мудростью, чем у отдельных людей, входящих в него; во-вторых, глубокая вера в превосходство права над силой, духа над материей, вечных интересов человечества над амбициями и страстями сиюминутного времени. Без христианства эти статьи веры едва ли могли бы стать общим достоянием людей; а без Церкви в последней степени маловероятно, чтобы христианство пережило ту эпоху полуварварства, в которую были заложены основы современного мира.

VII

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ГОСУДАРСТВО

Между 1100 и 1500 годами нашей эры государственное устройство Европы претерпело изменения, в сумме равные революции. Но изменения, которые продолжались, затрагивали ли они политические границы или конституции, происходили медленно. Ни на одном этапе развития не было всеобщего катаклизма, подобного тому, что последовал за распадом Франкской империи и должен был последовать за приходом Наполеона. Новые идеи созревали в средневековом сознании медленно; к двенадцатому веку силы, способствующие социальной стабильности, росли, пока не уравновесили силы разрушения; и только в эпоху Возрождения равновесие было вновь нарушено. В это время корыстные интересы собственности и привилегий, религиозной и светской власти представляли твердый фронт для анархистов и радикалов. Жакерия во Франции и последователи Уота Тайлера в Англии, альбигойцы в Лангедоке и гуситы в Богемии были подавлены армиями консерваторов, спонтанно объединившихся для защиты установленного порядка; пока этот дух преобладал среди правящих классов, почти не было опасений, что революция любого рода будет совершена внезапным ударом. Как во внутренней политике, так и в международных отношениях эти прочно укоренившиеся государства были привычно инертны, сильны в обороне, но нерешительны и вялы в нападении. Эпоха не породила завоевателя, который пронесся бы по Европе как вихрь, потому что орудия завоевания в больших масштабах были либо уничтожены, либо еще не появились. Народы Европы вышли из кочевой стадии культуры и еще не были организованы в многочисленные вооруженные лагеря. Феодальное войско было трудно мобилизовать, еще труднее удержать в поле, и в лучшем случае оно было неуправляемым оружием; постоянная армия наемных солдат потребовала бы более тяжелого и регулярного налогообложения, чем осмеливался требовать любой правитель, или любой народ мог позволить себе платить. Поэтому войны Средневековья, за редким исключением, несут на себе печать бесполезности и мелочности. Амбициозные предприятия были обречены на провал, а державы, очевидно уничтоженные вторгшимся войском, восстанавливали силы, как только оно исчезало. Короче говоря, и на европейской, и на национальной сцене средневековая политика означала вечное повторение одних и тех же проблем и споров, вечное повторение одних и тех же паллиативов

и одних и тех же планов кампании. Правда, политическая наука достигла большего прогресса, чем военное искусство. Но существенные реформы институтов были проведены лишь в нескольких исключительных сообществах - в Сицилии при норманнах и Фредерике II, в Англии при Генрихе II и Эдуарде I, во Франции при Филиппе Августе и его преемниках. Даже в этих случаях прогресс обычно заключается в разработке некоторых примитивных методов, в развитии некоторых принятых принципов до логического завершения. Более дерзкие новаторы, такие как Монфор, Артевельде, Фредерик II, были поставлены в тупик и свергнуты, как только вышли за рамки общепринятых представлений. Поэтому для нашей цели будет достаточно в самых общих чертах описать основные события международной политики и главные достижения в теории управления, которыми ознаменовалось Средневековье.

Обширные дипломатические комбинации, хотя они постоянно планировались, редко появлялись на свет и очень редко приводили к каким-либо заметным результатам. Существование общих интересов признавалось; ни одна держава не смотрела равнодушно на движение, угрожавшее существованию папства, представлявшего религиозное единство, или крестоносных княжеств, составлявших внешний оплот западного христианства; принцип баланса сил, хотя еще не оформился в догму, был настолько понятен, что неумеренный рост какой-либо одной державы вызывал тревогу у остальных, даже если им не грозила неминуемая опасность поглощения. Поэтому всякий раз, когда империя брала верх над церковью, когда на горизонте появлялась новая орда азиатов, когда казалось, что Франция вот-вот станет провинцией Англии, а Италия - провинцией Франции, публицисты били тревогу, и между монархиями происходил всеобщий обмен мнениями; договоры громоздились на договоры, союзы парировали союзами, так усердно, как никогда в новейшей истории. Но народы редко приходили в движение, а агитация правящих классов выливалась в слова. Исключительным является случай, когда два великих государства объединяются для унижения третьего, как Англия и Империя объединились против Филиппа Августа Французского. Немногие средневековые сражения имели столь далеко идущие последствия, как Бувинь (1214), которому Англия обязана своей Магна Картой, Германия - пышной и бурной осенью династии Гогенштауфенов, Франция - объединением давно разделенных провинций под властью абсолютистской монархии.

В обычное время в средневековой Европе существовали две группы государств с отдельными интересами и типами государственного устройства. Они были отделены друг от друга широким поясом спорной территории, простиравшейся от Голландии до побережья Прованса - северных земель Среднего королевства Каролингов.

На западе располагались монархии Пиренейского полуострова - Франция, Англия и Шотландия; их связывал интерес к торговле на Атлантическом побережье, общая цивилизация, лучшие элементы которой были французского происхождения, но больше всего их занимали политические вопросы, возникавшие в связи с претензиями Англии на добрую половину территории Франции. Соперничество этих двух великих держав, в зачаточном виде восходящее к норманнскому завоеванию Англии, обострилось, когда Генрих II, наследник по материнской линии Англии и Нормандии, а по отцовской - Анжу и Турени, женился на Элеоноре, герцогине Аквитанской и разведенной жене Людовика VII (1152). Переходя от одной стадии к другой, она попеременно делала и не делала судьбы то одной, то другой нации в течение четырехсот лет, пока Карл VII Французский не довел свои завоевательные войны до триумфального завершения, разгромив в Гиени последние остатки английского гарнизона и партии, которая держалась за английское подданство (1453). В промежутке между этими событиями происходили резкие перепады неудач и успехов: изгнание англичан Филиппом Августом из Нормандии, Мэна, Анжу, Турени и Пуату; взятие

Кале и возвращение Аквитании Эдуардом III и Черным принцем; почти полное разрушение их дела Карлом V и Бертраном Дюгесклином; объединение французской и английской корон (1420), ставшее результатом побед Генриха V и убийственной вражды бургундской и арманьякской фракций; явление Жанны д'Арк как пророчицы французского национализма и возрождение французской монархии новой расой ученых государственных деятелей. Весь Запад был потрясен этой светской дуэлью. Для Шотландии она означала независимость, для Наварры - потерю независимости; в Кастилии она возвела на трон новую династию Трастамаре; для Арагона результатом стало появление нового соперника в средиземноморской торговле, крушение надежд, которые были сосредоточены вокруг Прованса и Лангедока, и крушение других, которые были связаны с Италией. С каждым очередным триумфом французского оружия над английским влияние Франции проникало все дальше на юг и восток; а благодаря бракам или военным успехам принцев французской королевской крови к сфере западных государств присоединялись новые территории. При Людовике Святом графства Тулуза и Прованс стали французскими уделами; его брат, Карл Анжуйский, присоединил к Провансу бесхозное Неаполитанское королевство; а Сицилия вырвалась из-под власти Анжуйцев только благодаря подчинению Арагонскому дому. После побед Карла V бургундские герцоги Валуа, опираясь на влияние то Франции, то Англии, набросали очертания нового Срединного королевства, простиравшегося от Юры до Зюйдер-Зее и состоявшего в основном из земель, которые до сих пор были присоединены к империи.

[Иллюстрация: Франция].

Восточная группа государств значительно отличается по своему характеру. Она включает в себя большее число государств, даже если опустить из рассмотрения великие германские княжества, которые к концу Средневековья были уже не суверенными державами; она менее однородна по культуре. Империя образует центр группы, а вокруг нее, как спутники, группируются второстепенные государства: на западе - Савойя и Прованс; к югу от Альп - Венеция, папские государства и Сицилийское королевство, последнее из которых было независимым до 1194 года, а с этого момента до 1268 года находилось в частной собственности Гогенштауфенов; на востоке - королевства Венгрия и Богемия, Польша и русские княжества; на севере - три скандинавские державы. Как ни велика эта группа, в нее входит только одно государство первого ранга; ведь Нормандское королевство, хотя и было шедевром конструктивного государственного искусства, играло в европейской политике скорее второстепенную и вспомогательную роль, чем главную, и им бы скорее восхищались, чем боялись, если бы не случайности, которые сделали норманнский союз столь ценным для Святого престола. Когда Неаполь и Сицилия находились под властью германских императоров, империя возвышалась, как колосс, над скандинавскими, славянскими и мажарскими государствами. Но даже без этой поддержки империя могла бы продолжать доминировать над двумя третями Европы, если бы имперские ресурсы не были поглощены войнами в Италии и если бы императоры, пришедшие после междоусобиц, отдавали предпочтение национальным интересам перед интересами собственной семьи. На самом деле, однако, беда мезентийского союза между Италией и Германией сохранилась и после их разделения; как и в Западной, так и в Центральной Европе, ход политического развития во многом определялся упорными и губительными усилиями тевтонцев поглотить латинскую национальность. Но если нападения англичан на Францию привели к росту французского национального государства, то неудача Германии оставила Италию лишь наполовину освобожденной от иностранцев и более дезинтегрированной, чем она была в любой период прошлого. И если Англия в результате своего поражения на некоторое время отошла на второй план среди наций, то чисто немецкая империя XV века все еще оставалась ведущей державой к востоку от Рейна. Отчасти это было следствием бедствий, обрушившихся на

соседние государства, которые невозможно было ни предвидеть, ни предотвратить. Если Западная Европа в позднее Средневековье была защищена от нашествия чужеземных рас, то Восточная Европа ощутила на себе влияние последних миграционных потоков, исходивших из Центральной Азии и мусульманских земель. В тринадцатом веке передовые отряды Монгольской империи разрушили средневековое Польское королевство и поставили русских князей в зависимость от правителей Золотой Орды. В пятнадцатом продвижение турок вдоль Дуная довершило гибель мадьярского государства, и без того ослабленного междоусобицами аристократических группировок. Но, помимо этих благоприятных обстоятельств, ресурсы Германии были непреодолимы, когда их удавалось сконцентрировать. Дважды после Великого междоусобицы целостности империи угрожало Богемское королевство. В первый раз, когда Оттокар II распространил свою власть на немецкие земли между Богемией и Адриатикой, он был свергнут Рудольфом Габсбургским в битве при Маршфельде (1278); из вновь завоеванных земель было образовано новое княжество Габсбургов, чтобы охранять юго-восточную границу от будущих вторжений чехов или мадьяр. Во втором случае, когда гуситские войска несли свои опустошения и пропаганду во все соседние провинции империи (1424-1434), против Богемии предпринимались крестовый поход за крестовым походом, пока еретики, неизменно побеждавшие на поле боя, не изнемогали от напряжения своих усилий против превосходящего их числа, и все более умеренные духи признавали, что такие триумфы должны закончиться разорением и обезлюдением Богемии. То же самое происходило и на Балтике, где борьба с датскими амбициями была возложена на князей и вольные города. Вальдемар II (1202-1241), задумавший возродить скандинавскую империю великого Канута, завоевателя Англии, увидел, как его амбициозное сооружение рассыпается на куски еще в процессе создания; даже Кальмарская уния (1397), по которой короны Норвегии, Швеции и Дании перешли к одной династии, не смогла спасти богатый приз балтийской торговли от попадания в руки немцев. Германия, даже когда она плохо управлялась и становилась жертвой амбиций провинциальных династий, все равно была *великой и ужасной*, как убедился не один политический авантюрист. Энергия, ум и национальный дух великого народа исправляли все ошибки государственных деятелей и все недостатки институтов.

[Иллюстрация: Священная Римская империя при Фридрихе Барбароссе]

В конце XV века немцы с ужасом обнаружили, что, будучи нацией, они так и не стали государством. Они обнаружили, что центр политической власти сместился на запад, что судьбами Европы теперь управляют французы, англичане и испанцы. Эти народы усовершенствовали новую форму самодержавия, более энергичную, более рабочую по структуре, чем любая средневековая форма правления. Германия тем временем цеплялась за все худшее и слабое в старом порядке; ее монархия и связанные с ней институты были доведены до бессилия. Тот же процесс разложения происходил и во второстепенных государствах восточной группы. В Скандинавии, в Венгрии, в славянских землях дерево королевской власти было окутано и задушено порослью убудочного феодализма, территориальной властью аристократий, которые, прикрываясь административными титулами, превращали целые провинции в родовые поместья и утверждали за своими арендаторами божественное право неограниченного и безответственного суверенитета. Исследование всех причин политической отсталости этих восточных народов завело бы нас далеко в сторону. Но одна причина лежит на поверхности. За пределами вольных городов они не создали среднего класса; их города не были ни многочисленными, ни достаточно богатыми, чтобы играть важную роль в национальной политике. Они даже не были представлены в национальных ассамблеях. Вследствие этого государи этих государств были вынуждены управлять с помощью аристократических группировок, покупать признание

путем предоставления все больших и больших привилегий и ради власти лишая себя ресурсов, которые только и могли придать их власти хоть какое-то значение. Но хорошее правительство в Средневековье было лишь другим названием для общественно-духовной и сильной монархии. Такие монархии существовали в западных государствах; они опирались на плечи среднего класса мелких землевладельцев и богатых купцов, слишком слабых, чтобы защитить себя в естественном состоянии, в войне всех против всех, но достаточно сильных, чтобы одолеть силы анархии.

Может показаться странным, что этот класс, который желал сильного правительства по чисто практическим и материальным причинам, должен был единодушно принять наследственную королевскую власть как единственную форму правления, практически осуществимую в большом сообществе. Даже там, где традиция оправдывала использование свободных выборов, наиболее управляемые государства предпочитали, чтобы верховная власть автоматически переходила от отца к сыну. Объяснение этому можно найти в мотивах, побудивших афинян при совершенно иных обстоятельствах выбирать своих магистратов по жребию. Главная опасность, которой следовало избегать любой ценой, заключалась в том, что спорная преемственность оставит без внимания повседневную работу правительства и откроет дверь для разрушительных партийных конфликтов. Если преемственность и стабильность правительства были обеспечены, все шло хорошо. Предполагалось, что работа правителя не требует исключительных способностей; он существовал для того, чтобы вершить правосудие, обеспечивать каждому человеку владение своим, применять закон без различия лиц. Для этих целей главным условием было высокое чувство долга. Мудрейшие главы общества были к услугам короля; он вряд ли мог ошибиться, если бы внимательно выслушал и беспристрастно взвесил советы, которые они могли предложить. Допуская, что он будет тем более эффективен, что обладает некоторыми практическими способностями, некоторым опытом в больших делах, разве не вероятно, что человек среднего ума, которого с юности готовили к королевскому посту, справится лучше, чем какой-нибудь гениальный авантюрист, который уделял больше внимания искусству завоевания места и популярности, чем работе, которая будет возложена на него, когда он достигнет цели своих амбиций? Если вспомнить, что наследственная королевская власть была санкционирована привычкой и обычаем, являлась наиболее понятным символом национального единства и обладала по праву всеми прерогативами, необходимыми для эффективного правления, то неудивительно, что даже те, кому доктрины народного суверенитета и общественного договора были хорошо знакомы, с радостью согласились на форму правления, которую современный мир считает неразумной и по сути шаткой.

Но монархия, какой бы энергичной, какой бы общественно активной она ни была, была бессильна, пока не опиралась на прочный фундамент организованной исполнительной власти, экспертной судебной системы и собрания, представительного по сути, если не по форме. Ни одному средневековому государству не везло так равномерно, как Германии, в поисках королей с исключительным характером и талантом. И все же Германия с начала и до конца Средневековья управлялась плохо. Это объяснялось не только тем, что германская монархия в принципе была выборной. Правда, германская корона часто покупалась непродуманными уступками; но еще большим источником слабости была неспособность императоров максимально использовать прерогативы, которые они сохраняли за собой и которые народ желал, чтобы они осуществляли. Имперское правосудие было медлительным и неэффективным, потому что имперский суд следовал за императором; потому что профессионал мог быть отменен феодальным элементом среди судей; потому что правила процедуры были неопределенными, а решения основывались не на научной юриспруденции, а на провинциальном обычае. Сейм империи был слаб как в плане

обсуждения, так и в качестве законодательного органа, поскольку города и мелкое дворянство не уважали постановления, при выработке которых с ними не советовались. Исполнительная власть неизбежно была неэффективной или непопулярной, поскольку на высшие должности претендовали по праву принцы, которые, если они были мирянами, были обязаны своим положением случайности рождения или, если они были церковниками, могли быть хорошими слугами государства, только став недостойными слугами церкви. Император, доверявший своим природным советникам, оказывался в невыгодном положении; если же он полагался на новых людей, отобранных исключительно по их преданности и квалификации, то навлекал на себя упреки в тирании или подчинении недостойным фаворитам. Зло, укоренившееся в немецкой конституции, существовало ранее во Франции и Англии. Их искоренение было целью конституционных изменений, разработанных Плантагенетами в Англии и поздними королями Капетингов во Франции. И по существу между работами этих двух династий существует сильное сходство. Но в Англии политика строительства была принята раньше, осуществлялась быстрее и привела к созданию более прочного здания, поскольку оно было основано на более широком фундаменте.

Первым этапом этой политики была организация управления теми частями каждого королевства, которые, не будучи поглощены привилегированными вотчинами, все еще подчинялись королевской юстиции и вносили свой вклад в королевский доход. Благодаря предусмотрительности Вильгельма Завоевателя таких вотчин в Англии было немного; только в двух палатинских графствах (Дареме и Чешире), на валлийской и северной границах, а также на землях нескольких прелатов король был навсегда отрезан от непосредственного общения с подданным населением. За этими исключениями территория Англии была разделена на графства и управлялась шерифами, которые были назначенцами короны и могли быть уволены по собственному желанию. Ширь также делилась на сотни, управляемые под руководством шерифа подчиненными ему чиновниками. Но за самые важные обязанности исполнительной власти отвечал только шериф: он собирал доходы, возглавлял ополчение, организовывал дозор и стражу, а также "гомон и плач", которые были средневековыми эквивалентами констебля; наконец, он председательствовал на сходах, на которых через определенные промежутки времени собирались фригольдеры, чтобы объявить правосудие и получить его. Периодически графства посещали судьи в Эйре (аналог франкских *missi*), которые рассматривали жалобы на шерифа, проверяли его администрацию, судили преступников и рассматривали те гражданские иски (особенно дела, связанные с владением земель), которые считались достаточно важными, чтобы их решение оставалось за ними. Эти разъездные комиссары отбирались из числа сотрудников королевского суда (*Curia Regis*) - трибунала, который в XIII веке был разделен на три суда общего права и получил постоянную резиденцию в Вестминстере. Суды графств и королевский суд были в равной степени связаны статутным правом, насколько оно распространялось; но в большей половине своей работы они не имели никаких руководств, кроме местного обычая, изложенного добрыми людьми из суда графств, и решений, записанных в списках королевского суда. Из последнего источника было выведено английское общее право, система прецедентов, которая, несмотря на любопытные тонкости и формальности, остается самым ярким памятником средневековой юриспруденции. В XIV веке и после него оно было дополнено Эквити (*Equity*), законом канцлерского суда, куда могли обращаться те истцы, чьи обиды не могли быть устранены в рамках общего права, но были признаны королем достойными особого возмещения в его качестве покровителя и защитника незащищенных. Наконец, с фискальной стороны работа шерифов и судей контролировалась Казначейством - контрольно-ревизионной палатой, куда шерифы отчитывались раз в полгода и где готовились статьи для выездных судей. Будучи изначально

филиалом *Curia Regis* и трибуналом, а также казначейством, Казначейство всегда оставалось в тесной связи с судебной системой, поскольку один из трех Судов общего права в первую очередь рассматривал иски, затрагивающие королевские доходы. Такова была английская схема управления, и *mutatis mutandis* она была воспроизведена во Франции. Здесь королевские владения, небольшие в XI и XII веках, были чрезвычайно увеличены за счет аннексий Филиппа Августа и последующих Капетингов, которые взяли под свой контроль большую часть анжуйского наследства, крупные фьефы Тулузы и Шампани, а также множество более мелких территорий. Чтобы обеспечить управление этими приобретениями, в течение XIII века была создана административная иерархия, состоящая из провостов, которые соответствуют бейлифам английских сотен, *баев* и *сенешалей*, похожих на английских шерифов, *энкомьендов*, которые ходят по демесне, проводя инспекции и заседания так же, как английские судьи в Эйре. Со времен Святого Людовика все эти должностные лица контролируются *Счетной палатой* и *Парламентом*, который является фискальным ведомством, а также верховным судом первой и апелляционной инстанции. Внутри *Парламента* различают суды общего права и *Палату требований*, которая рассматривает петиции по правилам справедливости.

Пороки обеих систем были одинаковы. Местные чиновники были слишком влиятельны в своих сферах; ни инспекторы, ни королевские суды не служили достаточной защитой от коррупции и злоупотреблений властью, которые были тем более частыми, что порочные приемы фермерства и продажи должностей стали устоявшейся практикой. В остальном английская система превосходила французскую, особенно в том, что для определенных целей использовала местных представителей в качестве дополнительной проверки слуг короны. Английский шир фактически и юридически представлял собой сообщество с истинно корпоративным характером (*communitas*) и обладал общественным собранием, которое было судом и местным парламентом в одном лице. Хотя рядовой сеньор не имел большого значения, второстепенные землевладельцы, объединенные узами местных чувств и личных отношений, проявляли живой интерес и принимали активное участие в делах суда шира, поддерживая местный обычай в отношении шерифов и судей, выступая в качестве присяжных заседателей, оценщиков налогов, мировых стражей и (с XIV века) мелких магистратов. Избираемые своими товарищами или назначаемые короной, эти чиновники были неоплачиваемыми и считали себя защитниками местной свободы от узурпации чиновников. Во Франции округ *байи*, а тем более подчиненного ему *прево*, был произвольным созданием, лишенным естественного единства или корпоративных чувств; поэтому здесь не было организованного сопротивления исполнительной власти и не было причин, по которым корона должна была бы пользоваться благосклонностью земельного дворянства. В низших классах системы Плантагенетов могущественный средний класс проходил политическое ученичество; при Капетах вся власть и ответственность ревностно сохранялись за профессиональным администратором. В Англии следующий шаг в конституционном развитии, добавление к национальному собранию Третьего сословия, был блестяще успешным, поскольку Палата общин была набрана в основном из семей, которые долгое время были активными партнерами в местном управлении. Во Франции Третье сословие, хотя и постоянно созывалось в XIV веке, оказалось политически бессильным.

И во Франции, и в Англии (после 1066 года) национальное собрание начиналось как феодальный совет, состоявший из прелатов и баронов, которые получали свои земли и достоинства непосредственно от короны. Но во Франции до XII века он созывался редко, собирал мало участников и вообще игнорировался крупными феодалами, являясь скорее конференцией партизан, чем парламентом. В Англии Великий совет нормандской династии, унаследовавший престиж и претензии англосаксонского Витенагемота, с самого начала

занимал более респектабельное положение. Даже Вильгельм I или Генрих II неукоснительно придерживались принципа советоваться со своими магнатами по вопросам законодательства или налогообложения; при сыновьях и внуке Генриха II притязания собрания были расширены и более настойчиво отстаивались. Трудности короны стали возможностью для церкви и баронства. Большой совет теперь претендовал на назначение и увольнение королевских министров, на отказ в денежной помощи и военной службе до устранения обид, на ограничение прерогатив и даже на лишение их полномочий, когда ими привычно злоупотребляли. Фактически английское дворянство этого периода, которому мешали индивидуальные стремления к территориальной власти, нашло в своем коллективном качестве, как члены оппозиции в Совете, новое поле для предпринимательства и самовозвеличивания. Во Франции такого парламентского движения не было, потому что отсутствовала фундаментальная предпосылка успеха; потому что было безнадежно апеллировать к общественному мнению, против успешной и почитаемой монархии, от имени собрания, которое никогда не пользовалось народным уважением. При таких обстоятельствах вполне естественно, что реформация национальных собраний в двух странах, за которую взялись Эдуард I и его современник Филипп ле Бель, привела к совершенно разным последствиям. Проблема, стоявшая перед двумя государями, была одна и та же - создать собрание, которое было бы признано компетентным в вопросах налогообложения нации. Решения, которые они приняли, были очень похожи: представители свободных городов были введены в Генеральные штаты, свободных городов и графств - в английский парламент; в каждом случае третье сословие было привито к феодальному совету. Но продукты этих двух экспериментов были разными по характеру и по судьбе. Генеральные штаты, практически новое создание, не знали, на какие полномочия претендовать и как их отстаивать. Они практически безрезультатно использовали власть кошелька; они дискредитировали себя в глазах нации, продемонстрировав слабость и нерешительность в первом большом кризисе, с которым им пришлось иметь дело, - в период анархии и заговоров, последовавших после пленения короля Иоанна в Пуатье (1356). В результате Генеральные штаты, время от времени созываемые для одобрения политики или регистрации указов монархии, так и остались декоративным элементом французской конституции. В Англии же общины смирились с положением помощников высших сословий в их спорах с короной, а новый парламент преследовал цели и тактику старого Большого совета со всеми преимуществами, которые давало исключительное право на введение налогов. Более двухсот лет он был народным собранием только по форме и по притязаниям. Самые активные члены нижней палаты были выходцами из низших слоев территориальной аристократии, а общинники были смелы в своих требованиях только тогда, когда могли атаковать прерогативу за щитом фракции, расквартированной в палате лордов. Но союз палат изменил характер английской политики. Прежде чем парламент просуществовал два столетия, он сверг пять королей и дал законный титул трем новым династиям; он указал потомкам линии, по которым абсолютизм может быть сражен и уничтожен без гражданской войны; он доказал, что представительный элемент в конституции может отменить и монархию, и аристократию, если у него хватит смелости довести принятые принципы до их логического завершения.

Даже в Англии средневековый парламент едва ли был законодательным органом в нашем понимании этого слова. Законодательство постоянного и общего характера было лишь эпизодической мерой. Новые законы обычно принимались в ответ на петиции сословий; но эти законы разрабатывались королем и юристами короны и часто принимали форму, которая отнюдь не выражала желания просителей. Самые важные изменения в законодательстве страны не происходили, а развивались благодаря накопленному эффекту судебных решений. Главной функцией парламентов после голосования по поставкам была критика и

жалобы; указание на недостатки политики, в разработке которой они не участвовали. За исключением того, что они стояли на страже индивидуальной свободы, нельзя сказать, что они сделали средневековое правительство более научным или эффективным. В пятнадцатом веке английские общины критиковали правительство династии Ланкастеров с максимальной свободой; но ставить правильный диагноз болезням политического тела оставалось за деспотами Йорков и Тюдоров. И англичане, и французы поступили мудро, когда на закате Средневековья возложили задачу национального восстановления на государей, которые игнорировали или обходили парламентские институты. Парламент был восхитителен как сдерживающий или уравнивающий фактор, как символ народного суверенитета, как школа политического интеллекта. Но ни один парламент, собранный в средневековом государстве, не был способен взять на себя инициативу в формировании политики или в реформировании государственных институтов.

VIII

РАСШИРЕНИЕ ЕВРОПЫ - КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Ни внутреннее развитие средневекового государства, ни международная политика средневековой Европы не могут быть объяснены без постоянного обращения к классовым различиям. Во-первых, существует резкая линия, разделяющая каждое государство по горизонтали и отделяющая привилегированных немногих от непривилегированных многих, правителей от управляемых. Под чертой находятся торговцы, ремесленники и земледельцы, над ней - помещики, чиновники и духовенство. Если промышленному сообществу, то тут, то там Милану или Генту, удастся отстоять политическую независимость, это явление рассматривается как аномальное и революционное; еще сильнее трясут головой, когда простые крестьяне, как швейцарцы, отказываются от того, что называется их естественным подданством. И такие случаи успешного восстания редки. Правда, в Англии, во Франции и в испанских королевствах есть привилегированные города, которые получают право представительства в национальных собраниях; но эта уступка власти кошелек строго ограничена; представителей бюргерства не приглашают для выражения мнения, пока не попросят о субсидиях или военной помощи. Правительство - дело короля и привилегированных классов. Но и внутри привилегированных классов есть разделение, вертикальная линия расщепления между различными классами светской и клерикальной аристократии. Прелат и барон, рыцарь и священник, достаточно гармоничные, когда речь идет о том, чтобы указать непривилегированным их место, соперничают за социальное влияние и политическую власть, придерживаются противоречивых теорий жизни. Экклезиаст, зачисленный в орден, который набирается из всех социальных слоев, не обращает внимания на светские звания и титулы; он требует старшинства над всеми мирянами; он считает, что дело церкви - повелевать, а князей - повиноваться. Мирянин-феодат, родившийся в наследственной касте воинов, считает войну высшим призванием для человека чести, нетерпим к высокомерию священников и в глубине души верит, что Церковь не должна вмешиваться в политику. Было бы ошибкой считать, что эти два привилегированных класса всегда враждуют друг с другом и со своими социальными низами. Но великие войны папы и императора, восстания французских и английских крестьян в XIV веке - это не события, которые происходят внезапно и неожиданно; каждая такая вспышка подобна извержению вулкана, симптому подземных сил, постоянно находящихся в конфликте. Состояние мира в средневековом обществе было состоянием напряжения; равновесие означало неустойчивый баланс централизирующих и центробежных сил. И это была одна из причин, по которой войны, абстрактно осуждаемые церковью, часто воспринимались благосклонно трезвомыслящими государственными деятелями и

идеалистами. Успешная война могла не только исцелить, но и смягчить вражду враждующих классов. Она давала выход беспокойной и анархической энергии феодализма; иногда она заканчивалась завоеваниями, которыми безземельные могли быть навечно одарены. Для купца она могла предложить новые рынки, для крестьянина - поле для эмиграции, для национального духовенства - новую сферу влияния. Еще лучше, если это вызовет общие чувства патриотизма или религии и создаст во всех классах сознание обязательств, превосходящих эгоистические интересы.

Такое государственное устройство может показаться нам грубым и варварским. Идея нации как системы классов и национального единства как условия, которое может быть реализовано только тогда, когда все классы объединятся для какой-то цели, не относящейся к повседневной жизни нации, чужда нашему мышлению. Мы считаем, что, ведя войну против классовых привилегий, мы придали государству менее разделенный и более органичный характер. Мы утверждаем, что государство существует для реализации имманентного идеала, который мы выражаем такой формулой, как "наибольшее благо наибольшего числа". Но мы еще так далеки от примирения фактов с теориями, что должны колебаться, прежде чем полностью осудить средневековое отношение к войне. Вместо классов у нас есть интересы, которые трудно объединить и которые часто открыто противоречат друг другу. Наши государственные деятели балансируют между одними интересами и другими и считают войну законной, когда она дает большие преимущества тем интересам, которые наиболее достойны примирения. Нам также пока не удалось дать рядовому гражданину настолько возвышенное представление о цели, ради которой существует государство, чтобы он мог думать о национальной политике как о чем-то отличном от национального эгоизма. Легче критиковать энтузиастов, призывавших средневековые народы взяться за "какое-нибудь благородное дело", далекое от повседневной рутины, чем открывать и проповедовать более благородное предприятие во имя менее провидческого идеала. Это помогает нам понять, хотя и не заставляет нас принять средневековую теорию, когда мы видим современных поэтов и проповедников, прославляющих войну как школу патриотизма или национального характера.

Завоевательные войны в Средние века случались реже, чем можно было бы ожидать, и обычно велись в небольших масштабах. Их сравнительная редкость в эпоху милитаризма должна объясняться как современной моралью, так и экономическими условиями. Для нападения на христианскую державу необходимо было найти справедливую причину. Общественное мнение, воспитанное церковью в духе отношения к западному христианству как к единому содружеству, требовало, чтобы даже в международных отношениях проявлялось некоторое уважение к обычным моральным нормам. Кроме того, средневековое государство, слабо связанное в единое целое и оцетинившееся отдельными крепостями, демонстрировало в поражении живучесть низших организмов, и не могло быть полностью уничтожено без затрат со стороны захватчика, на которые методы средневекового государственного финансирования были бессильны. Эдуарду I не удалось завоевать мелкое королевство Шотландию, а французские провинции, которые были уступлены Эдуарду III, вырвались из его рук через несколько лет. Выгодными были пограничные войны, которые велись против разобщенных племен Восточной Европы или упадочных мусульманских государств Средиземноморья. И такие войны были обычным явлением, иногда их предпринимали национальности, наиболее выгодно расположенные для этой цели, иногда - самоизгнанные эмигранты в поисках новой родины.

Благодаря учению Церкви значительная часть пограничных войн превращалась в крестовые походы с целью распространения веры, истребления неверующих или защиты святых мест.

Нередко религиозный мотив приносился уже после, придавая тонкую вуаль респектабельности операциям, которые в противном случае было бы трудно оправдать. В некоторых случаях, однако, те, кто записывался в солдаты Церкви, жертвовали своими материальными интересами ради блага, как они полагали, своих собственных душ и христианского содружества. В этом духе самоотверженности не было ничего принципиально христианского; он уже давно стал эпидемией в магометанском мире и объясняет наиболее успешные посягательства ислама на Европу и Восточную империю. Этот импульс воздействовал на западное христианство в течение относительно короткого периода времени, лишь раз или два вызвав движения, сопоставимые с теми, что исходили из Аравии, Малой Азии и Африки, и не приведя к завоеваниям, которые могли бы сравниться по масштабу с халифатами Багдада, Кордовы и Каира. Но христианский крестовый поход в одном смысле более примечателен, чем магометанская джихада. Западная Европа уже давно вышла из стадии кочевников, и даже правящие классы западного христианства, какими бы космополитами они нам ни казались, были привязаны к родной земле многими узами. Если на Западе потрясений было меньше, чем на Востоке, то материал, который предстояло привести в движение, был более упрямым и инертным, а призывы, которые должны были предстать перед глазами верующих, - более нетленными и сомнительными. Были и близкие начинания, для которых Церковь могла найти добровольцев без малейшего труда. Но те, которые она особенно стремилась осуществить, были далеки, опасны и утомительны; большинство людей, отправлявшихся в ее великие крестовые походы, не имели перспективы получить какую-либо временную выгоду. В итоге те предприятия, которым она давала свое особое одобрение, оказались наименее успешными. Границы западного христианства были окончательно расширены не в Восточном Средиземноморье, а в Испании, Нижней Италии и Центральной Европе. Для историка, однако, эти неудачи представляют интерес не меньший, чем более продуктивные предприятия.

Эпоха пограничных войн и пограничных колоний начинается задолго до появления настоящего крестоносного духа. В истории Германии движение экспансии началось с Генриха Фаулера; захватив Брандербург (928) и аннексировав языческие племена между Эльбой и Одером, он положил начало политике заселения и колонизации, которую немецкие маркграфы этих регионов медленно и методично проводили более двухсот лет. На более поздних этапах этой политике иногда помогали крестоносцы; с самого начала она привела к обращению многих людей в христианство и была подкреплена основанием пограничных визий и церквей, подчинявшихся немецким архиепископам Гамбурга и Магдебурга. Но люди, руководившие этой политикой, были сугубо светскими и корыстными. Величайшие из них, Генрих Лев, герцог Саксонии с 1142 по 1180 год, и Альберт Медведь, маркграф Бранденбурга с 1134 по 1170 год, сосредоточили свои силы на развитии и расширении своих княжеств, эксплуатировали славян, плели заговоры друг против друга и своих христианских соседей, пренебрегали национальными интересами и откровенно сделали Церковь инструментом своих амбиций. Однако в деле государственного строительства они проявили исключительную смекалку, заручившись союзниками в лице балтийских торговцев, крестьян Северной Германии и Низких стран. Под их властью и властью их наиболее успешных подражателей, тевтонских рыцарей в Пруссии, такие города, как Любек (основан в 1143 году) и Данцик (колонизирован в 1308 году), стали центрами немецкой торговли и культуры, а открытая местность в бассейнах Эльбы и Одера была покрыта новыми деревнями немецких переселенцев. Последствия этой колонизации вышли далеко за пределы непосредственно затронутых земель и средневековой истории. Новые колонии заложили основы современной Пруссии и современной Саксонии. Их существованию обязана связь Польши и Богемии с государственной системой средневековой Европы и последующее разделение славянских народов на западную и

восточную группы; экспансия Российской империи на запад была предотвращена и пресечена этими ранними первопроходцами германского и римского влияния. Не менее важным было продвижение немцев вдоль Дуная, от реки Инн до Вены и венгерской границы, которое в основном направляли сменявшие друг друга главы рода Бабенбергов (971-1246), сначала как маркграфы, а затем как герцоги Австрии. Власть Габсбургов, как и власть Гогенцоллернов, отчасти является наследством средневековых пограничников, которые вбили немецкий клин в сердце славянской территории.

История этих немецких колоний часто напоминает нам о том, как естественно подобные деловые предприятия стали рассматриваться как разновидность крестового похода. В 1147 году большому количеству немецких пилигримов, призванных во Второй крестовый поход, было позволено исполнить свои обеты, служа против славян в армиях Саксонии и Бранденбурга. Бабенбергские герцоги, устав от монотонной работы на Дунае, отправлялись на восток, чтобы завоевать Египет или Палестину, на запад, чтобы истребить альбигойцев в Лангедоке и неверных в Испании. А когда мы поворачиваемся от Германии к Испанскому полуострову, союз между религиозным пылом и коммерческой предприимчивостью становится еще более поразительным. Христианское завоевание Испании и Португалии началось за два или три поколения до Клермонского собора; но с самого начала продвижение на юг против правителей Кордовы предвещает эпоху крестовых походов. В Испании, как и в германских марках, первопроходцы христианства часто отличались грубостью и всегда сражались с оглядкой на главный шанс. Среди них такие отчаянные люди, как Кид Кампеадор (ум. 1099), который попеременно служит и предаёт то христианское, то мавританское дело, основывает княжество за счет обеих религий, но в конце концов становится героем и мучеником своей родной Кастилии, потому что ему посчастливилось умереть в ее верности. Многие *конкистадоры* с более солидным характером спокойно селились среди податного и необращенного мавританского населения, чьи нравы и пороки они перенимали. Но в Испании расовая антипатия мавров и христиан всегда усугублялась религиозным рвением. Несколько раз казалось, что испанское христианство находится под угрозой полного исчезновения. В X веке два великих правителя Кордовы, Абдеррахман III и Аль-Мансур, оттеснили кастильцев в северные горы и совершали набеги на самые глубины христианских территорий. Несколько позже дикие берберские орды Альморавидов и Альмохадов, пришедшие из Африки, чтобы захватить владения Оммеиадов и с большей энергией продолжить священную войну, вызвали новые страхи и спровоцировали в королевствах, которым угрожала опасность, фанатизм, равный их собственному. Испанские христиане обратились за помощью к своим северным соседям; армии добровольцев из Нормандии, Аквитании и Бургундии хлынули за Миренеи, чтобы нанести удар Крестом по Полумесяцу, а заодно получить богатые трофеи или основать колонию. Движение рано попало под покровительство Рима. Григорий VII предоставил переселенцам папские полномочия при условии, что они будут держать свои завоевания как вассалы Святого престола (1073). И с тех пор каждое новое предприятие против мавров официально признавалось как служение католической церкви.

Тем не менее, даже в Испании материальные амбиции брали верх. Все классы христианских королевств получали выгоду от отвоевания новой провинции у неверных. Дворяне получали новые вотчины; мещане стекались в города, освобожденные маврами, или поощрялись большими привилегиями на строительство новых городов; вокруг городов скапливались крестьянские общины, которые с радостью меняли бесплодную безопасность северных возвышенностей на риск и награды речных долин. Ни один король не был так популярен, как

тот, кто планировал и доводил до успешного завершения эти предприятия на общее благо. Один из таких правителей, Яков Великий Арагонский, оставил нам в своих мемуарах верный и поучительный рассказ о том, как он и его подданные использовали один из этих так называемых крестовых походов. В возрасте шести лет он получил в наследство разделенное королевство и тень королевской прерогативы. В четырнадцать лет он начал тяжелую борьбу за власть над своими мятежными баронами и городами, которая продолжалась пять лет и принесла ему больше заслуг, чем существенных успехов. Когда мятежники потребовали мира, он был вынужден предоставить его, не требуя компенсации; корона осталась такой же бедной после победы, как и до нее. Чуть позже он задумал напасть на мавров на Балеарских островах, чтобы "либо обратить их и обратить это королевство в веру Господа нашего, либо уничтожить". Он изложил свой план кортесам (1229); и в одно мгновение раздор сменился согласием, гражданское равнодушие - преданным энтузиазмом. Бароны заявили, что завоевание сарацинского королевства, расположенного на море, будет величайшим деянием, совершенным христианами за последние сто лет. Они окажут помощь, найдут контингенты, будут служить лично; всегда при понимании, что каждый должен разделить добычу пропорционально размеру своего контингента. Архиепископ Таррагоны, выступая от имени духовенства, сказал, что теперь, наконец, его глаза увидели спасение Господа. Он не может служить, он слишком стар для этого, но его люди и его деньги принадлежат королю для этого священного дела, и он с радостью даст разрешение любому епископу или аббату, который пойдет с королем, при условии, что крестоносцы-клирики будут участвовать в добыче на тех же условиях, что и миряне. С той же целью и с тем же условием выступали торговые города. Экспедиция имела блестящий успех. Майорка была уменьшена усилиями всей экспедиции; Минорка капитулировала без борьбы; а архиепископ Таррагоны, по специальному разрешению короля, отвоевал себе Ивицу. Но мавры не были ни истреблены, ни обращены в христианство. Жители Майорки стали арендаторами крестоносцев, между которыми был разделен этот остров. Жители Менорки платили ежегодную дань королю. На обоих островах им было гарантировано использование их родных обычаев и религии. Оценивая крестовый поход через много лет после его завершения, Джеймс выражает глубочайшее удовлетворение его результатами. С Минорки он получает не только оговоренную дань, но и все остальное, что пожелает потребовать. Что касается Майорки, то Господь так увеличил ее, что она приносит вдвое больше урожая, чем во времена мавританского владычества.

Теперь мы можем понять всю сложность мотивов, которыми руководствовались проповедники, генералы и солдаты крестовых походов; ведь эти предприятия - продолжение в большем масштабе завоевательных войн Германии, Испании и Нормандии.

Как и войны Испании, крестовые походы были вызваны опасениями магометанского наступления; сигналом к Первому крестовому походу послужили успехи турок-сельджуков под предводительством Алп-Арслана и Малик-шаха (1071-1092). Эти нецивилизованные и фанатичные узурпаторы Багдадского халифата за двадцать лет захватили всю Малую Азию и Сирию; они нанесли тяжелый удар Восточной империи на поле Манцикерт (1071) и основали в Малой Азии Румский султанат; они основали небольшие княжества в Сирии. Правители Константинополя посылали на Запад настоятельные призывы о помощи, а паломники, возвращавшиеся из Святых мест, громко жаловались на оскорбления и гонения, которыми завоеватели проявляли свою враждебность к христианской вере. Григорий VII сразу после своего избрания был вынужден задумать экспедицию для защиты Восточной империи, которую он справедливо считал оплотом Европы против ислама. Он обратился к европейским князьям с призывом о помощи и личном участии; он даже предложил сопровождать войска, несущие помощь. Но Григорий, хотя и не лишенный воображения, не

обладал способностью разжигать народный энтузиазм и вызвал недоверие, признавшись, что намерен использовать крестовый поход в первую очередь против норманнов Нижней Италии. Добровольцев нашлось немного, а его собственные силы были отвлечены в другое русло из-за начавшейся войны за инвестиру. Урбану II оставалось возродить проект Григория в другой, более популярной форме, в тот момент, когда Генрих IV казался избитым и сломленным человеком, а единство сельджукской державы было разрушено смертью Малик-шаха. В действительности опасность со стороны турок тогда осталась в прошлом; но даже если Урбан был правильно информирован об их слабости, не нужно было знать историю, чтобы предупредить его, что одно агрессивное движение ислама угасает только для того, чтобы смениться другим. Как и Григорий, он хотел укрепить Восточную империю; но его план был новым - основать латинское государство в Палестине для защиты Иерусалима и юго-восточного Средиземноморья. Как и Первый крестовый поход, так и Второй и Третий; каждый из них был ответом на новые победы магометанских князей. Второй крестовый поход (1147) был провозглашен в связи с падением Эдессы, северо-восточного форпоста Латинского королевства. Третий (1189) был призван вернуть Иерусалим и нанести ущерб султанату Египта, который при Саладине, казалось, был готов поглотить не только Сирию, но и Малую Азию и долину Евфрата. Сигнальный провал экспедиции, для которой были собраны армии императора, королей Франции и Англии, а также многих мелких князей, оставил власть Египта объектом почти суеверного благоговения. Пятый крестовый поход (1217) и Седьмой (1248) потратили свои лучшие силы на бесплодные и катастрофические походы в дельту Нила.

К такому взгляду на крестовые походы, как на дело высокой политической важности, искренне примыкали лучшие из мирян, возглавлявших христианские армии. Многими другими, не менее искренними, но руководствующимися скорее чувствами, чем разумом, двигало желание увидеть Святые места и закрепить их как общее достояние христианства. Но самые настойчивые и успешные из полководцев отправились на восток, как их сородичи отправились за Эльбу, Альпы или Пиренеи, чтобы отвоевать для себя новые княжества за счет Византии или Сарацинии, неважно. Естественно, князья-государи, принявшие Крест, в эту категорию не попадают. Для них поход мог быть либо приключением, либо нехотая исполненной епитимьей, либо попыткой добиться уважения подданных; но чаще всего это была сознательная жертва корысти и национальных интересов во имя высшего долга. Какими бы низменными ни были их побуждения, им не стоило бы отступать от задачи, возложенной на них европейским мнением. Даже Фредерик II, наименее христианский из крестоносцев, который выполнил свою клятву лишь в том, чтобы поставить в невыгодное положение Папу, выполнил свое обязательство до конца, прежде чем решился вернуться. Но крестовый поход, управляемый людьми более низкого ранга, как правило, превращался в акционерное общество вольных разбойников. За каждый крестовый поход до определенного момента отвечал Папа. Он издавал воззвания, он настраивал кафедры; он приглашал мирян к пожертвованиям и требовал их от национальных церквей; он обеспечивал исполнение всех крестоносных обетов церковными порицаниями. При выборе лидеров и на предварительных военных советах он имел право на консультацию. Один или несколько его легатов обычно сопровождали армии. Но если генералы предпочитали игнорировать его предложения и перечить его представителям, то после начала похода он оказывался бессилён. Обычно, правда, его взгляды обращались к рядовым солдатам, не подверженным соблазнам, которые преподносили им их командиры. Но рядовые солдаты могли покинуть своих хозяев только в том случае, если у них были средства оплатить расходы на дорогу домой. Часто они протестовали против того, как используется их оружие, но очень редко им удавалось добиться изменения политики.

[Иллюстрация: Крестоносцы].

Эти общие положения можно проиллюстрировать на примере Первого и Четвертого крестовых походов.

Годфрид Бульонский и его соратники, проходя через Константинополь (1097 г.), принесли императору Алексею дань за земли, которые они могли завоевать. Возможно, эта сделка не была добровольной; дань была платой за безопасное прохождение через греческие владения. Но последующие события доказали, что главные крестоносцы были полны решимости не держать свои завоевания в качестве вотчины Святого престола, за который они номинально сражались. По мере приближения к Святой земле становилось ясно, что спасение Гроба Господня для них - дело второстепенное. В Тарсе и Антиохии шли ожесточенные споры между претендентами на завоеванные территории. Балдуин отделился от основной армии, чтобы основать для себя сеньорию в Эдессе. Боэмунд остался в стороне, когда Антиохия была однажды отдана ему, опасаясь, что кто-то из соперников лишит его награды. Раймонд Тулузский отклонился в сторону, чтобы уменьшить Триполи, и с величайшим трудом был вынужден продолжить поход. Итогом войны, потери в которой исчислялись десятками тысяч человек, стало образование четырех государств - Иерусалима, Эдессы, Антиохии и Триполи. Расширить границы этих колоний и объединить их под сюзеренитетом Иерусалимской короны - вот чем занимались их правители в течение последующих восьмидесяти лет. Эти князья считались поборниками Креста; для помощи им в обороне своих территорий под санкцией Церкви были основаны военные ордена Храма и Госпиталя; помимо великих освободительных экспедиций, таких как 1101, 1147 и 1189 годы, ежегодно прибывали флоты воинов-пилигримов, чтобы принять участие в операциях года. Но мало что свидетельствует о том, что иерусалимские короли или их великие вассалы когда-либо оправдывали свое положение, проводя бескорыстную политику. То, что владения, которыми они управляли, были слабо колонизированы, не может быть упреком в их адрес; только для рыцарей и купцов Святая земля была привлекательна. Но неизбежная слабость франкских государств усугублялась их враждой и взаимным неверием.

Прошло более ста лет, прежде чем на Восток отправилась еще одна подобная экспедиция. Второй крестовый поход, вдохновленный святым Бернардом, выступавшим в качестве полуофициального представителя Святого престола, был плохо организован, плохо направлен и потерпел столь катастрофический провал, что за ним последовала ошутимая реакция против идеалистической политики, результатом которой он стал. Она показала Европе неэффективность сил, собранных из благочестивых побуждений, а не из соображений эффективности рекрутов, и обнажила расчетливый эгоизм латинских княжеств. Но главных руководителей, Людовика VII Французского и императора Конрада II, нельзя было обвинить в неискренности. Они совершали грубые ошибки, но были верны цели, с которой отправились в путь. Точно так же и в Третьем крестовом походе, хотя часть неудач можно напрямую отнести на счет национальной ревности различных контингентов и ссор Ричарда I с более важными из его коллег, восстановление Иерусалима от начала и до конца оставалось главной целью армии. Бывали случаи мелочности, ненужного вмешательства в убогие споры латинских поселенцев, готовности отступить под первым же благородным предлогом. Но не было склонности превращать паломничество в коммерческое предприятие. Так было и в 1203 году, когда воины Четвертого крестового похода отправились из Венеции, оставив позади себя папского легата и открыто пренебрегая предписаниями Иннокентия III, чье обращение к христианству номинально служило основанием для их предприятия.

С ними не плыли короли; с самого начала движение находилось в руках буйных феодалов, вдохновленных скорее рыцарством, чем религией. Их лидер, Бонифаций Монферратский, покровитель всех трубадуров и рыцарей-отступников Юга, был заклятым другом злейшего врага Папы, Филиппа Суабского, брата и преемника императора Генриха VI. Бонифаций был избран на пост командующего без санкции Папы и с самого начала был в союзе с Филиппом, чтобы повернуть крестовый поход против Константинополя. Этот план некоторое время скрывали от армии, в которой большинство простых солдат стремились вернуть Гроб Господень. Но вельможи, за которыми оставалось последнее слово, были готовы к любым авантюрам, которые мог предложить ход событий. Первоначально они надеялись завоевать Египет - бесконечно более заманчивую добычу, чем Палестина, где на главные плоды любого успеха претендовали бы остатки постоянного гарнизона. Чтобы получить корабли из Венеции, они от ее имени предприняли осаду Зары; их первым подвигом стало завоевание христианского города, единственным преступлением которого было то, что он оспаривал венецианское господство в Адриатике. В Заре посланники Филиппа предложили им напасть на Константинополь, свергнуть императора Алексея III и поставить на его место другого Алексея, сына свергнутого Исаака Ангела и шурина Филиппа. Это предложение получило горячую поддержку венецианцев, чьи огромные торговые интересы в греческой столице часто подвергались нападкам со стороны фанатичного городского населения. В руках венецианцев был ключ к разгадке ситуации, поскольку, если бы они отозвали свои транспорты, армия не смогла бы ни идти вперед, ни возвращаться в безопасности; а вельможи, не нуждавшиеся в уговорах, смогли убедить более серьезных паломников, что предложение Филиппа должно быть принято, хотя Алексей III был в дружеских отношениях с папой и ожидалось, что он поможет крестовому походу. Чтобы смягчить вопиющее вероломство, от претендента потребовали обещания, что, став императором, он поможет в завоевании Египта людьми, деньгами и провиантом.

17 июля 1203 года армия вошла в Константинополь после непродолжительной осады. Алексей III спасся бегством, и на его место был поставлен Алексей IV. Крестоносцы все еще оставались в городе, внешнее величие которого неудержимо влекло их воображение и жадность. По их словам, приближалась зима, а их кандидат был далеко не так надежен на троне; они будут ждать весны. До этого срока, несмотря на их лик, он пал перед восстанием националистов (январь 1204 года); и армия приветствовала возможность воссоединения греческой церкви с Римом и раздела греческой империи между собой. С непременными венецианцами было заключено соглашение об избрании латинского императора, наделенного одной четвертой частью провинций; добыча Константинополя и остальные земли империи должны были быть поделены поровну между венецианцами и остальными вождями. Во второй раз Константинополь был взят штурмом, пожар уничтожил большую часть города, а крестоносцы довершили опустошение трехдневным беспорядочным грабежом и резней. Не были пощажены ни сокровища церквей, ни бесценные памятники и статуи в общественных местах. Считалось, что общая сумма добычи равна всем богатствам Западной Европы, но при официальном разделе рыцари получили по двадцать марок за штуку; десять - доля священника и пять - пехотинца. Остальные статьи договора, которые для проформы были переданы папе, были исполнены, не дожидаясь его ответа. Венецианский кандидат, граф Балдуин Фландрский, был избран в состав империи и получил азиатские провинции. Бонифаций Монферратский получил в качестве солатиума королевство Фессалоники, охватывающее примерно современные провинции Фессалия и Македония; его последователям было позволено постепенно утвердиться в Центральной Греции и Морее. Венецианцам достались острова Ионического моря, Киклады, Эгина и Негропонт, провинции Албания, Акарнания и Этолия, город Адрианополис с прилегающими территориями и другие менее значимые владения.

Папа, вынужденный признать свершившиеся факты, потребовал лишь трех уступок: установить латинскую веру в качестве официальной религии империи, передать владения греческой церкви латинскому духовенству и продолжить паломничество крестоносцев по истечении года. Только первый из этих пунктов был уступлен. Крестовый поход Иннокентия III, как и Урбана II, завершился созданием целого ряда феодальных государств и торговых мануфактур. Но в 1204 году уже почти не было попыток оправдать содеянное во имя религии. Венецианцы с первого до последнего дня вели себя как торговые разбойники; переменчивые и легкомысленные амбиции, а не расчетливое злодейство, характеризовали их высокородных соратников. Очевидно, что это были единственные доступные материалы для крестового похода; крах крестоносной политики был уже близок.

Несколько романтических карьер освещают однообразно скудные анналы Латинской империи, которой изнутри угрожали междоусобицы соперничающих баронских домов, извне - болгары, греческие деспоты Эпира и греческие императоры Никеи. Генрих Фландрский, второй латинский император (1205-1216), единственный конструктивный государственный деятель, которого породил крестовый поход; Вильгельм Шамплитский, который захватил Морею всего с сотней рыцарей, был воспринят угнетенными греками как освободитель и основал княжество Ахейское (1205-1209), только чтобы потерять его из-за предательства лейтенанта; Никколо Аччаджоли (+1365), флорентийский банкир, ставший лордом Коринфа, графом Мальты и администратором Ахейи - это люди, которые на более значительной сцене могли бы добиться долгой славы. Но подвластные греки не были латинизированы горсткой энергичных сеньоров и купцов; одна за другой, по мере возможностей, провинции Латинской империи переходили в подданство Никеи. Адрианополь и Фессалоника были потеряны в 1222 году, азиатские территории - в 1228 году; в 1261 году Михаил Палеолог отвоевал Константинополь, который оставался владением его семьи до захвата турками (1453). В Греции и на островах колонисты удерживали позиции еще долго после падения Латинской империи. Но последний из франкских герцогов Афин пал со всем своим рыцарством, сражаясь с Каталонской компанией (1311), ордой вольных разбойников, наполовину христианской, наполовину турецкой по своему составу. Ахея, после долгих лет позорного подчинения Неаполитанским Анжу, была так же завоевана Наваррской компанией (1380). В искалеченном состоянии оба государства пережили эти бедствия; но греки и венецианцы смогли поглотить самые богатые части полуострова; последние следы франкской крови и институтов были сметены турецкими завоевателями пятнадцатого века. Перед этими мрачными захватчиками венецианцы и рыцари Святого Иоанна, последние представители западного могущества, медленно покидали Восточное Средиземноморье.

История этого блестящего и эфемерного эпизода в расширении Европы завершается венецианским миром 1479 года с султаном и падением Родоса, оплота рыцарей, перед турецким оружием (1522). Но на Мальте вплоть до начала XIX века можно было наблюдать странное и скандальное зрелище крестоносного ордена, освобожденного от старых обетов и обязательств, но все еще сохраняющего средневековую тиранию в память о заслугах, которые его далекие предшественники оказали Кресту. Другие ордена исчезли, не менее бесславно, в более ранние сроки. Тамплиеры, покинувшие Сирию, чтобы жить в своих европейских поместьях и заниматься банковским ремеслом, были запрещены папой Климентом V (1312) по обвинению в ереси, чтобы удовлетворить жестокую жадность французского короля. Рыцари Тевтонского ордена, получив совет от своего Великого магистра Германа Зальцкого (1210-1239), искали новое поле для завоеваний; они нашли его в низовьях Вислы, где с одобрения Папы, Императора и короля Польши решили покорить язычников-славян. Но, запутавшись в территориальных амбициях своего польского

покровителя, после 1466 года они были сведены к узким границам Восточной Пруссии; и едва ли раздался голос в их пользу, когда последний Великий магистр, Гогенцоллерн по происхождению, стал протестантом и завещал земли ордена своей собственной семье (1525).

От приключений франкских колонистов мы с облегчением обращаем внимание на последние угасающие вспышки энтузиазма в армиях, снаряженных для их помощи. Немцы и венгры Пятого крестового похода (1217) проявили больше искренности, чем житейской мудрости, передав главное командование папскому легату и до конца следуя его безрассудному плану кампании. Вдохновленные надеждой изгнать ислам из Восточного Средиземноморья, они не собирались довольствоваться ни завоеванной Дамией, ни Святой землей, которую предложил в обмен султан Египта. Им нужно было либо все, либо ничего, и в итоге они потеряли даже Дамиею. Их поражение от разливов Нила, которые они забыли учесть, стало трагикомическим завершением кампании, в которой жадность и раздоры были компенсированы необычайной смелостью. Святой Людовик в своих крестовых походах 1248 и 1270 годов пошел наперекор общему благоразумию, и его считали благочестивым глупцом даже те бароны, которые были слишком преданы, чтобы не подчиниться его призыву. Но именно такие безрассудства делают историю чем-то лучшим, чем Ньюгейтский календарь преступлений против здравого смысла. Он не был полководцем; его нападение на Египет было обречено на неудачу и стало еще более катастрофическим из-за пренебрежения обычными мерами предосторожности; поход на Тунис, предпринятый в разгар африканского лета, закончился, как и следовало ожидать, его собственной смертью и гибелью его сторонников от болезней. Даже в качестве примера эти экспедиции были практически бесплодны. И все же, когда о крестовых походах и тех, кто их возглавлял, сказано все самое худшее, остаются моменты в циклической карьере св. Людовика, которые преследуют воображение и заставляют нас восхищаться: его выдержка, когда в плену у египетского султана он отказался, даже под угрозой пыток, обменять одну христианскую крепость на свою свободу; его одинокий дозор в Палестине, когда в течение трех лет он терпеливо ждал подкреплений, которые так и не были посланы; его смертное ложе, когда он молился о силе, чтобы презирать удачу и не бояться бедствий. Идеалы могут померкнуть, но память о тех, кто их воплотил в жизнь, остается в мире.

Если мы спросим, какие результаты более осязаемого рода остались от крестовых походов, когда служба у Гроба Господня превратилась в легенду, а название "крестовый поход" стало нарицательным для любых самых непрактичных и мечтательных предприятий, то ответ должен быть таким: они повлияли на Европу в основном в негативном смысле и по косвенным каналам. Они помогли дискредитировать концепцию воинствующей церкви; избавили Европу от избытка феодальных авантюристов; ускорили обнищание других феодальных семей, которые время от времени принимали участие в Священной войне. Никогда не было доказано, что они привели к массовой эмансипации крепостных или массовому наделению городов правами; хотя верно, что все подобные экспедиции означали повышенный спрос на свободные деньги. В западную цивилизацию они внесли очень малый вклад - правда в том, что у магометан в Сирии мало чему можно было научиться. Именно через Палермо и Толедо, где христианство и ислам встречались и смешивались в мирном общении, в Европу проникали знания об арабской науке и философии. Четвертый крестовый поход был исключением из общего правила; не случайно венецианское искусство и архитектура получили бурное развитие, когда республика вступила в тесные и дружеские отношения с Константинополем. Благодаря этим отношениям и изучению шедевров, привезенных крестоносцами, венецианские художники вернули себе античное чувство чистой формы и основали школу, которая была классической по духу, христианской лишь по

внешним и несущественным признакам. Учеба и литература, которые Восточная империя унаследовала от Рима и Афин, не привлекали венецианских князей-купцов. Но к северу от Альп, особенно в Париже, в тринадцатом веке возрос интерес к греческому языку и греческим книгам, насколько они были полезны богословам или схоластам. В политическом плане Четвертый крестовый поход запомнился тем, что повлиял на расстановку сил в Италии. Он дал Венеции преимущество над ее торговыми соперниками, Пизой и Генуей, которое она никогда не теряла; он также обеспечил ей уникальное положение посредника между Востоком и Западом; и поставил ее во главе империи, сравнимой с Афинами и Карфагеном, великими морскими державами древности. Но национальные государства Северной Европы, вынесшие на себе бремя и жар крестовых походов, были затронуты ими в меньшей степени, чем города-государства Италии, в политическом и ином плане.

IX

СВОБОДНЫЕ ГОРОДА

По территории каждого средневекового государства разбросаны города, наделенные особыми привилегиями и управляемые специальными магистратами. Некоторые из этих городов - особенно в Италии, Южной Франции и Рейнской области - стоят на месте и даже в стенах древних *муниципалитетов*, тех миниатюрных домов, которые государственное устройство Империи создало как резиденции правительства и школы культуры. Но даже в Италии средневековый город обязан классической античности не более чем заплесневелыми стенами, акведуками, амфитеатрами и церквями. Варвары игнорировали институты *муниципалитета*, хотя он часто служил им в качестве крепости, королевской резиденции или административного центра. Горожане были низведены до уровня крепостных, они стали собственностью короля, епископа или графа и управлялись судебным приставом, возглавлявшим сеньориальный суд. Только в конце Темных веков, с развитием ремесел и торгового сословия, возникла необходимость различать город и манориальную деревню; и до гораздо более позднего времени маленький город сохранял черты сельскохозяйственного общества. Многие бюргеры пополняли доходы от торговли, обрабатывая акры на общих полях и пася скот на общих пастбищах; свиньи и домашняя птица разбредались по улицам; хозяйственный двор был обычным дополнением к буржуазному поместью. Маленький или большой, город был явлением достаточно непривычным, чтобы смущать душу юристов, воспитанных на тевтонских обычаях. Они понимали, что имеют дело с новой формой сообщества, но не были готовы дать ей определение или обобщить ее. Они предпочитали рассматривать каждый город как *sui generis*, как неловкую аномалию, как привилегированное злоупотребление.

Действительно, дать определение было непросто, ведь средневековые города бесконечно различались по размеру, управлению и составу населения. В одном отношении они все похожи: наиболее энергичные и влиятельные, хотя и не обязательно более многочисленные, жители - ремесленники или торговцы. Но бок о бок с промышленной колонией стоят более древние интересы, которые часто борются с преобладанием коммерции. В городе или поблизости от него может находиться аббатство, замок, собор или королевский дворец, благодаря которым и существует бюргерская община. Горожане, пользуясь обычаями и покровительством вельмож, разбогатели и стали независимыми; они приобрели привилегии или узурпировали их. Но им все равно приходится считаться со слугами, прислужниками и прочими сторонниками начальника, который всегда начеку, чтобы вернуть утраченные права на собственность и юрисдикцию; в стенах города постоянно находятся войска общего врага. Если же город расположен на границе или в недавно завоеванной стране, то он будет в равной степени и крепостью, и торговым пунктом; часть жителей будет рыцарями или

воинами, которые держат свои земли, защищая город; и эти бюргеры, естественно, будут равнодушны к интересам торговцев. Наконец, в странах Средиземноморья с их давними традициями городского общества мы видим, как окрестные дворяне приезжают в город, строят городские дома и часто устраивают между собой кабалы, чтобы получить контроль над городским управлением. Часто проходит много времени, прежде чем классу, задумавшему идею муниципальной свободы, удастся одержать верх над этими враждебными силами; и еще чаще с трудом завоеванные привилегии отнимаются у тех, для кого они предназначались, отменяются или становятся монополией олигархического круга.

Тем не менее, цели средневекового бюргерства более единообразны, от места к месту и от поколения к поколению, чем мы могли бы предположить в эпоху, когда информация распространялась медленно, а отношения каждого города с его лордом регулировались отдельным договором. В современной Европе город - это административный округ государства, организованный по стандартному образцу. В средневековой Европе грамота часто была компромиссом с капризами и интересами мелкого сеньора, и даже короли были склонны вести дела с городами, стоявшими на территории королевского поместья, в духе самого откровенного оппортунизма. Более того, все лорды были склонны вмешиваться в дела своих бюргеров не более, чем это было необходимо для обеспечения полного и своевременного выполнения всех услуг и денежных повинностей. До тех пор, пока это гарантировалось, внутренние дела города могли быть оставлены на усмотрение жителей, чтобы они решали их так, как им казалось правильным. Но что касается основных условий договора, то каждая из договаривающихся сторон придерживается четких и непоколебимых взглядов. Лорды согласны с тем, что привилегии в торговле и владении городом могут быть предоставлены, если главные магистраты будут назначаться ими самими и подотчетны им. Горожане же полагают, что обещания свободного владения и свободной торговли ничего не стоят, если не сопровождаются разрешением избирать всех магистратов и советы.

Иногда победа остается за лордом, иногда - за бюргерами. Соответственно, существует два вида чартированных городов. К большему классу относятся общины, пользующиеся определенными привилегиями под властью сеньоров. Меньший класс состоит из тех, которые не только привилегированы, но и "свободны", то есть являются самоуправляемыми корпоративными органами. Различие между этими двумя классами не является достаточно точным, чтобы удовлетворить современного юриста. Часто "свободный" город обязан предоставить лорду право голоса при назначении магистратов; в то время как скромное сообщество торговцев может пользоваться правом вершить правосудие в рыночном суде без вмешательства судебного пристава. Один класс переходит в другой, хотя бы потому, что "свобода" обычно завоевывается путем постепенного процесса торга или посягательств со стороны городов, которые уже имеют привилегии. Более высокий тип - это просто более поздняя стадия в естественном ходе муниципального развития.

Если мы проанализируем привилегии тех городов, которые остаются на ведущих ролях, то первым по времени и значимости будет город-мир, который может даровать только король или его представитель. Обладая этим миром, город становится, подобно королевскому дворцу или святыни святого, святыней, охраняемой особыми страданиями и наказаниями; бюргер стоит перед королем в тех же отношениях, что вдова и сирота; причинить ему зло - значит оскорбить королевское величество. Далее следует право торговли. Бюргерам разрешается заменять свои подневольные повинности и обязательства фиксированной денежной рентой, чтобы они могли свободно заниматься более прибыльными занятиями, чем сельское хозяйство. Они также получают лицензию на проведение еженедельного рынка, а возможно, и ежегодной ярмарки; решено, что все споры торговцев, возникающие

на ярмарке или рынке, будут решаться в соответствии с законом купцов, общепринятым в торговом мире, а всем чужестранцам, которые прибегают к тому или иному сборищу с законными целями, предоставляется безопасный пропуск. Поначалу пошлины с ярмарки и рынка собирает лорд, а закон купцов управляется в суде его бейлифом. Однако часто он заканчивает тем, что сдает и пошлины, и торговую юрисдикцию в аренду горожанам. Если им разрешено (как во Фландрии и Англии) образовать купеческую гильдию, именно с ней заключаются подобные сделки; гильдия обычно приобретает у лорда множество других привилегий - монополию на некоторые основные отрасли промышленности в городе и окрестностях; право преимущественной покупки всех импортных товаров; право издавать подзаконные акты, регулирующие заработную плату, цены, продолжительность рабочего дня и качество производимых товаров. Если лорд - суверенный принц, его часто склоняют к уступкам более широкого масштаба: свобода от внутренних пошлин и таможен в морских портах; право расправы с местными и иностранными врагами, которые грабят купцов или посягают на привилегии города; иммунитет в гражданских делах от любой юрисдикции, кроме юрисдикции городского суда.

Было бы легко привести множество примеров такого типа городов, но мы можем упомянуть лишь несколько, чья история и обычаи особенно поучительны. Один из старейших - Сен-Рикье в Понтё, яркий пример промышленной общины, возникшей в каролингские времена и поддерживаемой политикой великого религиозного дома. Вторая половина XI века примечательна тем, что светские и светские лорды проявили спекулятивную смекалку, способствуя развитию новых торговых центров; нормандский *бург* Бретей, основанный в 1060 году сенешалем Вильгельма Завоевателя, заслуживает особого внимания как образец, которому много подражали в Англии, Уэльсе и Ирландии; суабские города Алленсбах и Радольфсцель, зафрахтованные великим аббатством Рейхенау несколькими годами позже, являются памятниками немецкой сеньориальной предприимчивости. Лоррис-ан-Гатинэ, город на территории французской монархии, получил от Людовика VI ряд привилегий, которые стали стандартом для многочисленных *буржуазных деревень*, основанных под непосредственным влиянием династии Капетингов.

Но хартии, с благодарностью принятые новыми колониями или зарождающимися рыночными центрами, были недостаточны, чтобы удовлетворить чаяния более старых и крупных городов. В то самое время, когда дальновидные сеньоры разбрасывают по миру торговые привилегии, среди городских слоев Северной Франции, Фландрии и некоторых итальянских провинций начинается агитация за более широкие права, за "свободные" муниципальные конституции нашего второго типа. В этих регионах народный клич - "Коммуна", *novum ac pessimum nomen*; он смешивается с жалобами на феодальную тиранию, которые часто перерастают, поскольку сеньором города обычно является епископ или аббат, в жалобы на церковь. Коммуна - это клятвенная конфедерация (*conjuratio*), которая имеет некоторое сходство как с братствами, созданными для соблюдения Божьего перемирия (*выше*, с. 103), так и с купеческими гильдиями. Но у него есть и новые, поразительные черты. Оно формируется вопреки власти и с целью захвата прав, которые по закону принадлежат сеньору или короне. Она враждебна правящим классам общества, а целью ее членов является установление республиканской формы правления в своем городе. В основном это купцы или ремесленники; но их волнуют более широкие интересы, чем торговые, и они часто настаивают на том, чтобы ни один человек, независимо от его профессии, не оставался в городе, если он не вступит в коммуну.

Мы были бы рады узнать больше о смелых духах, которые руководили общинным движением на этом раннем этапе. Они поражали современников своим радикализмом, а их поведение опровергает наше предвзятое представление о том, что горожанин - это человек мира. Средневековые бюргеры привыкли защищать свои права силой; нет ничего ненормального в правиле купеческой гильдии Валансьена, согласно которому братья гильдии должны всегда брать с собой оружие на рынок и ездить вооруженными компаниями на дальние ярмарки. Миланцы и люди Гента типичны в своей жадности к империи, в своей готовности нанести удар ради собственной выгоды, когда в стране идет война. Если сеньоры таких городов давали повод для недовольства, они обнаруживали, что разворошили осиное гнездо. В борьбе за свободы народная партия проявляла высокое мужество, которое превосходило поражение, хотя в час триумфа оно слишком часто омрачалось свирепыми актами мести. Они с умом и энергией включались во вражду других интересов и классов, поддерживая церковь против государства, государство против баронства или более слабого против более сильного из двух соперничающих лордов. Политика городов часто была двуличной, материальной и сепаратистской; но она также воплощала идеалы справедливости и гражданственности, которым суждено было победить в борьбе за существование и произвести благотворную реформу в структуре общества.

Общинная программа не была реализована за один день; борьба за свободные правительства, начавшаяся в XI веке, продолжалась в XIII и XIV; силы движения были исчерпаны в Северной Франции и Италии еще до того, как оно достигло своего апогея в Южной Франции или в Германии. Естественно, что в конфликте, который велся на столь обширной территории в течение нескольких сотен лет, основные принципы часто менялись, и было разработано множество различных моделей городского управления. На поздних этапах движение было более мирным, и кошелек часто оказывался лучшим аргументом, чем меч; коммунальные партии перестали быть демократическими, хотя и не перестали быть республиканскими, а власть была практически, если не формально, монополизирована муниципальным патрициатом. Массовое собрание бюргеров, всесильное в те времена, когда коммуна была организованным восстанием, постепенно становилось незначительным в старых коммунах, а во многих поздних вообще не признавалось, его полномочия распределялись между ремесленными гильдиями, собирающимися на свои отдельные ассамблеи. Одновременно с уменьшением значения рядового бюргера наблюдается тенденция к ограничению избирательного права путем предъявления все более высоких требований к кандидатам. Коммуна, по сути, опускается почти до уровня профсоюза или благотворительного общества, а членство в ней ценится главным образом как право на исключительные права на торговлю и помощь бедным. Политический аспект института почти забыт в странах, где власть государства одерживает верх над центробежными силами общества; а в тех коммунах, которые сохраняют достоинство государств, междоусобный конфликт между богатыми и бедными, правителями и управляемыми, обычно становится главной чертой внутренней политики.

Несмотря на эти изменения в принципах и духе, органы коммунального управления почти везде одинаковы. Исполнительная власть принадлежит совету или комитету, называемому в Италии *consules*, во Франции *echevins*, *jurati* или *syndics*, в Германии *Rath* (совет). Обычно в этом совете есть президент, известный во Франции и Англии как мэр, в Германии - как бургомистр, который представляет корпорацию во всех переговорах с сеньором, короной или другими коммунами. Один или несколько советов (*sapientes*, *pares* и т. д.) часто помогают исполнительной власти своими советами; а в коммунах более старого типа массовое собрание играет заметную роль, не только избирая магистратов и советы, но и голосуя по налогам, проверяя отчеты о расходах и решая все вопросы исключительной

важности. Там, где общего собрания нет или оно не работает, должности заполняются либо путем кооптации, либо путем выборов в собраниях ремесленных гильдий, либо даже передаются по наследственному праву. По мере ослабления народного контроля над исполнительной властью ревность к ней приводит к катастрофическим изменениям: к умножению должностей, к сокращению сроков полномочий, к созданию бесчисленных сдержек и противовесов, к организации тех или иных влиятельных интересов или партий как государства внутри государства. Но болезненная патология коммун на их последней стадии упадка - это тема, которой мы не должны здесь касаться. Эти хитроумные приемы, наилучшим примером которых является конституция Флоренции XIV века, ослабляли правительство, но не могли сделать его более беспристрастным или более терпимым. К концу Средневековья рядовой бюргер был готов приветствовать приход королевского бейлифа или самозванного деспота как единственное лекарство от неизбывных расстройств, присущих свободе.

Приятно вернуться от периода разочарований к периоду оптимистических ожиданий и изучить коммуну в период ее становления и роста, когда для промышленных классов не было другого убежища от анархии и угнетения, а освобожденные крепостные еще были опьянены мечтой о свободе.

Любопытно, что коммунальная революция началась наиболее тихо в той стране, где она в конечном итоге привела к самым ожесточенным конфликтам. Города Северной Италии получили свои первые порции свободы в разные периоды XI века путем сделок или узурпации, о которых до нас дошли лишь немногие сведения. В Пизе мы слышим о соглашении между епископом и горожанами (1080-1085 гг.), по которому последним разрешалось создавать мирные ассоциации, проводить массовые собрания и избирать *консулов*, которые должны сотрудничать с епископом в управлении. В Генуе, напротив, коммуна появляется (в 1122 году) после того, как несколько предыдущих *конъюнктур* успешно сопротивлялись и были разогнаны. Вероятно, случай Пизы более типичен, чем случай Генуи, поскольку обычно мы впервые слышим о коммуне, когда она уже является полностью сформировавшимся институтом. В большинстве североитальянских городов коммуна была создана за счет епископа. Юридически это изменение означало передачу городу от епископа или другого сеньора полномочий, полученных в результате делегирования от императора; оно произошло в ходе борьбы за следствие, когда епископы, сознавая симонию и другие преступления, делавшие их положение неуверенным, были больше озабочены тем, чтобы отговорить своих граждан от участия в партии церковной реформы, чем выполнением своих обязанностей как чиновников империи. Сами же императоры, ущемленные в борьбе с папством и стремящиеся любой ценой приобрести поддержку, способствовали успеху общинного движения хартиями, которыми они наделили некоторые важные города.

В Северной Франции ситуация была менее благоприятной для городов. Зачастую политика Капетингов была направлена на то, чтобы ослабить могущественного подданного, защитив его мятежных крепостных. Но епископы и светские сеньоры упорно сопротивлялись всем требованиям о предоставлении прав; король был робким и колеблющимся союзником, всегда склонным отказаться от дела горожан за взятку, всегда опасаясь, что движение может распространиться на его владения. Каковы бы ни были его симпатии, когда дело доходило до столкновений, он мало что мог сделать, кроме как стоять в стороне и наблюдать за конфликтом. Два примера помогут проиллюстрировать общие черты этой вражды между муниципалитетами и лордами.

(1) В 1070 году жители Ле-Мана были вынуждены восстать из-за беззакония местного баронства и притеснений губернатора, которого поставил над ними граф-бездельник. Они создали коммуну и заставили наиболее робких из своих врагов поклясться, что они признают ее. Других они ловили и вешали или ослепляли; они вели систематическую войну против окрестных замков, которые брали один за другим и сжигали дотла - и это, говорит возмущенный летописец, во время Великого поста и даже в Страстную пятницу! Сами горожане не считали ни одно время года слишком священным для такого крестового похода против анархии; однажды, когда их ополчение отправилось на штурм замка, епископа и его духовенство побудили возглавить авангард, неся кресты и освященные знамена. Но через некоторое время военная удача обернулась против коммуны; ополченцы были разбиты, а графский лейтенант вернул себе замок, господствовавший над Ле-Маном. Горожане предложили свою верность графу Анжуйскому, если он их освободит. Он пришел на помощь, губернатор бежал, замок был сдан гарнизоном и сразу же разрушен. Но не успели горожане уладить свои дальнейшие отношения с Анжу, как появилась английская армия во главе с Вильгельмом Завоевателем, их законным сюзереном. Анжуйцы исчезли; горожане, руководствуясь необходимостью, открыли ворота перед королем, а поскольку он лишь подтвердил их древние вольности, существование коммуны было внезапно прекращено (1073).

(2) В Лаоне в следующем поколении произошло еще более бурное и катастрофическое восстание против правления епископа. Его звали Вальдрик; он был канцлером при Генрихе I Английском и был избран главой Лаона (1106 г.) благодаря огромному богатству, которое он накопил, не слишком честным путем, в течение своей короткой официальной карьеры. Большая часть его личного состояния была потрачена на то, чтобы добиться одобрения Папой его весьма нерегулярного избрания. Оставшаяся часть вскоре была растрачена на экстравагантную и буйную жизнь; затем епископ начал использовать свои права на владение Лаоном. Его поборы вызывали тем большее недовольство, что он не следил за порядком; окрестности города кишели разбойниками и лакеями, а похитителям позволялось творить своеволие внутри города. В конце концов бюргеры воспользовались случаем, когда епископ был в Англии, и организовали коммуну. По возвращении он был вынужден смириться с ситуацией и признать коммуну в обмен на значительную плату. Но он еще больше откупился, обещав местную валюту, которая практически ничего не стоила, а свою злобу к горожанам удовлетворил жестоким преступлением. Заявив, что раскрыл заговор против его жизни, он арестовал мэра и заставил несчастного ослепить черного раба, которого нанял в качестве своего телохранителя и палача. Друзья мэра пожаловались Папе, но епископ выступил перед ними со своей версией истории и с помощью подкупа добился почетного оправдания. С помощью тех же аргументов он убедил короля отменить устав коммуны и, казалось, овладел ситуацией. Но люди Лаона сговорились убить его, когда он направлялся в собор; его с трудом спасли его рыцари, и он счел нужным гарнизонировать епископский дворец холопами из своих загородных владений. Высокомерный, как всегда, он хвастался своей властью и тем удовлетворением, которое он получит; приближалось время, говорил он, когда его черный раб будет отрывать носы самым уважаемым гражданам, а те не посмеют и пикнуть. Вскоре он был обманут. Лаонская толпа ворвалась во дворец и расправилась с защитниками; они нашли епископа в подвалах, переодетого крестьянином и прятавшегося в пустом бочонке; они вытащили его за волосы на голову и изрубили на улице (1112). Когда вернулось более спокойное настроение, горожане были потрясены перспективой гнева короля. Те, кто осознавал свою вину, бежали из города, который остался полупустым. Бароны и крепостные окрестных земель налетели на Лаон, как стервятники, разграбили опустевшие дома и передрались друг с другом за добычу. В течение следующих шестнадцати лет остатки горожан влачили жалкое существование, будучи простыми

крепостными преемников Вальдрика. В 1128 году король разрешил им объединиться под началом мэра, чтобы лучше поддерживать общественный мир; но им было отказано в титуле коммуны, и они продолжали находиться под юрисдикцией епископа.

Эти драмы угнетения и возмездия, хотя и характерные в том смысле, что в них проявляются худшие недостатки и лучшие оправдания общинного движения, были, к счастью, исключительными в Северной Франции; не потому, что угнетение было редкостью, а потому, что восстания побеждали свою собственную цель. Никакие сеньориальные уступки не стоили пергамента, на котором они были начертаны, без подтверждения короля; и не в интересах короля было потворствовать святотатству или открытой измене феодала. Поэтому основатели северофранцузской коммуны предпочитали держать свою агитацию в рамках закона. Они обратились за помощью к королю, и тот, за соответствующее вознаграждение, несколькими росчерками пера уничтожил сеньориальные права; это было тем легче сделать, что его юристы сформулировали доктрину, согласно которой коммуны были арендаторами короны, обязанными нести военную службу и облагаться налогами по желанию короля. С конца XII века между Третьим сословием и французской монархией установился прочный союз. В целом он был более выгоден королю, чем коммуна. При Людовике Святом и его преемниках, когда власть феодалов была сломлена, коммуна предстала как препятствие на пути центрального правительства. Под тем или иным предлогом, то из-за междоусобиц, то за нерациональное управление коммунальными финансами, города лишались своих хартий и переходили под власть королевских комиссаров. Слабой компенсацией стало то, что Третье сословие получило право посылать делегатов в Генеральные штаты королевства. Представительство принесло новые обязательства без соответствующих прав. Третье сословие, ревностно державшееся в стороне от сословий дворян и духовенства, было бессильно перед решительным государем.

Французская коммуна, по сути, была специальным средством для лечения преходящего зла. Республиканские институты были во Франции экзотическим явлением, не соответствующим национальным традициям и желанным только для тех классов, которые не обладали ни политическим интеллектом, ни материальными ресурсами, чтобы поддерживать свои идеалы перед лицом упорного сопротивления. Примечательно, что уставы французских коммун часто отменялись с одобрения собраний граждан. Иная ситуация сложилась во Фландрии и Северной Италии, где город был естественной ячейкой общества, а бюргерское сословие, обогатившееся за счет внешней торговли, было достаточно сильным, чтобы на равных вести переговоры со своими номинальными начальниками. Такие города, как Гент и Милан, были ограждены от контактов с великими монархиями до тех пор, пока в горожанах не укоренилась привычка к самоуправлению. Когда, наконец, они столкнулись с абсолютистскими притязаниями Капетингов или Гогенштауфенов, эти города не уклонились от прямого обращения к оружию; и войны, которые они вели за независимость, - не менее интересная глава средневековой истории.

Фландрия мучилась проблемой перенаселения, которую не могли решить ни постоянный отток эмигрантов, ни систематическое отвоевывание болотистых земель. В ранние времена представители среднего класса открыли для себя великий принцип современной промышленности: производство товаров для внешних рынков может быть ускорено до бесконечности, а самые плодовитые общины могут жить в достатке на бесплодной или ограниченной территории. Лишняя рабочая сила из фламандских деревень стекалась в города по требованию фламандского капитала и находила доходное занятие в ткацком ремесле. С 1127 года эти города стали торговаться с графами Фландрии за освобождение. Брюгге, Ипр, Лилль и Гент были лишь самыми успешными из сорока процветающих общин,

которые в конце двенадцатого века пользовались большим самоуправлением, но обнаружили, что их свобода находится под угрозой со стороны короля Франции. Чтобы противостоять опасности, фламандские коммуны пустились в бурное политическое море. Сначала они сражались с королем от имени графа и впервые проявили себя как военная сила в катастрофическом сражении при Бувине (1214), которое стоило графу Феррану свободы, а коммунам - цветка их ополчения. Преемники Феррана все глубже и глубже погружались в зависимость от Капетингов, пока коммуны не были вынуждены в порядке самообороны взять на себя ведущую роль. При Куртрае (в 1302 году) они переломили ход событий и отомстили короне за Бувинь, устроив страшную резню французских рыцарей и воинов, продемонстрировав изумленной Европе, что феодальная тактика устарела, а пешие пикинеры не уступают лучшей почтовой кавалерии. Обманутые вероломным графом в получении должных плодов своей победы, фламандские коммуны лелеяли обиду и ждали новых возможностей, утешаясь жестокими преследованиями дворян, духовенства и всех тех, кого они подозревали во французских симпатиях. Честолюбие Эдуарда III в конце концов пришло им на помощь; под предводительством Жака ван Артевельде, купца и демагога из Гента, они подписали с английским королем договор о вторжении и завоевании Франции (1339). Это был короткий и неудачный союз, разорительный для фламандской торговли и внезапно закончившийся падением Артевельде, которого его сограждане разорвали на части под впечатлением от того, что он стремился к тирании (1345). Но события вскоре оправдали смелые предложения павшего государственного деятеля. В 1369 году наследница графства была выдана за французского принца крови; французская партия во Фландрии подняла голову; Брюгге, к тревоге и ярости всех патриотов, присоединился к иностранному делу из ревности к Генту. Между двумя великими соперниками вспыхнула война, и гентцы под командованием Филиппа, сына Жака ван Артевельде, одержали верх. Победив в упорном сражении, они преследовали разбитую армию до Брюгге, расправились с партизанами Франции и разграбили город. Ни одна коммуна не осмелилась подражать политике Брюгге или оспаривать главенство Гента во Фландрии. Младший Артевельде, как и его отец до него, на короткий миг стал диктатором лиги свободных республик. Но французские генералы набрались опыта в войнах с Англией; при Русебеке (1382) гентцы, набросившись на французскую кавалерию "как дикие кабаны", оказались обойдены с флангов и были раздавлены тяжестью превосходства в науке и численности. Они сражались с яростью отчаяния, не ожидая и не получая четверти. Более двадцати тысяч горожан пали в битве, и по приказу короля их оставили на поле непогребенными. Труп Артевельде, задохнувшегося в прессе, повесили на виселице в назидание всем демагогам. Вместе с ним умерла мечта о независимой Фландрии. Хотя ее города оставались процветающими, им суждено было стать подданными бургундцев, испанцев и австрийцев. Только в 1831 году Фландрия стала провинцией в королевстве, основанном на валлонской национальности.

Итальянские коммуны в своих резких превратностях судьбы представляют собой зрелище не менее драматичное и бесконечно более значимое для общей истории Европы. В Италии, как и во Фландрии, справедливый идеал гражданской свободы был размыт и испорчен партийными распрями и личными амбициями, непостоянством и страстью толпы, жадой завоеваний и братоубийственной ревностью соседних республик. И все же влиянию этого идеала мы должны приписать и солидарность итальянского города-государства, и богатство индивидуального гения, которому он способствовал. Итальянское Возрождение было не чем иным, как временем сбора урожая средневековой Италии, славным вечером дня, рассвет которого начался с Четвертого крестового похода и достиг полудня при жизни Данте и Джотто. В пятнадцатом веке способности, созревшие в напряженной и многолюдной жизни бурных республик, были сосредоточены в искусстве и литературе. Досуг и безопасность, которые требовал специалист, были куплены отказом от утопических видений прошлого. Но

рост технической ловкости был слабой компенсацией за сужение круга интересов; личность была принесена в жертву художнику, и искусство тоже пострадало от разрыва с практическими делами. Если мы испытываем нетерпение из-за траты жизни и энергии, связанной с потрясениями средневековой Италии, мы должны помнить, что ни в какой менее напряженной атмосфере национальная энергия не созрела бы так рано и не нагромождала бы достижения на достижения с такой лихорадочной скоростью.

[Иллюстрация: (карта) Альпы и Северная Италия]

Город, с незапамятных времен служивший местом встречи лучших элементов итальянского общества, в раннем Средневековье стал единственным оплотом между итальянскими средними классами и особенно беззаконной формой феодализма; и он хорошо служил этой цели. Количество этих городов, их население и ресурсы, роскошь горожан, великолепие дворцов и общественных зданий вызывали восхищение всей Европы в то время, когда фламандские мещане все еще жили в деревянных домах, а фламандские города все еще были грубо защищены палисадами и земляными валами. Природа многое сделала для Италии. Благодаря центральному положению полуострова, торговля между Северной Европой и Средиземноморьем сходилась в ее морских портах и на альпийских перевалах, возвышающихся над долиной реки По. Благодаря неустанной деятельности итальянского капитала и труда Ломбардия и Тоскана стали домом текстильного производства, научного земледелия, банковского дела и финансов. В каждом порту Леванта, Эгейского и Черного морей корабельщики и купцы Венеции, Беноа и Пизы охотились за торговлей, как гончие псы, и дрались, как волки, чтобы добиться преференций или монополии. На суше и на море правилом жизни была конкуренция за территорию и торговлю. Война была нормальным и часто желанным инцидентом в поисках богатства; мало кто из итальянцев был свободен от убеждения, что завоевания - это короткий путь к процветанию, что торговля идет под флагом, и что выигрыш одной общины должен быть потерей другой. В городских стенах класс боролся с классом, а семья с семьей. Бунты, резня и проскрипции были обычными инструментами партийной войны; меньшинство вступало в сговор из страха перед проскрипциями, а большинство проскрипционировало, чтобы предотвратить заговор. Безграничной, поистине, была жизнеспособность республик, которые в таких условиях не только процветали, но и сдерживали самых могущественных государей и самые грозные войска Европы.

Лучшие и худшие черты общинного режима иллюстрирует сопротивление лангобардских городов Фридриху Барбароссе, первому императору, который сформулировал и применил в Италии схему абсолютистского правления. Между 1154 и 1176 годами лангобарды перевернули ход истории. Они подготовили почву для того, чтобы Иннокентий III поставил свою ногу на шею королей, а Иннокентий IV уничтожил дом Гогенштауфенов. Что это будет результатом их борьбы за свободу, не могли предсказать ни они сами, ни другие участники борьбы. Но обе стороны чувствовали, что на карту поставлены величайшие вопросы. Вопрос заключался в том, должна ли Италия раз и навсегда принять немецкое иго; должно ли папство стать немецким патриархатом; должны ли свободные институты, как в церкви, так и в государстве, уступить место бюрократии.

Вопрос не был поставлен в такой форме с самого начала. Когда Фредерик впервые вмешался в дела Ломбардии, он пришел, чтобы защитить небольшие города от империалистических амбиций Милана, восстановить общественный мир, расследовать бесчисленные жалобы на силу и мошенничество. Многие города приветствовали его как освободителя; против него выступали только клиенты Милана или те, кто в более скромных масштабах стремился подражать ее политике. Однако и наказать самую незначительную из непокорных коммун

было нелегко; а Милан, который в упор отказывался дать удовлетворение за свои незаконные завоевания или даже отказаться от завоеванного, не мог быть атакован.

Два обстоятельства были против императора. Любая война с лангобардами должна быть войной осад; но военная наука того времени была более искусна в обороне, чем в нападении. И ни одна война не могла быть доведена до благополучного завершения без помощи Италии; ведь невозможно было заинтересовать немецких князей в войнах Италии или потребовать от них существенной помощи. Первую из этих трудностей Фредерик Барбаросса так и не преодолел. Со вторым он более успешно справился в средний период конфликта (1158-1162); именно тогда представители лангобардской независимости были почти побеждены.

В 1158 году он вернулся из Германии, чтобы осадить Милан, тщательно заключив договоры с соперниками в Ломбардии, Вероне, Эмилии и Марке. С их помощью он голодом вынудил неприступный город сдаться на условиях, продиктованных им самим. В них не было ничего, что могло бы вызвать подозрения или тревогу. Само собой разумеется, что миланцы должны были принести присягу на верность и освободить поработанные города. Далее он оговаривал строительство дворца в городе и возвращение всех императорских прерогатив (*регалий*), которые узурпировали консулы; но весь смысл этих последних статей стал ясен лишь два месяца спустя, когда он объявил о своей будущей политике на совете, состоявшемся на равнине Ронкалья. Он отказался от намерения править как тиран, но потребовал, чтобы его законные права уважали. Как хранитель общественного мира, он не разрешал вести частные войны и создавать лиги между городами. Как властелин земли, он требовал, под названием *регалии*, грозный список прав и повинностей, который болонские юристы составили ценой долгих исторических изысканий. Он включал в себя назначение высшего магистрата в каждом городе, верховную юрисдикцию в апелляциях и уголовных делах, контроль над монетными дворами, рынками и дорогами, а также права на провоз и налогообложение. Некоторые из этих прав существовали с незапамятных времен, большинство же осуществлялось городами уже более пятидесяти лет. Фредерик считал, что никакие предписания не могут быть использованы против короны; и хотя такая позиция казалась более подходящей для Юстиниана, чем для короля лангобардов, все же было что сказать в пользу его претензий из соображений государственной политики. Пока в Италии не будет восстановлена сильная монархия, город будет угнетать город, а сильные будут грабить слабых. Но такая монархия могла быть сохранена только при условии обеспечения достаточных доходов и ограничения полномочий, присвоенных коммунами.

Даже те города, которые изначально поддерживали Фредерика, начали колебаться, видя логические последствия его политики. Они не были склонны уклоняться от любых мер, которые он мог принять против Милана. Но поступать с другом и врагом по одним и тем же принципам казалось им несправедливым. Риск попасть в рабство к соседу - это зло; но еще хуже навсегда потерять перспективу порабощения других. И где гарантия, что новый абсолютизм, прочно укрепившись в седле, всегда будет благосклонен или всегда будет представлен честными чиновниками? Претензии императора могли быть в некотором смысле историческими; но города знали, если не знали, что так называемая реставрация *регалий* на самом деле была революцией. Время для всеобщего дезертирства почти созрело; лояльность была напряжена до предела, когда Фредерик начал назначать в каждый город комиссара-резидента (*подесту*), уполномоченного осуществлять регальские права и собирать доходы от них. Но Милан по-прежнему боялись и ненавидели. Когда она заявила, что ее недавний договор о капитуляции был нарушен декретами Ронкалья, и когда она изгнала посланников, которых Фредерик отправил для инсталляции *подесты*, другие города

сплотились вокруг императорского дела. Было и одно заметное исключение. Маленькой коммуне Крема было приказано разрушить свои стены; она отказалась и вступила в союз со своим великим соседом.

Императорский запрет был издан против обоих городов (апрель 1159 года); войска были спешно вызваны из Германии, контингенты были получены от итальянских союзников, пока Фредерик не собрал в поле силы, оцениваемые в 100 000 человек. Но в течение шести месяцев его сдерживало сопротивление Кремы, которую он планировал взять небольшими силами, пока основная масса его войск собиралась для осады Милана. Нападение на Крему было горячо поддержано жителями соседней Кремоны, которые оказали помощь в отводе водотоков, протекавших через город, и предоставили Фредерику самых известных из ныне живущих инженеров для изготовления осадных машин. Крема была полностью захвачена, и были испробованы все известные способы штурма. Ров заполнили фашинами, а к стенам подвели подвижные деревянные башни, которые возвышались над крепостными стенами; их также атаковали таранами и подрывали саперы, работавшие в укрытии огромных пентхаусов. Но бреши не успевали заделывать, как их заделывали; все штурмы были отбиты, а защитники осмеивали императора в похабных песнях. Впервые в жизни он опустил до крикливости и свирепой бесчеловечности. Он поклялся не давать сдачи, казнил пленников на виду у стен, а заложников подвешивал в корзинах к самым открытым частям осадных башен. К счастью для его славы, он сдался, когда голод и дезертирство их главного инженера заставили кремезианцев просить об условиях. Они получили разрешение уйти с тем количеством имущества, которое могли унести на своих спинах. Остальное досталось императорской армии, а кремонцам было поручено разрушить город, что они и сделали с доброй волей. Затем последовал черед Милана, и император, наученный опытом, вновь прибег к медленному и дорогостоящему, но неотразимому методу блокады. По истечении восьми месяцев (май 1161 - февраль 1162 гг.) город был сдан, эвакуирован и приговорен к разрушению - приговор, который оказалось невозможно полностью исполнить, настолько прочными были крепостные стены и огромными здания, которые они окружали. На данный момент казалось, что всякому сопротивлению пришел конец. Политика, намеченная в Ронкалье, могла быть проведена в жизнь на всей территории Ломбардии; и Фредерик отбыл в Германию, оставив надежных лейтенантов для завершения защиты своих итальянских прав. Оставалось только попытаться сделать выводы с непокорным Папой и уклончивыми норманнами Юга. Император уже видел себя в воображении хозяином Италии и даже Западного Средиземноморья. Прошло пять лет, и он не приблизился к своей цели. Тогда Фредерик вернулся, чтобы добиться изгнания Александра III из Рима. Он преуспел в этом деле и был коронован в соборе Святого Петра антипапой, которого он сам выбрал (август 1167 года). Это была высшая точка его судьбы, а последовавшие за этим бедствия были настолько непредвиденными и ужасными, что современники видели в них руку Божью. Когда он еще находился в Риме, разразилась моровая язва, унесшая две тысячи рыцарей и лучших советников. Он был вынужден бежать из зараженного города. По пути на север он обнаружил, что дорогу ему преграждает новая грозная коалиция. Возникла Ломбардская лига - союз, организованный Кремоной, до сих пор самым твердым из имперских союзников, и тесно связанный с Венецией, которую Фредерик считал незначительной величиной. Намерения Лиги не вызывали сомнений. Ее члены уже занимались восстановлением Милана; они допустили в свои внутренние советы легата Александра III; они объявили, что будут лишь предоставлять императору его древние и несомненные права. Фредерик не мог доверить себя их приближенным. В сопровождении горстки рыцарей он позорно бежал на север, избрав кружной путь через Савойю. Лигурийцы больше не пытались скрывать свои истинные намерения. В знак своего единства они построили город Алессандрию, названный

в честь злейшего врага Фредерика , законного Папы Римского, и торжественно отказались от апелляционной юрисдикции имперского суда (1168).

Прошло шесть лет, прежде чем Фредерик смог вернуться и потребовать удовлетворения, и даже тогда он смог собрать лишь около восьми тысяч человек. С октября 1174 по апрель 1175 года он был занят сначала осадой Алессандрии, а затем бесплодными уговорами Лиги пойти на компромисс. К концу 1175 года он был практически блокирован в Павии с уменьшающимся остатком своей армии. Подкрепившись весной, он предпринял стремительный марш на Милан, надеясь застать врасплох штаб-квартиру Лиги. Но лангобарды были предупреждены и встретили его при Леньяно (29 мая 1176 года) с силами, превосходящими его более чем в два раза к одному. Битва была жаркой. Авангард лангобардов, состоявший из кавалерии, рассеялся перед натиском германцев. Тогда император возглавил атаку, которая проникла в центр вражеской позиции. Здесь находилось знамя Милана, установленное на триумфальной машине (*carroccio*) и охраняемое отборными бюргерами, которые поклялись защищать свое доверие до смерти. Вокруг них несколько часов бушевал бой; германцы не произвели никакого впечатления на их ряды, и постепенно бежавшие лангобарды вернулись, чтобы возобновить сражение. В конце концов императорский знаменосец был убит, а сам Фредерик лишился коня. Полагая, что все потеряно, имперцы в замешательстве бежали к Павии, которой они достигли, понеся в бегстве больше потерь, чем в сражении. Фредерик, отрезанный от своих сторонников, избежал плена, лишь скрываясь несколько дней, пока дорога в Павию не стала свободной.

Леньяно не был катастрофой, но то, что горожане разгромили немецких рыцарей на честном поле, было зловеще. Советники Фредерика настаивали на том, что глупо продолжать войну до бесконечности, когда в любой момент папские интересы могут взять верх в Германии. Мир с Александром должен быть заключен любой ценой, и он не согласится на мир, из которого исключены лангобарды. Фредерик с благосклонностью уступил неизбежному. В том же году (в ноябре 1176 года) был заключен договор с папой; через несколько месяцев в Венеции было заключено шестилетнее перемирие с лангобардами, а в 1183 году в Констанце оно переросло в прочный мир. По форме это был компромисс. Города, сохранив регалии и право свободного избрания консулов, признали свою верность императору и его апелляционной юрисдикции. В действительности же император сдал все ценное, а города проигнорировали все невыгодные для них условия договора.

Так продолжалось до тех пор, пока внук Барбароссы Фридрих II, прочно укрепившись в своем сицилийском наследстве, не начал подумывать о более тесном объединении своих владений к северу и югу от Альп. Чтобы лучше обезопасить свои связи с Германией, он готовился ввести в Ломбардии императорские права, закрепленные в Констанце (1226). Сразу же ожила дремлющая Ломбардская лига. Альпийские перевалы были так эффективно блокированы, что Фредерик остался полностью зависим от своих сицилийских сил. В конце концов он повернул фланг Лиги, заключив союз с Эццелином да Романо, тираном Вероны, что дало ему доступ к Бреннерскому перевалу; но Лига в ответ оказала поддержку его мятежному сыну Генриху, королю немцев. Так началась еще одна война в Ломбардии. Леньяно был блестяще отомщен на поле Кортенуова (1237), где император разбил миланцев и захватил *карроччо*, символ их независимости. Но его, как и его деда, измотали трудности осадной войны, и в 1240 году он повернул на юг, чтобы уменьшить государства Церкви. Еще одну попытку он предпринял в Ломбардии зимой 1247-1248 годов. Но катастрофическое фиаско разрушило его надежды и нанесло смертельный удар по его престижу. В течение пяти месяцев он блокировал Парму, и город был на последнем издыхании, когда он неосмотрительно отпустил часть своих войск. Гарнизон, увидев удобный момент,

предпринял отчаянную вылазку, пока император отсутствовал на охоте. Они захватили и сожгли сильно укрепленный лагерь, который он назвал Викторией; его багаж и даже драгоценности короны были захвачены; более половины его армии были убиты или взяты в плен, а остальные в смятении бежали в Кремону (18 февраля 1248 года). Фредерику пришлось отступить, и он больше не появлялся в Ломбардии. Его сын Энцио, которого он оставил представлять его интересы, в следующем году был захвачен болонцами и приговорен к вечному плену.

Фредерик умер в 1250 году, и с этого года мы можем датировать как распад империи, так и упадок свободной итальянской коммуны. То, что ему не удалось осуществить, имея за спиной объединенную власть Сицилии и Германии, было достигнуто целым рядом мелких местных династий. В Милане Висконти завершили порабощение, задуманное Делиа Торре; в Вероне в императорское наследство вступили Скалигери; в Ферраре - Эсте; в Падуе - Каррара; в Мантуе - Гонзага. Прилив деспотизма медленно, но верно нарастал, пока в XV веке только Венеция не осталась напоминать Италии о возможности свободы.

Именно в Германии, а не в Италии или Фландрии, мы должны искать последний и, возможно, самый плодотворный этап в развитии средневековой городской жизни. Свободные институты появились в немецких городах сравнительно поздно; и хотя именно лангобардскую коммуну они стремились воспроизвести, им так и не удалось добиться столь значительной независимой власти или превратить себя в столицы мелких государств. Гогенштауфены, как и ранние Капеты, понимали, какие преимущества может принести союз с Третьим сословием; но Фредерик II был вынужден отказаться от права создавать свободные имперские города в пределах вотчин великих князей, и большинство городов были вынуждены торговаться в одиночку со своими непосредственными господами. Отрезанные от любых перспектив территориального суверенитета, города, даже те, что принадлежали империи, были также исключены из состава сейма вплоть до конца XV века. Торговля была единственным выходом для их деятельности. Но торговля шла с таким успехом, что к концу Средневековья Аугсбург соперничал с Флоренцией как центр космополитических финансов, а балтийские города развили торговлю, сравнимую со средиземноморской. Именно балтийская торговля породила новую форму муниципального союза - знаменитую Ганзу. Ядром этого объединения стал союз, заключенный между Любеком и Гамбургом для защиты перевозок по Эльбе. К нему потянулись другие города, и в 1299 году Ганза поглотила более старую Готландскую лигу, центром которой был Висби. К 1400 году насчитывалось около восьмидесяти ганзейских городов, расположенных главным образом в нижнем Рейнланде, Саксонии, Бранденбурге и на Балтийском побережье; но торговая сфера Лиги простиралась от Англии до России и от Норвегии до Кракова.

Ганзейские города подчинялись множеству различных сюзеренов и объединялись только для защиты своей торговли. Лига была слабо связана между собой; существовал представительный конгресс, который собирался в Любеке через нерегулярные промежутки времени, но делегаты не имели права связывать свои города. У нее был лишь небольшой федеральный доход, не было постоянного флота или армии, и не было никаких средств принуждения непокорных членов, кроме исключения из торговых привилегий. И все же этот аморфный союз для некоторых целей считался независимой державой. Ганза контролировала Балтику, водные пути и дороги Северной Германии; ей принадлежали фабрики (сталелитейные заводы) в Лондоне, Брюгге, Бергене и Новгороде; она заключала торговые договоры, а иногда и вела войны. В XIV веке она монополизировала балтийскую торговлю, и за ней ухаживали все государства, имевшие интересы в этом море. В пятнадцатом она начала приходить в упадок, а в эпоху Реформации и вовсе канула в Лету.

Возникли новые морские державы; Англия и Нидерланды, Швеция и Дания вступили в конкуренцию с Ганзой; рост территориализма в Германии подрывал независимость ведущих членов лиги; и балтийская торговля, как и средиземноморская, стала иметь второстепенное значение, когда португальцы открыли путь в Индию через мыс, а Колумб, Кортес и Писарро открыли Новый Свет в Западном полушарии.